

Не-игра со смертью

Tribute to 地獄少女¹

¹地獄少女—читается как «дзигоку сёдзэ». Дословно – «адская девочка».

В силу того, что основной текст является фактически монологом Нохацу Дзюн, в своём роде – дневником, который надиктовывается в реальном времени – мы постарались как можно меньше вмешиваться в него. Прямая речь очень хорошо рассказывает не только о событиях, но и о самом рассказчике. Поэтому нам показалось, что даже некоторые ошибки, встречающиеся в этом тексте – помогут Вам лучше понять эту необычную и, на наш взгляд – симпатичную девушку.

К сожалению, для неподготовленного читателя её речь изобилует ссылками на слова, понятия и культурные феномены Японии (к каковым, безусловно, относится и анимэ). И хотя большинство из них понятно из контекста или же вообще не имеет такой уж большой смысловой нагрузки – мы постарались снабдить этот текст комментариями. В сущности – они предназначены в первую очередь тем, кому интересны подобные детали. Настоящим знатокам Японии и даже просто увлечённым поклонникам анимэ они ничего нового не расскажут. Тем не менее – если кого-то они заинтересуют – добро пожаловать в раздел сносок.

Эпизод 1. Пролог.

День нулевой.

Поздний вечер. Сто двадцать километров в час по Dubai Bypass Road. Автоматически постреливаю глазами в зеркало заднего обзора. Что?! В зеркале – смутно читающиеся во тьме чёрные волосы, бледное лицо, огромные красные глаза.

Взгляд на пассажирское сиденье. Девочка. Чёрное кимоно, расшитое яркими цветами. Расшитое? Цветы плавно перемещаются, наползают друг на друга, поворачиваются...

– Здравствуй, Энма Ай...

Быстрая оценка ситуации: Я не злюсь и не обижаюсь... Да и Энма не в школьной форме. Значит – предложение контракта на отправку кого-то в Ад ожидать не приходится. Более того, она в кимоно... рабочей одежде, так сказать. Значит...

– Кто-то «заказал» меня?

– Да.

– Давай я хоть на обочине остановлюсь? А то если из машины на полном ходу пропадёт водитель – могут и другие пострадать. Или если ты не торопишься – давай доедем до моего дома. Хоть чаем угощу...

– Боишься?

Кончик губы вздёргивается в кривой саркастической ухмылке.

– Конечно, боюсь. Хотя и знаю, что для некоторых Ад кажется раем. Но это не главное.

С удивлением отмечаю в себе разгорающееся любопытство: «Кому же так получилось насолить, что меня заказали? Пара контактов по работе. Пара знакомых. Нет, всё не то. Это мелочи. Переход любви в ненависть? Возможно. Но... возможны и случайности. Не хочу об этом думать. Либо узнаю, либо нет. В любом случае – я не ангел. Могло случиться, что и нечаянно.»

– Стараешься задобрить?

– Не без этого. Но... Знаешь, в сериале показывали (и я в это верю) – ты всегда стараешься убедиться: понимает ли человек, за что ты его «выпиливаешь», раскаялся ли он? Знаешь, причинять

зло – мне никогда и никому не хотелось. Хотя всё равно случалось всё равно – своим безволием, своим высокомерием... У меня не так мало грехов...

Свернув с трассы, машина несётся вдоль колонны танкеров.

– ...И мне очень жаль тех людей, которых я вольно или невольно получалось обидеть. Даже когда «вольно» – в сущности зла желать – не моё оно.. Но так или иначе –случалось делать людям больно... Очень грустно, что всё-таки случалось. И даже больно настолько – что позвали на помощь тебя. Значит – так или иначе, но в Ад мне и дорога. Искренне желаю, чтобы в мире без меня они были бы счастливы. Но... ведь даже несмотря на раскаяние – ведь контракт уже заключён. Так что нет, не задабриваю.

Несколько поворотов, парковка.

– Торгуешься?!

– Опять же не без этого. Но и это не главное. Однако, мы приехали. Добро пожаловать в мой (надо теперь добавить – «бывший»?) дом.

С клацаньем открывается замок. Загорается свет. В чайник с бульканием наливается вода из канистры.

– Главное дело – в другом. Садись на кровать – это у меня гостевое место. Да и тебе высота стола будет привычной.

На столе появляется чашка, стакан, заварочный чайник и коробка овсяного печенья. Энма берёт чашку и без выражения смотрит на сласти.

– Попробуй. Фирменное русское печенье, так сказать. Возможно – тебе понравится.

Чай разлит по ёмкостям. Энма задумчиво отхлёбывает из чашки.

– Главное дело в том, что у тебя не самая лёгкая работа. И хотя у 地獄少女 должно быть каменное сердце – до сих пор подчас и у тебя работа оставляет весьма мерзкое послевкусие. И которую ты получила тоже не за примерное поведение. Наверное, можно сказать, что я тебя жалею... Но это не совсем так. Мне просто хочется сделать приятное человеку, который мне нравится. И который не очень-то счастлив. Хотя бы просто угостить его чаем.

Энма грызёт очередное печенье, кажется ей понравилось.

– А что до торговли... Где-то на втором плане у меня была и логическая мысль: в современном мире люди общаются не только с людьми. Они многое начинают прятать за «никами», рассыпать по Сети мелкие намёки. Иногда просто доверяют свои переживания зашифрованному файлу в папке «Мои документы». И когда ты пытаешься раскопать причины ненависти клиента – стандартные «человеческие» способы расследования, пусть даже и обладая сверхчеловеческими возможностями – могут оказаться не слишком эффективными... поэтому был у меня вопрос: вам специалист по IT в команду не нужен?

Девочка поворачивается и пристально смотрит прямо в глаза. Мои губы сами складываются в немного виноватую но, как мне кажется, тёплую улыбку.

– Может и нужен, но...

Она наклоняется и шепчет мне в ухо несколько слов. Идиотская ухмылка сама вылезает на мою физиономию.

– А можно ли...

Не успеваю сформулировать правильно и зависаю на полуфразе. Но Энма поняла и так:

– Да.

– Что ж. Всегда было интересно попробовать.

– Это Вечность, не проба.
– За интерес тоже приходится платить... Да и «меру пресечения» такой вариант не слишком меняет – твой дом ведь тоже в Аду.
Энма ставит пустую чашку на стол.
– Спасибо за угощение.
– Не за что... Что ж, я так понимаю – пора?
Адская Девочка встаёт и поднимает правую руку:
– О, достойная жалости душа, смотрящая на всех свысока и причиняющая другим боль...
В моих руках фотография.
– Вот и оно. Последнее прости. Счастья тебе, М...! И, надеюсь, это – не ты. Не желаю тебе попасть туда, куда ухожу я. Не за что тебе!
– ... шар кармы, погрязший в грехе...
Целую фотографию, ставлю её на место. Взгляд – в глаза Энмы Ай.
– 一遍死んで見る?²
«Конечно, нет. Но всё уже решено, так, Госпожа?»

Эпизод 2. 之法 殉³

День восьмой.

– Хоне-Онна-сан⁴?
– Да, Дзюн-тян?
– Мне не хотелось бы оказаться навязчивой или обузой... Но у меня к Вам просьба... личного характера.
Хоне-Онна поворачивается ко мне. Ох, как же она изящна! Более двухсот лет прошло, а впитанные (или вбитые, когда ещё при жизни делали из неё гейшу⁵?) манеры так и не изменились. На лице – лёгкая заинтересованность.
– Что же, пойдём, поговорим.

²一遍死んで見る? – читается как «иппЭн шИнде мирЮ?»». Означает примерно: «Теперь ты хочешь умереть?» (в английском переводе – 'want to die at once?') Если говорить более ехидно, то наиболее адекватный перевод: «Ну что, дострелить тебя наконец?»

³Нохацу (之法) – можно трактовать по-разному. Это либо некий знак свыше (в свете дальнейшей истории) – «расширяющая законы/запреты», либо тонкая издёвка: «расширенные (не слишком строгие) манеры». Дзюн – несомненно значащее имя: (殉) эта кандзи означает «принесение [себя] в жертву» и «смерть»

⁴«-сан» (и чуть позже появляющиеся «-тян» и «-кун») – три самых распространённых постфикса, обозначающих отношение. –Сан – признак уважения. –кун – отношения как к равному. Мужчине. Девушку можно назвать –кун только если очень нужно подчеркнуть чисто рабочий характер отношений. Да и то скорее всё равно обидится. –Тян – наоборот, практически полностью узурпировано девушками и является аналогом уменьшительно-ласкательных суффиксов. Соответственно, девушки друг-друга на –тян кличут когда обращаются к равной или младшей, а мальчики – только в детстве. А потом обижаются.

⁵Гейш (芸者) часто путают с проститутками в остальных культурах. На самом деле гейша развлекает своего гостя исключительно «ментально»: разговором, танцем, чашкой чая, музыкой. И учатся на гейшу – несколько лет. Для обозначения проституток более «традиционных» существует слово «юдзё» (遊女) .

Она плывёт мимо меня к выходу, не глядя попадает ножками в дзори⁶ и замирает около двери. Я поспешно встаю и следую за нею. Да, в традиционном японском доме дзори удобнее – с европейскими туфлями на ремешках приходится повозиться.

Мы выходим в поле и сворачиваем в сторону синих цветов. Хоне-Онна ещё и наблюдательна: уже успела оценить, что синие мне нравятся намного больше красных. При этом, в кимоно, на деревянных сандалиях она умудряется не поломать ни одного цветка. За мной остаётся тропа. А ведь я – и меньше, и легче её!

Наконец, отойдя от дома метров на сто, она присаживается и делает жест: присоединяйся.

– На самом деле, я тоже хотела тебя кое о чём спросить.

– Да. Я слушаю Вас. – склоняю голову.

– Дзюн-тян... Ты уже дважды отработала куклой. У меня нет нареканий. Один раз помогла нам разобраться в хитросплетении масок клиента в Интернете. Но – не выходя из дому. Я рада, что нас стало больше – количество заказов растёт и куклами работать приходится всё чаще. Но...

Она замолкает. Кажется, прямой вопрос задавать неприлично, а спросить хочется. Что же, здесь я не настолько неуклюжа. Поднимаю глаза и спрашиваю:

– Но почему Госпожа предложила мне присоединиться?

– Да.

– С одной стороны – именно для того, что Вы и сказали. Ещё одна кукла. И Интернет.

Хоне-Онна задумчива. Ёлки палки, ну как она умудряется держаться с таким изяществом в любой обстановке?!

– Интернет... Да, это то, чего ни Ваньюдоу, ни Ичимоку Рен, ни я, ни даже Маленькая Госпожа толком не понимаем. А ты в первый же день притащила штук пять каких-то коробок...

Про себя киваю: «Видимо, выглядящие детьми Кикири и Ямаваро в разговоре на такую тему не заслуживают даже упоминания. Впрочем, справедливо в данном случае. А «коробок» было именно пять: роутер, свитч, сервер, внешний RAID-массив и принтер.»

– ... и мгновенно рассовала их по шкафам и сундукам. За что, кстати, Маленькая Госпожа тебе, наверное, благодарна: она очень привыкла к нашей обстановке и малейшие видимые изменения её раздражают.

Хоне-Онна снова делает паузу. Тут уж понятно: от меня ожидается что-то в духе «я старалась».

– Я знала это. Поэтому и старалась как можно меньше нарушать обстановку своим оборудованием. Мне очень лестно, что и Вы это заметили, Хоне-Онна-сан.

– Да. Но провода всё же кое-где видны.

– Я исправлю этот недосмотр!

– Умница. Но что это всё? Для чего?

Я улыбаюсь: всё-таки это мой конёк и моя любимая работа.

– Я создала локальную компьютерную сеть в нашем доме. Для обработки информации, которую можно вытянуть из Интернета.

– Сеть?

Хоне-Онна вдруг начинает смеяться.

– Нохацу Дзюн! Как же я сразу не догадалась? の初の純 Но хатсу но дзюн – сетевая девушка, нэ⁷?

⁶Дзори (草履) – один из видов традиционных японских деревянных (соломенных) сандалий.

– Хай!

Почему-то мне становится немного неудобно. Я прямо чувствую, как краска заливает мне щёки. Смущённо опускаю взгляд. В поле зрения мелькает изящная фигура сидящей напротив Хоне-Онны, её тонкие руки... Впрочем, пожалуй и мои кисти теперь не менее изящны.

А насчёт имени это опять воспитание, воспитание, ёлки-палки. Неправда это. Все наши имена – отражают нашу суть. К примеру, Ваньюдоу – демон, возникший из колеса потерпевшей крушение горячей кареты. И его имя так и переводится: «колесо, выходящее на (большую) дорогу». Так что и моё имя – не бином Ньютона для неё. Просто она не хочет признавать, что не задумывалась на эту тему. А то ещё я решу, что она меня всерьёз не воспринимает. Да. Такие вещи на ходу просчитывать – не враз научишься. Хотя официально моё имя записывается несколько иначе, да и значение имеет другое... тоже вот не знаю, то ли хихикать, то ли глубоко задуматься... Но изначально был именно этот смысл. Впрочем, Хоне-Онна моих кандзи не видела.

– Но ты ни разу не работала «в поле»... Казалось бы – тебе на вид 15-17 лет, наш основной контингент – девушки и немного юношей твоего же возраста. И ты могла бы становиться им подружкой, давать информацию с другой стороны. Даже мы с Реном для них уже слишком взрослые...

– С этим и связана моя просьба.

– Так вызовись сама? Маленькая Госпожа никогда не отказывает в таких вещах. При чём здесь я?

– Я... – смущаюсь ещё сильнее прежнего. – не могу... пока.

– Почему?

Хоне-Онна удивлённо заламывает бровь.

– Хоне-Онна-сан. Я хотела попросить научить меня... Всему. Вести себя. Краситься. Одеваться. Я... плохо умею быть девушкой. Тем более – японкой.

– Дзюн-тян... – Хоне-Онна явно ошеломлена, но проявляется это лишь в паузе между моим новым именем и продолжением фразы. – Рен говорил, что ты поразительно много знаешь в компьютерных делах... И я по твоей манере строить фразы уже подозревала, что японским ты владеешь не очень хорошо. Но нельзя же быть настолько...

Она пытается подобрать слово. Кажется, у неё не выходит, и формулировка изменяется:

– Но ты же не всегда была настолько увлечена компьютерами! Что-то ведь ты должна понимать?!

– Кое-что я действительно понимаю. Но именно понимаю – это не практический опыт. И всё равно его мало, даже понимания...

– Великий Ад, да откуда же ты такая взялась?

– Хоне-Онна-сан. Наверное, мне надо будет объяснить всё по порядку. Но предварительно я хочу попросить Вас, чтобы мой рассказ остался между нами. Хотя бы на время. Конечно, Маленькая Госпожа всё это знает и так, ведь это она меня привела. А вот Кикири и мальчикам про это знать не обязательно.

– Хорошо, Дзюн-тян. Ты меня настолько заинтриговала, что я готова дать такое обещание даже авансом.

– Взялась я из далёкой-далёкой страны, где очень много песка, солнца, моря и нефти. В которой была вполне обыкновенным человеком. Однажды кто-то из моих знакомых, не меньше моего увлекающийся анимэ, затаил на меня злобу и послал запрос в «Адскую Почту». С вашей стороны

⁷ Нэ – частичка, означающая ожидание согласия. Как английское isn't it? Есть ещё «ни» - ожидание несогласия. Но она встречается реже.

расследования не было – тот человек находился в порыве эмоций и сдёрнул ниточку мгновенно, как только дослушал условия контракта.

Хоне-Онна задумчиво кивает.

– Да, я помню. Это был необычный вызов – очень издали. Мы все удивились, и действительно ничего не успели сделать.

– Маленькая Госпожа пришла ко мне. – я в затруднении перебираю складки на юбке. Как дальше рассказывать – не совсем понятно. Как подать историю – не чтобы повернуться в выгодном свете, а чтобы не сильно огоршить Хоне-Онну... – Возможно, у неё возникли виды на меня сразу же при заказе. Возможно – её удивила моя реакция. Но Маленькая Госпожа сочла возможным несколько изменить «меру пресечения» и предложить мне войти в её команду. С одним условием.

Поправляю воротник кофточки и медленно, касаясь груди, опускаю руку – так, что внимание собеседницы концентрируется на моей фигуре.

– Ей была нужна юная девушка. Именно для того, что Вы сказали: подруга. А я... Я всегда с огромным уважением относился к женщинам. И немного завидовал им – ведь у них есть столько всего, что мне так нравилось! С другой стороны – никогда толком не понимал их. Или не достаточно старался сделать им жизнь лучше. В общем, я согласилась. Поэтому условие получилось двоякое: в качестве бонуса – я заполучила всё, что мне так нравится. В личное пользование, так сказать. В качестве наказания – привычным образом пользоваться многими вещами уже не получится. И работать «в поле» мне предстоит в куда более патриархальной культуре, чем я родилась... и где моё собственное отношение к женщинам – удивительная редкость и удача.

Впервые за весь разговор эмоции так чётко отражаются на лице моей собеседницы. Наверное потому – что их действительно слишком много и она не может даже выбрать – какой отдать предпочтение.

– Да... нарциссизм почти как у Ичимоку Рена... Ну ты и дурак же!...

Поощрённая словами про нарциссизм (да, я и в жизни себя вообще-то любила), я гордо приосаниваюсь и поправляю:

– Ано⁸... дура!

Хоне-Онна на мгновение оскорбляется, приняв это на свой счёт, но потом до неё доходит истинный смысл моей поправки, и она заходится в хохоте:

– Да уж, теперь не поспоришь!.. Эх, Дзюн-тян, дура же ты, в таком случае!

– У! У! – облегчённо соглашаюсь я с ней. Кажется, главное уже сделано.

– И заказали тебя, когда тебе отнюдь не 15 лет было, так?

Отсмеявшись, Хоне-Онна становится серьёзной.

– Да, несколько побольше. Поэтому, боюсь, переформатировать личность уже не получится. И поэтому я и прошу Вас: научите!

Замираю в поклоне. Уж настолько-то японскую культуру я и сама знаю. Хоне-Онна молчит. Думает. Наконец, молчание прерывается:

– Чтож. Пойдём, покажу тебе, как красить глаза и губы для начала. Даже с твоей красотой пренебрегать косметикой не следует, Дзюн-тян.

⁸«Ано» – слово, служащее для привлечения внимания. Часто так же оказывается заменителем тянущегося «э-э-э-э» в европейских языках: паразитный звук, когда человек уже начал говорить, а чего сказать – не знает. Впрочем, для этого в японском и специальное слово есть: «Эт-та...»

Эпизод 3. Первым делом – пулемёты. Девушки – потом.

День четырнадцатый.

– ...Давно мы над макияжем не работали. Смотри, Дзюн-тян. Сначала берёшь вот эту кисточку и более тёмным цветом рисуешь контур губ. В принципе, так можно визуально несколько уменьшить или увеличить губы, но для первого раза такие хитрости мы делать не будем. Да и не нужно это нам.

Я аккуратно обмакиваю кисточку в помаду и длинными, но тщательными движениями обвожу губы. Да, Хоне-Онна права. После смерти мы хотя и похожи на себя прежних, но, так сказать, улучшенные копии. Получили ту красоту, к которой были предрасположены, но более совершенную. Я, конечно, изменилась сильнее, но всё равно по каким-то чёрточкам могу узнать своё прижизненное лицо.

– Затем, вот этой – посветлее – заполняешь всё пространство... Теперь делаешь губами вот так – чтобы краски плавно переходили одна в другую... отлично!

Мне тоже нравится результат. Но что-то мешает насладиться им в полной мере.

– Суммимасэн⁹.

Не вставая с колен, в два «прыжка» на руках перемещаюсь к своему лаптопу: пока Энма Ай где-то гуляет – «посторонние предметы» можно и по полу раскидать. Странная, ещё при жизни образовавшаяся связь с компьютерами, такое, если можно выразиться, киберчутьё не подвело меня и сейчас: к нам на сервер ползёт здоровенный кусок данных. С тех пор, как я появилась в этом доме – вся информация, собранная работающими «в поле», стекается на наш сервер. Причём наверное только я буду (когда у меня дело дойдёт до полевых выходов) вбивать её сразу же с лаптопа. Коллеги же, менее компьютерно-грамотные, просто надиктовывают свои наблюдения в микрофоны. И, если хотят – фотографируют. В принципе, с нашими возможностями это совершенно не обязательно... Но когда я предложила эту систему Маленькой Госпоже – та мгновенно загорелась идеей. И даже обосновала её для остальных. Всё-таки, хотя она в душе по-прежнему девочка-подросток, четыреста с лишним лет «не жизни» развили её ум до совсем не детского уровня... а уж опыт у неё... В общем, логично обосновала: поиск похожих обстоятельств может заметно ускорить «расследование».

Ладно, проглядим потом. Возвращаюсь к своей наставнице.

– Ичимоку Рен-сан, видимо, обнаружил нечто существенное. Гомменнасай¹⁰. Я не хотела сказать, что я не ценю Вашу науку.

Хоне-Онна кивает с непроницаемым лицом. Интересно, на самом деле она обиделась или нет? С одной стороны – данные Рена – это наша работа. С другой стороны – я ведь сама напросилась на её «классы» и она вовсе не обязана тратить на меня своё время... Была я диким гайдзином¹¹, дикой полу-гайдзинкой и остаюсь. Впрочем, о прошлом думать надо с осторожностью: чревато проколом. Как ляпну «боку ва» ещё!..

⁹ «Суммимасэн» (済ませせん!) – форма извинения за вмешательство или за иное действие, которое превяёт того, к кому оно обращено.

¹⁰ «гоменнасай» (御免なさい!) – форма извинения за уже совершённое. Между близкими людьми и в «слэнговой» речи может редуцироваться до «гомэ».

¹¹ «гайдзин» (外国人, полностью читается по идее как «гайкоку дзин») – дословно «иностранный человек», противоположность «нихонгоно» (日本語)... или в особо циничных случаях – «нихондзин» – японец. Японцы, однако, мононация.

– Теперь приступим к глазам. Ресницы ты подкрасить и сама сможешь. А вот подчеркнуть веки – здесь есть маленькая хитрость. Берёшь вот эту кисточку, тушь... И, внимательно: закрываешь глаз, обводишь верхнее веко вдоль ресниц, и чуть-чуть продолжаешь линию. Вот так.

Класс! Эта хитрость мне действительно понравилась. Произвожу подобную манипуляцию и со вторым глазом. Нижние веки, понятное дело, подводятся без хитростей. Мы обе сидим перед зеркалом и наслаждаемся полученным эффектом.

– Ну, Дзюн-тян, красавица?

– У!

Хоне-Онна наклоняется и шёпотом спрашивает:

– А раньше – бисёнан¹² был, да?

Я стремительно краснею и опускаю глаза.

– Да не очень. Хотя и не жуть с ружьём.

К счастью, неприятный разговор (надо понимать, что кое-каких утерянных характеристик мне жаль!) прерывают Ичимоку Рен и сама Энма Ай. Впрочем, Маленькая Госпожа как всегда молчалива, и всего лишь проходит за ширму, где вылезает из своей школьной формы и набрасывает нагаджибану, в которой обычно купается. Всё понятно – и её отсутствие, и наше ближайшее будущее. Энма Ай всегда заранее чувствует, когда клиент развяжет ниточку на шее соломенной куклы (в её роли сейчас Ваньюдоу), тем самым подтверждая контракт на «выпиливание» обидчика. А предчувствуя – уходит гулять, после чего, непосредственно перед финальным «спектаклем» и перевозом души обидчика в Ад – купается в близлежащей речке.

На пути к мосткам она оборачивается и произносит:

– Хонне-Онна. Ичимоку Рен. Нохацу Дзюн.

Это уже приказ. Сердце прыгает: первый раз мне предстоит активное участие. Пусть не в расследовании, но хоть в спектакле. Краешком сознания отмечаю: мудрое решение. Даже если я где-то напортачу, то живых свидетелей всё равно не будет. Рен же приступает к объяснениям, бесцеремонно завладев моим ноутбуком. Он, конечно, наиболее подкован в этом вопросе (даже учителем физики и химии как-то раз работал во время длинного «каскадного» расследования) и я не столько страшусь за «железку», сколько мне просто обидно. Но, кажется, к этому надо привыкать. Подозреваю, эта бесцеремонность чисто культурологическая, причём я могу выдать сразу несколько причин: это его расследование, по работе он мне – старший, ноутбук – инструмент рабочий, т.е. мужской... ну и вообще: он – парень, а я – девушка.

– Наш объект. Большой милитарист, оружейный фрик и любитель военной истории. Крутой до невозможности.

На экране ноутбука мелькают фотографии. Вот, пожалуй, этот парень точно подходит под определение «бисёнан». Стройный, красивый. Орёл вообще. И всячески это подчёркивает. Вот он в камуфляже, вот он с пистолетом, вот с другим... Но, да, ещё не зная обстоятельств дела, мне уже что-то в нём не нравится. Хмурюсь, пытаюсь понять что – не получается.

Хоне-Онна оборачивается ко мне и, с доброжелательной ехидцей тихонько произносит:

– Экзамен пройден. Женская интуиция у тебя есть. Но не развитая. Он – трус.

Тем временем, Ичимоку Рен продолжает:

¹²«бисёнен» (美少年) – дословно «красивый мальчик. Есть и парная «бисёдзэ» (美少女) – обычно эти слова имеют немного иронический смысл. «Красавчик», примерно.

– И своей немереной крутостью покоряет сердца барышень пачками. Наша клиентка...

На экране – совершенно обычная девочка-старшеклассница. В меру симпатичная, судя по выражению лица – в меру умная. Обычная хорошая девочка.

– Одна из этих барышень. Причину обращения к нам установить не удалось, однако эмоции из неё так и хлестали. Тем не менее – две недели пыталась вести себя совершенно обычно, продолжала гулять с ним, а Ваньюдоу большую часть времени пролежал в ящике её стола.

Хоне-Онна задумчиво смотрит на свои свеженакрашенные ногти.

– Он сердца именно покоряет. Сгибает своей агрессией и демонстративной жестокостью. Девочка осознала, что не просто любит, но и панически боится его. И захотела обрести над ним власть. Защиту.

– Возможно. – соглашается Рен, – Но сейчас произошло нечто более существенное.

Глаза его начинают недобро блестеть. Похоже, случившееся Рену не нравится и самому и он ждёт-не дожждётся, когда наша клиентка наконец развяжет ниточку. Тем не менее, голос его спокоен, а рассказ – сух. Впрочем, это может быть защитная реакция.

– Объект провожал клиентку домой. Им встретила банда хулиганов. Клиентке было предложено сходить с ними в аркаду поиграть. Объект мило извинился, сказал, что вручает клиентку заботам её друзей и испарился. Дальнейшее вам, девушки, объяснять не надо. Клиентка пришла в себя только сейчас.

Ичимоку Рен отчётливо скрипит зубами. Всё-таки он изрядно очеловечился. Пока был катаной – ему приходилось женщин и запугивать, и убивать... А теперь вот переживает. Даже ключевое слово произносить не хочет. Впрочем, действительно, объяснять не надо.

Хоне-Онна тоже в ярости. Это я по своей интуиции сужу. Так-то она по прежнему безмятежно изучает ногти на второй руке. Впрочем, нет. Ещё можно определить по манере говорить: отрывистой, краткими фразами. Сама я, скорее, в шоке. Половиной сознания – фиксирую происходящее. Половиной – переживаю. Ведь знаю, что такое бывает. А жутко. Жутко до боли. Физической.

– В аркаду, значит. Поиграть. Военная история.

Дальнейшее мы понимаем без слов. И план как-то оформился сам собой.

Зарёванная девочка дотянулась до ящика стола. Достала чёрную соломенную куклолку и трясущимися пальцами сорвала с её шеи красную ниточку.

– Твоя месть свершится.

Кукла исчезла.

На пороге возникает Ваньюдоу.

– Пора.

День пятнадцатый

– Знаешь, Исихава-кун, в *** раскопали линию обороны 40х годов... и устроили там музей. Как насчёт махнуть туда?

Ичимоку Рен, в камуфляжных штанах, высоких ботинках и чёрной футболке сидит в кафе с объектом. Объект одет примерно так же.

– Рен-сан, это было бы прекрасно!

Объект, похоже, не испытывает никаких угрызений совести. Или он идиот, или... Не знаю, и знать не хочу. Рен с объектом едут в поезде. Объект о чём-то заумно рассуждает. Рен одобрительно кивает. Кажется, разговор о Ницше. Вот ведь тварь какая!

А вот и наш «музей». Пожилой сторож (Ваньюдоу) ведёт гостей через экспозицию. Рен выглядит несколько ошарашенно. Кажется, я перестаралась... Ксо. Музей же я создавала. Траншеи, блиндажи, всё как положено. И, кажется, расставила всё слишком грамотно. Для девушки. Ксо! Ксо! А ведь это действительно экзамен! Всё это время, пока Рен ехал в поезде с объектом – Ваньюдоу курил свою трубку, а Хоне-Онна, заметив любовь объекта к Эсэсовской форме – притворилась черепом на кокарде манекена «гостя из союзного Рейха» в командирском блиндаже. Свалив всё оформление на меня. Но делать нечего. Продолжаем играть наш сценарий.

– А из той траншеи, молодые люди, мы оборудовали стрелковый тир. Не желаете попробовать? Все оружие аутентичное...

«Молодые люди» радостно соглашаются.

– Тогда наша милая Нohaцу-сан проводит вас. Я-то уже староват играть в эти игрушки...

Мой выход.

Меня трясёт. Но надо брать себя в руки. Я надеваю милую улыбку и выхожу из командирского блиндажа. Спиной чувствую одобрительный взгляд черепа – Хоне-Онны. Кажется, она довольна тем, как я справилась с собой.

Как практически любой оружейный фрикер, наш объект равнодушен к женщинам в форме. Особенно, если на самом деле женщина не брутальна... А лучше всего – юна и хрупка. Как некая Нohaцу Дзюн. Поэтому я ношу форму лейтенанта Имперской армии, адаптированную под мою фигуру. И прямую юбку чуть выше колен вместо галифе. В руках у меня тяжеленный «Тип 11» – японский ручной пулемёт. Я лучезарно улыбаюсь и указываю глазами на железяку (в глазах читается обожание):

– Только что отреставрировали. Пойдёмте.

Похоже, объект в восторге. А вот Хоне-Онна недовольна. Она почувствовала, что я действительно равнодушна к пулемётам. Но... что поделаешь?

Мы выходим на стрельбище.

– Вот здесь у нас винтовки «Тип 38, 99 и 40». – показываю на разложенное на брустверах оружие, – или, если хотите – можно опробовать в деле этот агрегат. – с трудом водружаю принесённый пулемёт в стрелковую ячейку. На самом деле я намного сильнее, но роль обязывает.

Объект немедленно устремляется к пулемёту. Рен индифферентно прикладывается к карабину «Тип 40».

– Пожалуй, я тоже к вам присоединюсь, – неизменно улыбаясь, произношу я и достаю из кобуры пистолет «Намбу Тип 14».

Следующие пару минут на стрельбище такой грохот, что его прямо таки видно. С восторгом отстрелявший два магазина объект наконец переводит взгляд на меня. И медленно обалдевает, наблюдая, как я «кладу» пулю за пулей прямо в яблочко. (Кстати, при жизни подобные результаты мне были недоступны, и мне самой приятно смотреть на такое... но надо возвращаться к «спектаклю»...)

Отлично. Объект перевёл всё внимание на меня. Неторопливо меняю магазин и произношу:

– Давайте поиграем, мальчики. Ты, – указываю на Рена, – будешь наш солдат. А ты – американский военнопленный.

«Американский военнопленный» настолько увлечён, что не чувствует подвоха и кивает. Да. Он действительно идиот. Или гипноз ситуации – трусы подвержены ему в бОльшей степени, чем кто-либо другой. Ну и славно. Сбрасываю улыбку, моё лицо теперь невыразительно и холодно. Пистолет упирается под ухо объекту. Объект цепенеет... поздно, голубок!

– Ано... мы ведь только играем?.. – неуверенно спрашивает он. У Рена. В меня он уже не верит. Правильно. Да только и в Рена верить тебе не надо. «Тип 40» упирается объекту в бок.

– Играем. – невыразительно говорит Рен и подталкивает его к командирскому бункеру. Объект ничего не понимает и идёт.. идёт!

Бункер. Мы входим. Рен остаётся за дверью. Вежливо улыбается и произносит:

– Не буду мешать, Исихава-кун... и вручаю тебя заботам твоей подруги.

Объект дёргается. Узнал свои слова, гадёныш.

– Что же, Исихава-кун, – безэмоционально произношу я. – как тебе тут нравится?

Объект молчит.

– Отвечать! – рявкаю я и стреляю так, чтобы лишь чуть-чуть задеть его ухо.

– Н-нет! – визжит он. – Рен-сан!!!

– Рен-сан вручил тебя заботам твоих друзей. Как и ты недавно...

Объект осознал.

– Но... ведь они же только поиграть хотели...

– Вот и мы поиграем, – произносит Хоне-Онна, воплощаясь обратно из кокарды.

Хоне-Онна же у нас – «Костяная Леди», насильно проданная в гейши, пытавшаяся бежать и убитая при этом – действительно умеет произвольно терять часть плоти. И, конечно, сегодняшнее дело ей очень близко. Поэтому она подходит к объекту и демонстрирует один из коронных трюков: «оголяет» руку и протыкает бедро объекта пальцами скелета. Впечатляет, между прочим...

– А я здесь причём?!... – визжит объект.

– Вы слышали, Госпожа? – произношу я.

Перед нами возникает Энма Ай. Как всегда – в чёрном кимоно, расшитом плавно перемещающимися цветами.

– О, достойная жалости душа, смотрящая на всех свысока и причиняющая другим боль...

– Я... – лепечет объект

– ... шар кармы, погрязший в грехе...

– ... поиграть...

– 一遍死んで見る？

В лодке объект ведёт себя беспокойно. Вырывается из костяных объятий Хоне-Онны и лепечет:

– ...поиграть...

– Эта лодка, – произносит Маленькая Госпожа финальную фразу. – отвезёт твою душу в Ад.

Хоне-Онна смотрит на меня неодобрительно.

– Что за фокусы с пулемётом? А с пистолетом?!

– Гоменнасай. Но от пристрастия к пулемётам так легко не излечишься. А про пистолет... один русский фантаст написал: «А когда заходит компания с большими красивыми пистолетами, тут сразу все в оцепенение впадают...» Вы же видели, как мгновенно сломался объект!

Хоне-Онна меняет гнев на милость. Как всегда, это понятно только из её слов:

– Видела. Но всё же ты поосторожнее, Дзюн-тян...

В дом входит Ичимоку Рен.

– Отлично сработано, девушки! Дзюн-тян, ты просто *отожгла*! Вот, кстати, тебе пример работы, когда отмщение радует душу...

1Ваньюдоу

Эпизод 4. Серпентарий в газетной обёртке

День двадцатый

– Надеваешь нагаджибану¹³. Шнурок при этом можно держать во рту... Разглаживаешь отвороты...

Это мы с Хоне-Онной от макияжа перешли к традиционной японской одежде. Нагаджибана – это ещё мелочи. Никогда бы не подумала, что слово из трёх звуков может вызвать у меня панику. Гусары, молчать! Хотя да, эротические взаимоотношения с мужчинами я до сих пор представляю себе слабо. Но сейчас мы говорим по-японски. И слово это – «оби»¹⁴. Фигурное завязывание этой штуки мне совершенно не поддается. Однако, раз даже Маленькая Госпожа владеет этим искусством в совершенстве – то и я осилю.

По дому разносится запах душистого табака. Странно. Ваньюдоу должен сейчас работать «в поле» – в ипостаси повара в кафетерии при крупном издательском доме. Тамошний главредактор (он же – владелец контрольного пакета акций), похоже одержим идеей замкнутого цикла... И помимо редакций и типографии оснастил здание... почти всем. Разве что номеров для ночёвки не завёл. Хотя

¹³Нагадзюбана – род женского кимоно. Лёгкое и красивое, одно из наиболее разукрашенных. Обычно – яркими цветами или геометрическими фигурами по всему полю.

¹⁴Оби (帯) – дословно «лента» – широкий и красивый женский пояс.

запирающихся изнутри кабинетов с диванами там полно, чем сотрудники и пользуются. Поэтому Ваньюдоу там натурально днюет и ночует. А тут вдруг пришёл. Или ему понадобилось что-то от Хоне-Онны? Наконец, одевание меня, любимой увенчалось успехом. Весьма умеренным, впрочем. Это я и сама понимаю. Однако, ожидающий у порога демон заставляет нас остановиться на этом и наконец поинтересоваться: не можем ли мы ему чем-нибудь помочь?

Обнаруживается, что Ваньюдоу была нужна отнюдь не Хоне-Онна, а я. Клиент оказался крепким орешком: младшая сотрудница отдела, занимающегося сбором... да можно прямо сказать: досье. Досье на сколько-нибудь знаменитых личностей. Заказала собственного начальника. Работающий в том же издательском доме в роли журналиста Ичимоку Рен... (Кстати, пропадает талант у него – я прочитала пару его статей... отличные статьи! В меру жёсткие, в меру ехидные... Рен – циник и лапочка). Так вот, Рен сначала предположил, что дело в ориентации этого начальника. Дело в том, что Юсуи-сан – откровенный гей. Но потом они увидели таки объект и версия отпала: внешность у него отнюдь не привлекательная, да и манеры... так себе. Поэтому версию неразделённой любви пришлось откинуть.

А дальше наши мальчики уперлись в тупик. Отношения между клиенткой и объектом – ровные и достаточно вежливые. Карьеристкой наша клиентка не является. Молодого человека, кстати, у неё тоже нету. Одним словом – надо лезть в их компьютеры. Причём на месте: сдружившись с местными системными администраторами Рен уже выяснил: оба наблюдаемых ходят в Интернет только по работе и мало-мало развлекаются в меру своих пристрастий: начальник на гейских сайтах, девушка – следит за модой.

Хоне-Онна отмахивается:

– Ваньюдоу, и как ты себе представляешь нашу Дзюн-тян в мире людей? Да ещё в окружении журналистов? Она же до сих пор гайдзинка гайдзинкой. Вмиг же насядут со всех сторон и шагу ступить не дадут!

Мысленно благодарю её за «гайдзинку». Могла бы и другие слова сказать. Но не сказала. Это хороший знак. Тем временем Ваньюдоу возражает:

– Журналисты как раз гораздо более привычны ко всякого рода странным личностям. К тому же в любом случае Дзюн-тян будет работать ночью, когда их вокруг не так много. И в довершение всего – она полу-гайдзинкой и будет. Племянницей Ичимоку Рена, выросшей в... Америке...

Я мысленно хватаюсь за голову: не люблю Америку.

– И что племянница Ичимоку Рена делает ночью в их отделе?

– Ждёт, пока он допишет статью для утреннего номера. И балуется в этом их Интернете за свободным компьютером.

Хоне-Онна всё равно не удовлетворена, но готова сдать позиции.

– Справишься, Дзюн-тян?

– Хай!¹⁵ – склоняюсь перед нею. – Мне надо будет только снять точные копии содержимого их компьютеров. Этот процесс можно запустить практически незаметно. А на экран я выведу какой-нибудь подходящий сайт. Да хоть 'Cheese!'¹⁶. Вроде как ищу новинки сёдзе-манги.

¹⁵Хай! – это такое «Да!». Но скорее даже – армейское «так точно!», хотя применяется и в обычной жизни достаточно часто. Просто очень чёткое такое утверждение согласия.

¹⁶Cheese! – один из старейших и популярнейших журналов для девочек, публикующих сёдзе-мангу (соответственно – манга для девочек).

– Ну, смотри! Мы многое можем людям внушить – вплоть до того, что мы их дальние родственники. Но чистить память – нет. Не напортачь!

– Я буду стараться!

Ночная редакция – интересное место. Не такое шумное, как днём, но куда более разнообразное. Торопливым шагом миную кафетерий, где за одним столом заканчивают отмечать победу какой-то бейсбольной команды, а за другим – оплакивать проигрыш их оппонента. Общаться с пьяными мужиками мне сейчас совсем не светит. Вот дежурный отдела происшествий клюёт носом у радиостанции, сканирующей вроде бы как закрытые частоты полиции и скорой помощи. А в интересующем нас отделе действительно пусто: клиентка наша работает по «человеческому» расписанию, а объект как раз перемещается между отмечающими и скорбящими в кафетерии. Кстати интересный момент – наливают ему в обеих компаниях.

Ладно. Приступаю. Загружаюсь со своего диска, начинаю сбрасывать образ диска начальника. Рен уже проверил (через тех же сисадминов) – на сервере у наших подопечных тоже ничего такого. Вообще – подозрительно. Двое чистюль.

Как хорошо, что я поставила звуковое оповещение окончания процесса: действительно увлеклась мангой! Перехожу за компьютер девушки. Всё спокойно.

Посреди работы вваливается изрядно поддавший Юсуи-сан. Точнее, не вваливается, а «вкатывается»: у него заметное пузцо, а перемещается он исключительно мелкой рысью. Эдакий малоприятный колобок катится.

– Хурано-тян? – удивлённо смотрит он на меня.

Я вскакиваю.

– Суммимасэн. Я – Нохацу Дзюн. Мой дядя, Ичимоку Рен-сан, сказал, что я могу подождать его здесь, потому что Хурано-сан ночью не работает... Простите за беспокойство, я сейчас же уйду.

– Да сиди уже... – Юсуи-сан настроен благодушно. Однако в монитор мне заглядывает. Хо-хо! Я умная! Нет у меня ничего такого на мониторе. 'Cheese!' всё тот же. И хвостик диска, на который я образ сбрасываю – затерян в путанице проводов сзади компьютера. Плохо другое: диск-то я незаметно заберу. А вот собственно хвостик – не получится. Там на другом конце разъём стандартный, ко многим устройствам подходит, но тем не менее. Впрочем, можно надеяться на то, что объект убежит по делам... или отключится.

Украдкой изучаю его. Действительно неприятный мужик. Но не настолько, чтобы его «заказывать». Юсуи-сан тоже изучает меня. И даже не украдкой. И, похоже, моя «легенда» работает: судя по выражению лица, он считает меня обычной старшекласницей и набитой дурой. Вот и славно – думаю я. Но не очень славно, оказывается. Оценив мой интеллект как не слишком высокий, объект начинает... я не верю своим ушам: расспрашивать меня о Ичимоку Рене. Причём особо не таясь.

– Скажи, Дзюн-тян, – (как однако меняется ощущение от личности произносящего. Когда меня так называет Хоне-Онна – я радуюсь. Маленькая Госпожа – мне тепло на душе. А этот... как липкое касание потной ладони), – а чем занимался Ичимоку Рен до того, как подался в журналистику?

– Суммимасэн. Я не так много знаю. Я приехала в Японию совсем недавно. А до того мы практически не общались.

– Так ты совсем его не знаешь?

– Не совсем так. Я знаю, что он работал учителем физики и химии в одной школе. Видела фотографии оттуда... Но только то, что он сам хотел рассказать, наверное.

– Что же он – такой молчун? Ничего и ни о чём?

– Нет, Ичимоку-сан – очень общительный и весёлый. Просто... ну какое ему дело для мелкой племянницы за семью морями?..

Про семь морей – это я удачно ляпнула. Чисто гайдзинский оборот.

– И как у него химия шла? Он что преподавал – органику или?...

Ч-что же это за допрос такой? Копирование давно закончено, диск незаметно переправлен в сумочку. Мне бы уйти уже, но крайне не хочется оставлять шнурок. Именно из-за допроса. Въедливый он, этот Юсуи-сан. Найдёт ведь. К счастью – я догадалась сказать Рену, сколько мне времени понадобится. И не дождавшись моего возвращения – он пошёл меня «спасать». Ох, если бы он знал – насколько близко к правде... именно спасать же!

– Дядя Ичимоку! – радостно визжу я. Выскакиваю из-за стола, цепляюсь бедром за угол (больно!), как бы теряю равновесие... и незаметно выдёргиваю несчастный хвостик из USB-порта. Ух! Это было да...

День двадцать второй

Сию дома. Который день подряд изучаю полученные образы. Юсуи-сан – поразительный чистюля. И на диске пусто. Не пусто, конечно, там полно всего. Но ничего примечательного. Задумчиво просматриваю образ по кластерам... Великий Ад, да у него все пустые места «кашей» забиты. Он не только удаляет файлы, но и забывает стёртые данные случайными числами. Это либо паранойя... Либо...

– Ичимоку Рен-сан, а что ещё про объект в редакции говорят? Помимо ориентации?

Рен задумчиво чешет в затылке. Я ему тихонько завидую: девушке в затылке чесать не положено.

– Да ничего в общем-то не говорят. Издеваются понемножку, но так. Либо на предмет внешнего вида, либо ещё чего... хотя нет. Кто-то мне говорил, что он ещё и шефу постукивает.

– Аригато, Рен-сан!

Ох, есть у меня подозрение: не только шефу наш объект постукивает. Уж больно всё у него профессионально на диске устроено. Ладно, посмотрю на нашу клиентку...

А вот клиентка наша – всё-таки дура. Экселевский файл, запароленный словарным словом («фунмацу» латиницей). А там – явно учёт приходо-расходов. При этом – никаких имён и названий, только аббревиатуры. Интересненько. И что мы можем из этого вытянуть?.. А вытягивается странное: все расходы нацело делятся на одну и ту же сумму, плавно изменяющуюся со временем. И доходы – на ту же сумму плюс пятьдесят процентов. Наша клиентка явно чем-то торгует.

– Ано... Ичимоку Рен-сан, Вам сумма в *** йен ничего не говорит? – называю ему «отпускную цену» неизвестного товара в этом месяце.

– Хм... – Рен снова чешет в затылке и пускается в длинное перечисление. К сожалению – ничего из перечисленного в единичном экземпляре столько не стоит. Неужели я промахнулась? Только собираюсь задать следующий вопрос, но вспоминаю: Хоне-Онна категорически не советовала мне перебивать старших, тем более мужчин. Даже если надо. Закрываю рот и смиренно жду. Наконец, Рен иссяк.

– А если это что-нибудь нелегальное?

– Ну, в чёрном рынке я разбираюсь слабо... Но, кажется, примерно столько будет стоить доза кокаина.

Бинго! Фунмацу(粉末) – «порошок».

– Поздравляю нас. Клиентка – пушер. Объект – не только стукач, но и профессионал. Готова спорить: он её «вскрыл», но из каких-то соображений решил не сдавать, а пошантажировать.

Сенсационное заявление привлекает внимание всех присутствующих. Даже Хоне-Онна отрывается от маникюра. Что же, объясняю ход своих умозаключений. Коллеги погружаются в задумчивость.

– Не лучший расклад. – выносит резюме Ичимоку Рен. – объект, конечно, сволочь ещё та, получается. Но и клиентка – не подарок. Что делать будем, когда развяжет?

Хоне-Онна проявляет женскую солидарность:

– Не концентрируйся на ней. Просто будем думать о стукачестве и шантаже.

Рен кивает.

– Так вот, милочка. – мерзким голосом произносит Юсуи-сан. – либо ты выясняешь мне, где тусуется в свободное время дядя Ку, либо мне придётся намекнуть кое-кому о твоих с ним взаимоотношениях.

Рука Мисато Хурано рефлекторно погружается в сумочку.

– Ну-ну, Хурано-тян. Не надо так нервничать. Тем более – ни ножа, ни пистолета у тебя в сумочке нету. Порода не та.

Да, ни ножа, ни пистолета. Лишь жёлтая соломенная куколка с красной ниточкой вокруг шеи – Ямаваро.

– Заметь, я не собираюсь намекать этому кое-кому о любимых местах отдыха дяди Ку. Так что от твоих слов никто не пострадает. А вот молчание может привести к очень печальным последствиям.

Мисато страшно. Мало ли что этот жирный любитель мальчиков удумает в отношении дядюшки Ку. А дядюшка Ку болтливых не любит... Но и самой пропадать?

– Да пошёл ты! – вдруг решается она и дёргает ниточку.

– Твоя месть свершится.

Стены комнаты плывут перед глазами Юсуи-сана, сереют и становятся шершавыми. Его собеседница куда-то пропадает, а на её месте появляется дама в строгом деловом костюме – Хоне-Онна. Дверь в кабинет превращается в стальную. К ней прислонился Ичимоку Рен.

– Что это? – Юсуи-сан демонстрирует класс. О, да, он не просто стукач. Он профессионал – почти спокоен.

– Это – стол. Это – стул. Это – одна дама, которая хочет с тобой поговорить, Юсуи-кун. – явно издеваясь, говорит Рен. – кое-кто, понимаешь ли, намекнул про твои интересные взаимоотношения с одной девушкой...

– Я не по этой части!

Отличная тактика, между прочим. Какие-такие отношения у гея с девушкой? Ведь он понимает, что его последний разговор слышали – но отрицает изобретательно. К тому же снимает возможность ответного шантажа на базе ориентации.

– О, да... – кивает Хоне-Онна. – взаимоотношения подразумевают взаимность. А с девушками у тебя её никогда не было в этом смысле. Да только смыслов-то много... Вот ты шепнул кое-кому... и кто-то другой шепнул кому-то третьему. Вполне себе взаимность.

– А главное – всё тихо, никаких криков. Сплошное благорастворение воздуха! – Ичимоку Рен не выдерживает. Конечно, ему всякое наушничество особенно не нравится: то ли дело открытый бой. Катана всё же благородное оружие. А про «благорастворение воздуха» – это он у меня подчерпнул. Мне лестно.

– Конечно тихо. Ведь ничего и не происходит!

– Ну, а как если мы шепнём Главному, что не только его уши слышат твой шёпот?

– Пф! Подумаешь, Главный! – объект уже плывёт, но он прав: кому он стучит – мы так и не знаем, а судя по профессионализму заметания следов – кому-то очень серьёзному. Как бы не контрразведке.

– А заодно – и дядюшке Ку... – про твой интерес к нему. – наносит следующий удар Хоне-Онна.

– Да я... м-м-материал сделать! – Объект паникует.

– А что, мы же шёпотом. Всё будет тихо, чинно, благородно. И ничего происходить не будет.

– В-вы вообще, сами знаете, кто такой дядюшка Ку!?

– Знаем. Однако какое это имеет значение? Ты шепчешь, мы шепчем. Ты знаешь что-то, мы знаем что-то. Всё честно...

– Какое честно? Какое сравнение может быть между мной и этой сучкой?

– Вы слышали, Госпожа?

Перед ними возникает Энма Ай. Как всегда – в чёрном кимоно, расшитом плавно перемещающимися цветами.

– О, достойная жалости душа, смотрящая на всех свысока и причиняющая другим боль...

– А это что ещё за... – возмущается объект. Даже странно – собирал досье, шпионил, шантажировал, а слухов про нас – не зафиксировал.

– ... шар кармы, погрязший в грехе...

– ... пафосная чертовщина?!

– 一遍死んで見る？

В лодке и этот объект ведёт себя беспокойно. Очнувшись – повторяет свои последние слова

– что за пафосная чертовщина?

И немедленно пытается выпрыгнуть. Сообразно статусу на его руках и ногах просто защёлкиваются кандалы.

– Эта лодка, – произносит Маленькая Госпожа финальную фразу. – отвезёт твою душу в Ад.

– А вот это пример неприятной работы. – говорит мне Хоне-Онна. – Объект действительно мерзавец. Но мерзавец ловкий и хитрый. А клиентка, увы...

– Что поделаешь, – утешаю я её. – мы ведь оружие. А любое оружие стреляет куда направят. И не спрашивает – кто направил. Но всё равно противно.

Эпизод 5. Университетский треугольник

День тридцатый

– Когда ты передаёшь визитную карточку лично адресату – следует держать её двумя руками за нижние углы и совершить поклон. При этом выпрямляешься ты только тогда, когда карточка принята.

Устав бороться с моей неспособностью красиво завязывать оби, Хоне-Онна решила устроить перерыв и читает мне лекцию о японской деловой культуре. Признаться честно – я слушаю её не слишком внимательно. И не столько потому, что мне не интересно, а потому, что одновременно сравниваю рассказываемое ею с тем, что видела в анимэ-сериалах при жизни. Например, этот

момент у меня мгновенно вызывает ассоциацию с «Наной»¹⁷ – тот эпизод, где Ясу вручает визитку моей тёжке. Надо будет, кстати, на сервере торрент-клиент повесить. Вот будет смешно, если наш IP будет определяться как Адский. Ерунда, конечно. Внешний IP нашего роутера – японский. Тем более, что как я выяснила – дом наш находится не в самом Аду, а на его границе. Как часть сделки Маленькой Госпожи: она не попадает в Ад, но за это получает свою работу.

Кстати, а вот и она. Сейчас Энма Ай в сейфуку¹⁸, значит немедленного приказа идти «играть спектакль» можно не ожидать. Маленькая Госпожа смотрит на нас, как всегда – вроде бы без выражения (вообще по безэмоциональности она бьёт даже Хоне-Онну как хочет), но почему-то нам обеим тепло и радостно от её взгляда. Нам – в смысле мне и моей наставнице. Энма Ай подходит к своему доисторическому компьютеру (прямо антиквариат уже – такие выпускались лет двадцать назад, если я правильно помню), который – будто ждал её, мгновенно зажигает красный экран с эмблемой «Адской Почты» в центре. Новый заказ. Признаться – я не удивлена. По-моему, с нашей стороны и прочтение заказа, и развязывание клиентом ниточки – уже чисто формальность. Маленькая Госпожа заранее чувствует и заказ, и подтверждение.

– Хоне-Онна, поможешь Ваньюдоу. – говорит Маленькая Госпожа.

Костяная Леди сгибается в поклоне и исчезает.

– Нохацу Дзюн.

Я удивлённо вскакиваю. Потом до меня доходит. Конечно же. Все же заняты. Впрочем, Ямаваро что-то давно не видно. С другой стороны – не видно и Кикири, а это меня радует. Не нравится она мне! Так что – снова моя очередь работать куклой. Ну, живы будем – не помрём, а помрём – так выпимся. В роли куклы спать – самое мудрое занятие. Если клиент разговаривать не начнёт.

Маленькая Госпожа подходит и берёт меня за руку. Я в шоке. Таких вольностей она себе никогда не позволяла... впрочем, мы ни разу не бывали наедине с тех пор, как я сюда попала. Но вообще – сказать, что мне приятно – это ничего не сказать. Я просто на седьмом небе. Не знаю, как это ей удаётся – но Энма Ай, при всей своей молчаливости и безэмоциональности – потрясающе обаятельна и влюбляет в себя мгновенно. Ну, меня по крайней мере она влюбила с первой серии. Поэтому такое проявление доверия и ласки (а с учётом уроков японской культуры – стократ более сильное, чем если бы мы были даже в Западной Европе)... Как говорил один мой прижизненный знакомый: «Всё, теперь неделю руку мыть не буду!» В общем, я просто таю.

– Освоилась? – спрашивает тем временем Маленькая Госпожа.

– Хай. – киваю я. – Но столько всего надо узнать...

– Ты знала, на что шла.

– Хай. Я не жалуюсь. Я... отчитываюсь. – говорю я и улыбаюсь ей. Совершенно неуместной нежной улыбкой.

– Хорошо. – констатирует Энма Ай. – И тебя приняли.

В общем-то я это видела и так. Но подтверждение из её уст – это совсем серьёзно. Просто не день, а праздник. Я даже начинаю опасаться. А Маленькая Госпожа поворачивается и ведёт меня из дому.

¹⁷«Nana» (ударение на первый слог, -ナナ-) – гениальный сериал в стиле «дзёсэй» (女性 – дословно – «женщина»), т.е. для девушек постарше. Отличная история, при этом – персонажи абсолютно как живые. И классная музыка.

¹⁸Сейфуку – сокращение от «сэйлор фуку» (セーラーふく) – послевоенная женская школьная форма. Прямое заимствование из английского. Те самые бесконечные анимэшные «девочки в матросках» – это девочки в сэйфуку.

Всегдашний закат окрашивает воду озера в кроваво-красный цвет. Мы стоим на берегу, под огромным деревом. Напротив – паренёк. Ничего особенного: самый обыкновенный. Скорее «ботаник», но и не «предельный ботан».

– Я – Энма Ай. – представляется Маленькая Госпожа.

– Адская... Девочка?! – паренёк в шоке.

Меня всегда удивлял этот момент. Казалось бы – сам факт того, что наш сайт доступен только в полночь и только когда обращающийся к нему находится в определённом эмоциональном настрое (а всё остальное время выдаёт ошибку DNS, мол нет такого домена даже) – должно подготовить клиента к необычному. Ан нет. Всякий раз – удивляются. С другой стороны – мне всегда было интересно, как они мгновенно выводят это «Дзигоку Сёдзе» из имени Маленькой Госпожи¹⁹. Логика там есть, и достаточно простая. Но вот я бы, даже будь натурально нихонофонкой – вряд ли так быстро догадалась.

– Ты вызвал меня. – продолжает Энма Ай. Паренёк кивает.

– Нохацу Дзюн! – оборачивается она ко мне и выжидательно протягивает руку.

– Да, Госпожа! – склоняюсь я и закидываю тот самый шнурок от диска вокруг шеи, превращаясь в соломенную куклолку. Куклолка падает в ладонь Маленькой Госпожи. Кстати, всё забываю спросить наших – какого я цвета в этой ипостаси?

– Возьми это, – Энма Ай протягивает меня паренюку. Тот с удивлением принимает куклолку. А руки у него ничего: достаточно мягкие, тёплые, сухие и достаточно сильные для его возраста...

– Если ты действительно хочешь отомстить – просто потяни красную ниточку. Тем самым ты подписываешь контракт со мной. Объект твоей мести будет немедленно отправлен в Ад.

Парнишка просто остолбенел. Так и стоит с протянутой рукой.

– Однако, ты будешь должен заплатить. Прокляни кого-нибудь – в Аду образуется две ниши. Твоя душа так же отправится в Ад. Неспособная уйти на Небеса – она вечно будет бродить по Аду в тоске и муках. Впрочем – это когда ты сам умрёшь.

Клиент зарабатывает ещё одно очко в моём рейтинге: обычно, услышав об этом условии – они паникуют и начинают кричать разные глупости, вроде «а я-то здесь при чём?». Даже в сериалах только двое или трое приняли это условие сразу и признали его резонным. Вообще, это условие мне кажется излишним. В смысле – оно совершенно чётко вычислимо. Убийство – грех. А убийство с нашей помощью – вообще «группой лиц, по предварительному сговору...» Одним словом – грех с отягчающими обстоятельствами. Единственная разница – что контракт с нами нельзя покрыть добрыми делами или, скажем, «отмолить».

Так вот, этот клиент глупых заявлений не делает. Он лишь кивает.

– Остальное – решать тебе. – заканчивает стандартную формулу введения в контракт Маленькая Госпожа. Мы с клиентом переносимся обратно в человеческий мир.

В принципе, будучи куклой – мы обретаем забавные возможности. Например – сферическое зрение. Но нужды в нём обычно нет: лежит себе кукла в ящике стола... или портфеле. Многого не заметишь. Ещё кукла автоматически знает имена клиента и объекта. И вот здесь я впадаю в

¹⁹Это на самом деле хитрый выверт. Дело в том, что в японском произношении индийский бог смерти Яма произносится как «Энма». А один из омонимов, звучащих как «Ай» – есть вариант любви (есть «суки» (好き) – нравится, «ай» (愛) – скорее платоническая любовь и «кои» (恋) – скорее как страсть и где-то вожделение)... То есть Маленькая Госпожа – любима Ямой.

задумчивость. Дело в том, что клиент (Такасакэ Кён) заказал... девушку (Куцуки Мидори). Интересно, чем руководствовалась Маленькая Госпожа демонстрируя клиенту, что кукла – тоже девушка? Ведь с тех пор, как в «команде» образовался баланс – она старается выбирать куклу в соответствии с полом клиента. Бывают, конечно, исключения.

Клиент сидит в своей комнате. Комната ничего особенного из себя не представляет: стол, стул, кровать... да, именно кровать, клиент спит не на футоне²⁰. На стенах – некоторое количество постеров J-Metal групп, нескольких анимэ-сериалов (всё сплошь дрыномашество вроде «Блича»)... И пара небольших фотографий объекта. О как! Сдаётся мне – тут у нас случай неразделённой любви. Ксо! Вот не люблю я такие расклады. Суициднуть в такой ситуации – можно. Не выход, на самом деле, но, так сказать, закономерный вариант. А убивать объект любви (да ещё с нашей помощью) – свинство. Хотя, конечно, дяденьку Отелло тоже можно понять. Н-да, хотя я-то и раньше была на стороне Дездемоны... а теперь так вообще – обязана вроде. Женская солидарность же.

Клиент же, сам не зная, сколько очков потерял в моих глазах – демонстрирует сообразительность. Раз он видел меня в образе обычной девушки (хоть и при необычных обстоятельствах), значит и в виде куклы я обладаю сознанием. Заключение вполне логичное. И действительно – кукла может общаться с клиентом. Проблема в том, что мне этого не хочется. Положение осложняется тем, что по всем статьям мне этот заказ не нравится. Но отговаривать его я же тоже не могу! Особенно я! У меня складывается впечатление, что Маленькая Госпожа выбрала меня – именно из-за меня, а не из-за клиента. Ксо! И что же делать? Как этому идиоту отвечать?

Идиот тем временем задаёт чудовищно сложный для меня вопрос:

– Скажи, это нормально – гулять с несколькими парнями одновременно?

Ха-ха! Если бы я знала! И к тому же: сказать, что «нормально» я не могу по работе. Сказать, что «нет» – тоже: я ведь знаю, что «генетически» самец старается завладеть максимальным количеством самок, а самка – старается привлечь внимание максимального количества самцов... и потом выбрать из них лучшего. Ладно, попробую так и ответить. Клиент – мальчик уже взрослый, может и поймёт, это «и да, и нет».

– Гулять, стрелять глазами и всячески флиртовать – нормально. Девушке надо привлечь внимание и понять, насколько каждый из парней ей нравится. Но сделав выбор – нет. Не нормально.

– А как понять, что выбор сделан? И где граница между флиртом и...

Ох, ну, Маленькая Госпожа, ты меня и подставила! Хорошо, раз «навскидку» я ответа не знаю – будем размышлять. В рамках культуры – маркером выбора, пожалуй, является факт интимной близости. Но этот момент уже и сейчас несколько утратил своё значение. А я, при моём текущем восприятии – вообще способна спать налево и направо. Потому что концентрироваться буду не на партнёре, а на себе. Хотя это и совершенно неправильно. Ладно. Предположим, так:

– Для каждой девушки это очень индивидуально. Но скорее всего – это переезд к парню. Или близость.

Единственная моя надежда, как работницы – что Мидори уже была близка с кем-то. А то получится, что я клиента отговариваю. Ксо, да что ж за контракт такой противный! Я ведь сама-то именно и хочу его отговорить!

К несчастью объекта – похоже, она действительно успела с кем-то переспать и не делала из этого особого секрета: рука клиента рефлекторно сжимает меня, как будто он дёрнулся от боли. И, к моему

²⁰Футон (布団)– традиционный японский матрас для спанья. Утром убирается в шкаф или сундук.

уже счастьем, на этом разговор прерывается. Клиент некоторое время сидит, безмолвно глядя на куколку в своих руках, потом прячет меня в ящик стола.

День тридцать первый

На следующий день он перекладывает меня из ящика в портфель и едет в свой колледж. Ну, это даже где-то хорошо: мне всё-таки хотелось бы увидеть объект в реальной жизни. Может быть клиент и не настолько неправ?

Ждать приходится довольно долго. Несколько часов я вижу только мелькание рук и тетрадей, когда клиент открывает портфель, готовясь к очередной лекции. Кстати, учится он на отделении, сильно связанном с информатикой. Лекции, которые я слышу, лёжа в портфеле – сначала программирование, потом основы сетевой безопасности. Хихикаю про себя: пошли меня Маленькая Госпожа работать «в поле» на этом контракте – была бы круглой отличницей! А тем временем, на очередной перемене я слышу очень интересный разговор. Не разговор даже, всего несколько фраз:

– Эй, Такасаке-кун! Ты чего так на Кицуки с Сузуки уставился? Ревнуешь?

– Отстань, Фудзибаяси!

– Ревность ни к чему хорошему не приведёт. Ты ведь ничего сделать не можешь. А если бы и мог – только жизнь испортишь. И ей, и себе.

Ох-ох! Девушка по фамилии Фудзибаяси сама не знает, насколько ошибается. И насколько права одновременно: может клиент сделать. Очень даже может. Но жизнь действительно кардинально испортит. И действительно обоим.

– Тебе-то какое дело?

Ага, клиент думает точно так же: одновременно с ответом он рефлекторно сунет руку в портфель и сжимает меня.

– Не хочу, чтобы люди брали грех на душу. А ревность – грешна.

– Мария-сан, избавь меня от своих христианских проповедей. Мы в Японии, в конце-концов!

Так. Значит эта Фудзибаяси Мария (всегда меня забавляло, как японцы ставят ударение на первый слог в этом имени: «Мария») – христианка. И, что самое главное – может стать для нас проблемой: она знает про отношение клиента к объекту и, когда (или «если») клиент таки подпишет контракт – может сделать определённые выводы. Да, мы, конечно, штука довольно мистическая. Но если она верит в христианского Бога, причём в Японии – у неё очень высокая предрасположенность к мистике: это же не традиционная здесь религия, и, чтобы её исповедовать, надо не «следовать общей тенденции», а действительно верить. Так эта девушка может и увязать исчезновение объекта с клиентом. Об этом надо немедленно доложить. К счастью, куклы очень сильно связаны с Энмой Ай. Поэтому я могу, так сказать, «отправить ей телепатему».

– Ты права. – раздаётся у меня над ухом шёпот Маленькой Госпожи.

Тем временем, Фудзибаяси, видимо, удалилась. А клиент подхватывает портфель и тоже куда-то идёт. Оказывается – поговорить с объектом.

– Мидори...

– Что тебе, Такасаке-кун?

Голос объекта мне не нравится. Причём я даже не могу сказать, почему. И легкомысленность, и игривость – вполне нормальны для её возраста. Но сочетание какое-то дурацкое получается. Видимо, какие-то дополнительные нотки я просто не могу отфиксировать на логическом уровне. Надо

полагать, Хоне-Онна сейчас должна была бы повторить свою фразу про мою не развитую женскую интуицию.

– Я... хотел бы поговорить с тобой.

– Так говори!

– Может быть – наедине?

– Ах, к чему такие сложности?

– Мидори... это серьёзно... я ведь... люблю тебя!

Хоть в чём-то клиент проявляет смелость: такое признание, да ещё на людях – для японца очень смелый шаг.

– Я знаю!

А вот объект – дурочка. Или сознательно издевается над клиентом.

– А если знаешь – то почему ничего не говоришь? То со мной гуляешь, то с другими какими-то парнями?

– Да ты ревнуешь! – объект издевательски смеётся. Да, теперь я уверена: она действительно сознательно издевается над клиентом. А клиент этого не понимает и начинает давить на жалость (совершенно ошибочное решение в данных обстоятельствах).

– Ревную. Посмотри, до чего ты меня довела!

Ого! Клиент распахивает портфель и демонстрирует его содержимое объекту. Объект, кстати, мне и правда не нравится. Не хорошо так про девушек говорить – но шлюшка она и есть. Ладно, а я – стерва. Обе хороши.

– Ха-ха-ха! Кён-тян настолько сошёл с ума от ревности, что стал играть в куклы! Нет, право слово, Такеши-кун куда взрослее тебя!

Дура! От упоминания одного из соперников, да ещё по имени (показатель близкой дружбы) клиент дёргается и хватает меня за ниточку.

– Значит – я ребёнок?

– Ха-ха-ха! Видимо да. А я с детьми не гуляю. Бай-бай!

Дура вдвойне и окончательно. Клиент шепчет «так не доставайся никому!» и дёргает ниточку.

– Твоя месть свершится!

Исчезаю из его портфеля.

Мидори идёт по вечерней улице, постреливая глазами по окружающим. Галантный Ичимоку Рен пытается с ней познакомиться. Вот они уже в баре, Рен угощает объект вином.

За окном останавливается шикарный лимузин. Из него выбирается Ваньюдоу – сейчас он выглядит как эдакий склонный к традиционализму глава огромной корпорации. Присаживается к стойке рядом с объектом. Мидори мгновенно переключается на него. Н-да, я была права в своей характеристике.

Ичимоку Рен выглядит расстроенным:

– Кицуки-сан... что же это?

Объект не обращает на него внимания – она вся увлечена Ваньюдоу.

Подхожу к ним и громко говорю:

– Прости, Ичимоку-сан. Это – типичный пример б...ства.

Объект взвивается:

– Да как ты смеешь, стерва такая! Это моё дело – с кем общаться!

Забавно. Вот и вторая моя оценка оправдалась. Меня назвали стервой. Впрочем, сейчас мне это всё равно.

– Вы слышали, Госпожа?..

А вот такого скандала в лодке я не видела никогда. Объект натурально в истерике, визжит, ругается и пытается драться. И зафиксировать её удаётся только объединёнными усилиями – моими и Хоне-Онны.

– Увы. Именно так твоё поведение и называется. А за это приходится расплачиваться. – говорю ей я.

– Эта лодка отвезёт тебя в Ад. – произносит традиционную фразу Энма Ай. Смотрит, однако, она на меня. В её глазах читается одобрение... и я наконец понимаю суть происходящего: Маленькая Госпожа боялась, что я начну отговаривать клиента (правильно боялась – я действительно была близка к тому) и поэтому использовала меня в наименее «влиятельной» форме. Но я всё сделала правильно. И как девушка, и как работница. Так что Энма Ай мною довольна. Что заставляет меня радоваться... а контракт всё равно противный.

Эпизод 6. Выход на сцену

День тридцать девятый.

– Запомни: вся домашняя работа: готовка, уборка, стирка – занятия исключительно женские. Мужчина в нормальной ситуации даже чашку со стола не уберёт, если рядом есть женщина.

Хоне-Онна продолжает вводить меня в тонкости японской культуры. Я сижу перед ней, спиной к зеркалу и тихонько горжусь собой: в зеркале отражается красивый бант на оби. Таки победила я эту науку!

Но, как обычно – стоит мне сделать что-нибудь красивое над собой – насладиться эффектом в полной мере не дают. На сей раз нам мешают оба «взрослых» мальчика. По их лицам видно – ситуация весьма запутанная. Тем не менее, с минуту оба они молчат. То ли слова подбирают, то ли ещё что. Мы с Хоне-Онной, следуя этикету, терпеливо ждём. Наконец, Ваньюдоу сообщает:

– Тот колледж на востоке Кочи²¹. Факультет информатики курирует компания «Канри солюшенс», занимающаяся всеми компьютерными делами понемножку. Соответственно – многие студенты в ней и работают на пол-ставки. Потенциальный клиент третий день подряд заходит на сайт, вводит имя начальника, но заказ не отправляет. Причину установить не удаётся: на первый взгляд отношения у них очень ровные.

Ичимоку Рен продолжает:

– Поэтому, хотя ты, Хоне-Онна, быть может считаешь, что Дзюн-тян не готова к работе «в поле», но она нам всё-таки нужна. Как студентка и подруга клиента. А я инфильтруюсь в «Канри».

²¹Кочи – остров на юго-востоке Японии. Не самый большой, но и не мелочь. Для Дзюн-тян место удобное: при «продвижении на юг», особенно на Окинаве всё сильнее прорезается диалект. И её не всегда правильное произношение хотя и будет привлекать внимание на пару с «легендой», но не в такой степени, как если бы она появилась сразу неподалёку от Токио, скажем.

Хоне-Онна, к моему удивлению, молчит. Сердце замирает: неужели она считает, что я готова к полевой работе? Обалдеть! И спасибо ей огромное! Она ведь действительно столькому меня научила!

– Всё же пусть будет студенткой по обмену. Или вернувшейся экспатрианткой. – наконец произносит она.

Моё сердце обрушивается куда-то вниз. Ура! Она действительно считает, что я готова! Теперь, кстати, я имею полное право задать вопрос по делу:

– Кем работают потенциальные клиент и объект?

– Объект – сетевой инженер. Клиент – младший техник «на подхвате».

Я думаю. Хорошо, допустим, на факультете я с этим мальчиком сойду. Но далеко не факт, что сумею за несколько дней устроиться на работу в тот же отдел. К тому же за его начальником надо бы проследить не «на пол-ставки». Да, Рен прав – нужен человек и в «Канри». Но...

– Суммимасэн. Ичимоку Рен-сан, я боюсь, что в этой компании требования по компьютерной грамотности достаточно высоки. А нам нужен кто-то, кто может постоянно контролировать наших подопечных. То есть быть рядом. Я ни в коей мере не хочу Вас обидеть... но испытываю некоторые сомнения – насколько это возможно?..

Рен пожимает плечами:

– А у нас вариантов нет. Кто ещё может там работать?

– Я вторично прошу прощения... Но если Хоне-Онна-сан будет так добра согласиться поработать там в отделе продаж (по интересующему нас направлению)... или секретаршей... – упираю руки в пол и склоняюсь перед нею. Хоне-Онна имеет полное право обидеться: секретарша ведь – далеко не её уровень. – Потому что так она сможет и контактировать с ними, и требования к ней, как профессионалу в другой области и... женщине... будут совсем другие.

К моему облегчению, Хоне-Онна смеётся:

– А ты умна, Дзюн-тян! Тонко просчитала. Что же, я не против немного поторгать сетевыми технологиями. Учти – если что – буду тебя же вопросами терроризировать.

– Хай!

Ичимоку Рен и Ваньюдоу иронично переглядываются.

– По-моему, это женский заговор! – резюмирует Рен. – Но почему бы и нет?

2Хоне-Онна

День сороковой

Первый день в колледже. Я стою в том самом лектории, где уже побывала в роли куклы и чудовищно смущаюсь. Не привыкла я к такому вниманию. А стандартная процедура требует выйти к доске и представиться перед всем курсом. Нет, я, конечно, знала об этом давно. Но морально всё равно не готова. Наконец, мне разрешают занять место.

Украдкой оглядываю сокурсников. На два ряда передо мной сидит потенциальный клиент. Хотя я вижу в основном лишь его затылок, но когда он поворачивает голову – у меня складывается впечатление, что он не чистокровный японец. Подозреваю в нём примеси крови малайской подрасы²². Скажем, филиппинец на четверть. Кстати, предыдущего клиента что-то не видно. Интересно, это случайность или он перевёлся? А вот эта симпатичная девушка с недлинным карэ, судя по голосу – та самая Фудзибаяси Мария. Тоже надо будет за ней присматривать.

Тем временем, начинается семинар. Мы как бы проектируем сеть для небольшой компании. Это очень удачно: хороший шанс выяснить – насколько клиент разбирается в своей работе. А мальчик действительно неплох: быстро предложил поднять второй доменный контроллер и весьма справедливо предложил использовать достаточно интеллектуальный фаервол вроде ISA: в модельной компании достаточно разные требования по части доступа в Интернет в зависимости от должности.

Преподаватель соглашается с его предложениями и вдруг оборачивается ко мне.

– Нохацу-сан, Вы можете что-либо добавить? – не только я пытаюсь определить уровень знаний.

– Да. У меня есть два соображения. Первое – очень простое: для *** трафика было бы неплохо использовать QoS и дать ему хороший приоритет.

²²Это только дикие гайдзины думают, что все монголоиды – на одно лицо. На самом деле, даже внутри одной подрасы различия заметные. А уж малайцев от китайцев отличать очень легко.

Преподаватель с некоторым изумлением задирает бровь. Ага, значит от меня ожидали меньшего. Хо-хо, то ли ещё будет!

– Второе: ожидается ли в ближайшем будущем открытие филиалов, тесное взаимодействие с другими компаниями или какие-то «полевые» работы? Если хотя бы на один вопрос ответ будет «да» – я бы настоятельно не рекомендовала использование подсетей 192.168.1.0/24 и 192.168.0.0/24 – могут быть проблемы при возникновении необходимости в VPN-туннелях. Вообще, подсети лучше распланировать заранее.

Хм. А не перестаралась ли я? Общественность в шоке. Кажется, подобного стратегического мышления от меня не ожидали. Ну да, я ведь не только первокурсница, но и девушка... да ещё и гайдзинка (по воспитанию). Ну и ладно. Буду, значит, *women prodigy*, как Чию-тян из «Азуманги»²³. Впрочем, я не настолько мелкая и, не столько кавайная, сколько именно красивая. А внимание к себе в любом случае привлечь надо. Я же собираюсь знакомиться с клиентом. И лучше бы, если это он со мной знакомиться будет. Опять таки культурологическая вещь, хотя этот момент везде одинаковый. С другой стороны – если я ему сейчас улыбнусь – ничего предосудительного здесь не будет.

Ого! Интересная реакция. Изначально клиент показался мне очень замкнутым и... в общем, я думала, что мне просто везёт на (внешне) безэмоциональных личностей. Однако сейчас, от моей улыбки он просто расцвёл. Быстро спрятался обратно за неподвижную маску, но я всё же видела этот секундный проблеск. Но что бы это значило? Я ведь за ним наблюдаю с самого утра. И ни разу ничего подобного. А если зайти с другого конца? Видела ли я какие-либо проявления эмоций, направленных на него? А ведь пожалуй, что и не видела. Вечером спрошу Хоне-Онну, что происходит у них на работе. В принципе, я считала, что «зеркало» – это в основном женский тип поведения. Но вдруг? Тогда будет уже какая-то зацепка.

Вообще хорошо, что клиент сидит сейчас всего в одной парте по диагонали вперёд и направо от меня. Сейчас я ему создам повод познакомиться. Настраиваю коммуникатор заиграть громкую мелодию за минуту до звонка и кладу его на парту рядом с учебником. Семинар идёт своим чередом...

Ха! *Just as planned!*²⁴ Коммуникатор звонит, я подскакиваю и хватаюсь за него: неприлично же до ужаса мобилкой звонить на занятиях. Естественно, «от неожиданности и смущения» мои движения плавностью не отличаются и учебник падает неподалёку от его парты. Умница-клиент поднимает его... в этот момент звенит звонок. Теперь он может не просто отдать мне книгу, но и поговорить.

– Ано... Нохацу-сан, ваш учебник...

– Аригато гозаймошта! – вскакиваю и благодарю его по всем правилам (очередное «спасибо» Хоне-Онне). – Вы очень добры, Тенджин-сан!

– Вы запомнили моё имя? – клиент удивлён. Великий Ад, да что же это такое? Чего удивительного в том, что я помню имя, которое при мне произносилось буквально пятнадцать минут назад?

²³«Азуманга» (あずまんが大大王 – «офигенная манга, нарисованная Азумой») – хотя и рассказывает про повседневную жизнь компании девочек-школьниц, всё же относится к жанру сёнэн, то есть – для мальчишек... Очень милая, с весьма неожиданным и не плоским юмором... А так же – просто энциклопедия японских реалий.

Чию-тян – девочка-вундеркинд, которая несмотря на свой возраст знает и умеет столько, что поначалу вызывает нешуточную зависть у одноклассниц, но потом вливается в компанию, потому что на самом деле милая *маленькая девочка*.

²⁴*Just as planned* – мем, пришедший из сериала 'Death Note'. Суть в коварном и психологичном многоходовом манипулировании окружающими.

– Конечно! – улыбаюсь я (хлоп! Опять секундная ответная улыбка... нет, сейчас даже подольше). – Вы же отвечали прямо передо мной. И мне очень понравилась Ваша идея насчёт ISA – весьма разумно.

И ещё подольше. Ох-ох. Парень совершенно не привык к доброжелательному вниманию. Пожалуй, я даже попрошу Хоне-Онну проследить за этим моментом особо.

– Я... польщён. – клиент смущён. – И очень рад, что Вы оценили...

– Могу я позволить себе маленькую бестактность? – я решаю форсировать знакомство. – Мне не очень удобно поддерживать такой формальный стиль разговора. Давай перейдём на «ты»?

В японском, конечно, нету различия между «ты» и «Вы». Так что на самом деле я предлагаю ему перестать пользоваться постфиксом «сан».

– Хорошо... Нохацу.

– Тенджин, я правильно понимаю, что сейчас – большая перемена и ланч?

– Да.

– Не мог бы ли ты оказать мне услугу: я с утра так волновалась, что забыла приготовить обэнто... Но ведь здесь есть какой-нибудь кафетерий неподалёку?

– Конечно! Пойдём, я тебе покажу!

За ланчем я потихоньку развиваю успех. Если клиент прямо сегодня не решится и на контракт, и на подписание – завтра я уже смогу расспрашивать его о работе и ожидать достаточно «интимных» ответов. В крайнем случае у меня уже есть версия: недостаток внимания. Расставшись после еды (отговариваюсь тем, что мне надо записаться в библиотеку) – немедленно звоню Хоне-Онне.

– Хоне-Онна-сан! Я очень кратко: обратите особое внимание на атмосферу у них на работе. У меня есть подозрение, что объект клиента игнорирует. Как бы это странно не звучало.

– Хорошо, Дзюн-тян. Проверю. Надо же, какие нежности!

В точку. Совершенно женственная концепция. Но пока других у нас нету.

Вечером мы сидим на пороге дома. Ваньюдоу курит трубку, я – тонюсенькую дамскую сигарету. Я бы предпочла что-нибудь более мощное, но положение обязывает. А вообще – смешно. Ведь я умерла и стала, можно сказать, демоницей. Но курить не бросила. Возвращается с работы Хоне-Онна. Не устаю ею любоваться – воплощённое изящество. Но, пожалуй, костюм гейши ей идёт больше. Или вернее – она к нему больше привыкла и потому носит с особым шиком.

Костяная Леди присаживается рядом.

– Знаешь, Дзюн-тян, в твоей версии что-то есть. Но как минимум – не совсем так, как ты думала. Я несколько раз наблюдала как Мияно-сан что-то объясняет Тенджин-куну. Спокойно, подробно и вдумчиво. Даёт разъяснения, если что-то не понятно. Тем не менее, интуитивно я чувствую, что ты близка к правде.

– Хоне-Онна-сан, а нельзя ли мне самой посмотреть на Мияно-сана? Вдруг, объединившись, наши интуиции чего-нибудь покажут?

– Отчего бы и нет, – соглашается она. – Но как мы это устроим?

Ваньюдоу усмехается:

– Не хочешь быть родственницей Дзюн-тян, нэ?

– Предпочитаю быть подругами.

Я опускаю глаза и краснею. Её желание дружить со мною – само по себе очень приятно. А формулировка – радует особенно. По вполне понятной причине. Да, кажется, я окончательно вписалась в команду.

– Тогда просто пришли ей приглашение. «Канри» же имеет доступ к спискам студентов. И заинтересована в хороших кадрах. Наверняка в начале семестра у всех был ознакомительный визит в компанию, а Дзюн-тян его пропустила. Вот и предлог.

– Хай. – соглашается Хоне-Онна. – Это выглядит закономерно.

Время к полуночи. Маленькая Госпожа сидит в гостиной и играет в шарики. Мальчики и Хоне-Онна разошлись по своим комнатам. Я сижу за ноутбуком и привожу в порядок нашу базу данных: микрофонные надиктовки надо расшифровать и проиндексировать, разложить фотографии...

Доисторический компьютер Энмы Ай зажигает красный экран.

– Ичимоку Рен. – произносит она и, пока он спускается, даёт мне пояснение: – Тенджин Аруно.

После чего удаляется предлагать контракт. Я – в задумчивости. Меня не покидает ощущение, что именно моё появление в колледже послужило триггером. Но почему? Что из сказанного или сделанного мною добавило клиенту решимости? Обязательно надо посмотреть на объект... Всё же я не верю, что клиент сегодня же и за ниточку потянет.

День сорок первый

На утро клиент демонстрирует нездоровую (и не характерную для него, насколько я понимаю), оживлённость. И особенно меня тревожит то, что эта оживлённость остаётся не замеченной всеми. Всеми, кроме Фудзибаяси. Конечно, это подтверждает мою теорию о недостатке внимания. Но Фудзибаяси! А клиент ещё и за портфель поминутно хватается (надо полагать, Рен лежит именно там). Ксо! Вместо расспросов клиента придётся в основном её отвлекать теперь!

Впрочем, это сделать легче: к сокурснице я могу подойти и сама. Тем более она открыто носит христианский крестик, а я даже по легенде долгое время жила в окружении гайдзинов – вот и тема поговорить.

Мы знакомимся и от христианства переходим к чисто девчочковой болтовне. К ланчу мы уже «Мария» и «Дзюн». А вот перед самым ланчем происходит нечто... я бы сказала – пугающее. Как и положено чисто плотным девочкам, мы заходим помыть руки перед едой. И в тот момент, когда мы обе склоняемся над раковинами – в зеркале перед нами возникает Маленькая Госпожа. И, по округлившимся глазам Марии, я понимаю, что она *тоже видит*. А это просто отвратительно. В довершение – мы даже не можем надеяться, что Фудзибаяси имеет связь с Энмой Ай потому что через некоторое время сама станет Адской Девочкой, как это было с Юзуки²⁵. Ровно из-за того, что Маленькая Госпожа сжалилась над Юзуки и отпустила её – право готовить себе сменщицу она потеряла. А значит – Мария просто наша проблема.

– Ты видела? – охает Фудзибаяси.

²⁵Отсылка на события третьего сезона оригинального сериала про Маленькую Госпожу.

Как реагировать? Нагло отрицать – не выйдет: у меня у самой лицо ошарашенное. Свалить всё на жару? Рискованно: совпадать галлюцинации не могут, а врать ей (и описывать какую-то другую картину) я опасаясь. Нет. Мы поступим по методике Лайто-куна²⁶. Будем охотиться сами на себя.

– Да... Что это было?

– Ох, Дзюн... Не знаю... Но от этой девочки веет смертью.

– Наверное... ты права... Но кто она?

– Не знаю...

Вообще, в сложившейся ситуации есть один плюс: наш текущий клиент в безопасности на некоторое время: Мария будет концентрироваться на личности Маленькой Госпожи. Долгого времени докопаться до слухов о нас у неё не займёт, но день или два нам гарантированы. Но есть и минус: до конца сегодняшних занятий я к ней привязана: я ведь должна быть шокирована и заинтересована не меньше её.

Посвятив остаток учебного дня наведению Марии на ложные следы, я наконец уверена: не сегодня, а даже возможно и не завтра она поймёт кого видела. Тихо горжусь собой: ведь я не только увела её в сторону, но ни разу не соврала при этом. Просто указывала на другие подобные слухи. Ну, к примеру, вспомнила Плаксу-Миртле из Гарри Поттера. Теперь же – посмотрим на Мияно-сана.

Вхожу в головной офис «Канри», спрашиваю, как мне встретиться с Хоне-Онной (конечно, работает она под немного изменённым именем: Соне Анна). И через пять минут уже моя коллега и наставница ведёт меня на экскурсию по фирме. Хоне-Онна – стратег, между прочим. Свой отдел оставила напоследок. Чтобы мы могли по окончании экскурсии остаться там попить кофе и поговорить. В смысле – продолжить наблюдение за объектом.

А объект меня огорчает. То есть огорчает именно тот факт, что этот человек – «заказан». В меру симпатичный, даже красивый какой-то кошачей красотой. Так же как и кот – спокоен и мягок. Очень умён и по всему – классный профессионал. Извиняюсь за сравнение – как минимум не хуже меня самой. А я кое-чего стою. И, пожалуй, я получаю косвенное подтверждение своим теориям: даже когда Хоне-Онна представляет меня – он не улыбается. А когда мы с ним беседуем на профессиональные темы – хотя время от времени и соглашается со мной, но тоже «просто констатирует факт». Ни слова одобрения. Когда я нарочно делаю ошибочное заявление, впрочем, тоже никак не выражает недовольствия, а лишь отстранённо разъясняет, где я была не права. Что характерно – это не выученная безэмоциональность Хоне-Онны или странная молчаливость и замкнутость Маленькой Госпожи. Нет. Он просто действительно спокоен как... я не знаю что. И, похоже, вообще наполовину думает о чём-то своём.

Затем, некоторое время мы с Хоне-Онной пьём кофе. В кабинете появляется клиент. Я приветствую его улыбкой, «взрослые» нейтрально кивают. Мальчики углубляются в работу и нам удаётся понаблюдать за двумя «разносимами», устроенными объектом. Да, в работе он такой же, как и в разговоре со мной. Это обычный человек в данном случае устроил бы подчинённому разнос. Мияно-сан же с неизменным спокойствием и некоторым занудством просто объясняет клиенту – что он

²⁶ Лайто-Кун (Ямагами Лайт) – один из двух (потом – пяти) главных героев вышеупомянутой 'Death Note'. Эдакий «убийца с идеями». Большую часть сериала (или фильмов – есть и полнометражные) – делает вид, что активно сотрудничает с детективами, а в некий момент даже возглавляет расследование, направленное на поимку... его самого.

сделал не так, и как в действительности это нужно делать. Клиент при этом старательно делает вид, что ничего не происходит, хотя я (понаблюдав его в разных ситуациях вчера и сегодня) вижу: что-то в происходящем его очень задевает.

Но мне пора уходить: болтаться в офисе бесконечно я не могу. Формально прощаюсь со «взрослыми», ещё раз улыбаюсь клиенту и покидаю здание.

Не успевает Хоне-Онна переодеться после работы в кимоно, как за ширму проходит Маленькая Госпожа. Вот как! Значит, клиент решился. Великий Ад, да что же тут происходит? И почему меня не оставляет ощущение, что именно я снова послужила триггером? Я нервно курю и слушаю, как коллеги совещаются. Вдруг до меня доходит. Ох... я действительно послужила триггером. Клиент чудовищно жаждет эмоций, направленных на него. В первую очередь, конечно, ласки. И контраст между моими улыбками и отстранённым спокойствием объекта клиента добил. Я сама показала ему, что эмоции *бывают*. Между прочим, он наверняка с частичкой филиппинской крови: сколь я помню этих ребят (а при жизни я с ними работала очень много) – они действительно очень открытые и живые люди. А клиент, бедняга, попал в «ледяную» Японию.

– ...вот такие дела. – заканчиваю я объяснять свою мысль. Коллеги сочувствуют.

– Может, дома посидишь тогда? – спрашивает Хоне-Онна.

– Нет... В какой-то мере – я его и убила. Поэтому – должна... должна видеть это.

Дура я. Ответственная. И эмоциональная. Совершенно не помню «спектакль» – всё как в тумане. Осознание окружающего ко мне приходит в самый последний момент.

Перед Мияно-саном возникает Энма Ай. Как всегда – в чёрном кимоно, расшитом плавно перемещающимися цветами.

– О, достойная жалости душа, смотрящая на всех свысока и причиняющая другим боль...

– ... шар кармы, погрязший в грехе...

– 一遍死んで見る？

Мияно-сан приходит в себя. Он лежит в лодке, лицом к Маленькой Госпоже, которая с веслом в руках стоит на корме.

– Значит, – со вздохом произносит он, – бывает улыбка без кота²⁷, а я – кот без улыбки. Эх, прости, Тенджин-кун... Я никогда тебя не бранил, но и не хвалил... А оказывается тебе это было так нужно. Прости... Такой уж я... кот без улыбки.

– Эта лодка, – произносит Маленькая Госпожа финальную фразу. – отвезёт твою душу в Ад.

Вернувшись домой, я некоторое время сижу в полном оцепенении. Мне пусто на душе. Вообще никак. Ничего не чувствую, ничего не хочу. Вообще. Потом встаю, иду к синим цветам и падаю на живот: не хочу видеть это красное закатное небо.

– Кот без улыбки. – шепчу я, невидящим взглядом уставившись на цветок перед собой.

Кто-то подходит, и кладёт мне руку на голову.

²⁷Отсылка к одному из переводов Кэрролловской «Алисы в Стране чудес».

– Он тоже понял, за что... И ему не будет так уж плохо. – говорит Маленькая Госпожа. – Он очень похож на тебя.

Внутри меня что-то взрывается. Я реву. Тихонько, но в три ручья. Энма Ай гладит меня по голове.

Зичимоку Рен

Эпизод 7. Tribute to Black Lagoon

День сорок второй

– ... Таким образом, подпрограмма – это действительно небольшая программа внутри общей, могущая получать на входе определённый набор параметров. В сущности, между подпрограммой и функцией разница не велика, однако в некоторых языках программирования функция может задаваться только одной строкой, а в некоторых...

Это я на лекции сижу. Вчера полночи проревела, утешаемая Маленькой Госпожой. Потом она куда-то исчезла. Я поплакала ещё какое-то время, а потом до утра сидела среди синих цветов опустошённая. Под утро же меня нашёл Ваньюдоу. Впрочем, утро, ночь и прочие части суток – тут понятия условные: так уж повелось, что у нас вокруг дома непрекращающийся кроваво-красный закат. Так что это дань происходящему в человеческом мире. Или положению стрелок часов.

Старый демон прикурил мне сигарету и сказал:

– Тебе было бы неплохо остаться дома на денёк. Но связь Фудзибаяси-тян с Маленькой Госпожой – слишком опасная вещь. Поэтому тебе надо вернуться в колледж.

Я кивнула. Такого рода вещи мне объяснять не нужно: я, может быть и легкомысленна в целом, но если уж понимаю необходимость чего-то – то отношусь к этому серьёзно и ответственно.

Вот, сижу теперь. Состояние соответствует настроению, а состояние отвратительное. Настолько, что даже сидящая рядом Мария позволила себе поинтересоваться, что со мной.

– Не переживай, – говорю. – Вчера перенервничала страшно. В результате – ночь не спала... и фаза Луны, кажется, меня постигла.

Про себя поражаюсь: несмотря на весь раздрай, что у меня на душе – на автомате опять сказала правду (или почти правду), но так, чтобы Мария могла истолковать моё заявление, как ей понравится. Кстати, судя по ощущениям, фаза Луны меня действительно вот-вот постигнет. Что же... познакомлюсь и с этим аспектом бытия. Тем более, что сейчас это будет вполне закономерно. Хотя вообще и удивительно: я же теперь существо волшебное. И даже где-то не-мёртвое²⁸. Честно говоря, страшно даже подумать – что же я рожу если вдруг? А может это всё соматика. И на самом деле я просто навывдумывала себе всякой ерунды. Ладно. Увидим. На крайний случай запастись нужными вещами у меня соображения хватило с утра.

Фудзибаяси несколько успокаивается и возвращается к лекции. Я – сижу и смотрю в пространство. На таком уровне я программирование знала ещё при жизни, так что можно себе позволить. Впрочем, не знаю: если бы и нельзя – смогла бы ли я внимательно слушать? Нет, я действительно вчера проревелась. И сегодняшняя моя пустота – не чета вчерашней. Вчера был шок. Сегодня – усталость. Лимит эмоций был исчерпан ночью, на день уже ничего не осталось.

Кстати, Тенджин сегодня таки отсутствует. Надо полагать – пытается осознать, что же он вчера натворил. Не знаю, как с ним дальше общаться. Впрочем, это уже не обязательно. Натягивать на лицо вежливую улыбку Хоне-Онна меня научила, а близкого общения больше и не нужно. Близкое общение у меня теперь с Марией.

Мария – хорошая девочка, между прочим. С нею легко (если бы не постоянная необходимость незаметно направлять её подальше от нашего поля деятельности) и приятно. Мне. Вообще-то она – достаточно выраженная цундере²⁹. Всех застраивает, наставляет на путь истинный... Просто так уж получилось, что ко мне она повернулась дере-стороной, а к остальным – цун. Ещё она ловко метает пенал. Вчера, когда двое парней устроили возню посреди лекции – очень метко запустила зачинщику по затылку. Через четыре ряда (сидеть она предпочитает «на галёрке»). Так что христианка она своеобразная. Более похоже на средневековые духовно-рыцарские ордена. Усмехаюсь про себя: «тамплиер Фудзибаяси Мария». Полный винегрет.

А вообще – цундере – это практически то же «зеркало». Вокруг непонятные и подозрительные личности – с ноги им. Как только личности оказываются понятными и приятными – данго³⁰ им. Эт-та... почему именно данго?.. Потому что я настолько уплыла в свои размышления, что не вижу, как она мне палочку с этими самыми данго и протягивает.

Смущённо улыбаюсь и принимаю угощение. Обеспокоенность на её лице несколько смягчается.

– Прости, Мария. Задумалась я. Спасибо, очень вкусные!

²⁸Дзюн пользуется калькой с термина из англоязычной фэнтези: «undead», которым обозначается любая «неуспокоившаяся» (по своей или чужой воле) нечисть: вампиры, зомби, приведения и т.п. К слову сказать – булгаковские Коровьев и Гелла – так же не-мертвы.

²⁹«цундере» (от яп. ツンデレ, от цун-цун – ツンツン и дере-дере – デレデレ) – архетип в манге. Женский цундере-персонаж правильно называется *цундерекко* (яп. ツンデレっ娘), но обычно его называют цундере.

Суть цундере сводится к смене своего отношения от наглого и хамоватого (цун-цун) к сентиментальному и любящему (дере-дере) за короткий промежуток времени, несколько минут. В особо запущенных случаях цундере переходит из цун-цун в дере-дере и наоборот несколько раз в секунду. (см. Люркморе).

³⁰Данго – колобки из рисовой муки. Варятся или пекутся на палочках – как шашлычки, поливаются всякими вкусными и сладкими соусами или глазурями в последствии.

Если же продолжать размышления об архетипах из анимэ и манги – то я буду достаточно выраженная яндере³¹. Улыбаюсь вот всем. Булочки трескаю (нет, они и правда вкусные, а в моём состоянии слопать чего-нибудь вкусного и сладкого – самое оно, поэтому я благодарила совершенно искренне). А потом бац! Клиент развязывает ниточку и я хватаюсь за «большие и красивые пистолеты». Маленькая Госпожа – тоже яндере, безусловно. И крышу у неё иногда срывает вообще чудовищно. Очень редко, но метко. А вот Хоне-Онну классифицировать сложно. Но, будем считать, что наша работа обязывает к одному и тому же архетипу. Однако надо бы сообразить чего-нибудь правдоподобное для Фудзибаяси. Ибо о чём это я так глубоко размышляю?

– Я вот всё думаю о вчерашнем. Мы ведь в Японии. Значит вся мистика должна быть местной? А максимально близкое ко вчерашнему видению... ох, опять слово забыла... Но в общем – девушка без лица. А тут наоборот – глазщи такие! На пол-лица. То есть какая-то дикая экзотика... А может быть это чисто технический розыгрыш?

– Ух я бы того техника! – вскипает Фудзибаяси. – Но это мысль. Надо будет зеркала проверить.

На самом деле – технологию подобного розыгрыша я себе представить очень даже могу. Так что возможность такая есть. Но даже для того, чтобы сбить Марию с толку – я подобную систему монтировать не буду. Чем позднее она осознает мою связь с Маленькой Госпожой – тем лучше. А если я эту систему смонтирую – тем самым мгновенно распишусь в нечистой игре. Мне же наоборот нужно держаться максимально честно: когда (если) она меня таки «спалит» – останется возможность уговорить не мешать. И для этого я за отпущенное мне время должна стать ей очень хорошей подружкой. Впрочем, мне и самой это будет приятно: Мария – симпатичная девушка, я уже говорила.

Однако вот и звонок на большую перемену. Фудзибаяси явственно раздраема двумя противоположными желаниями: с одной стороны – ей хочется немедленно устроить тотальный осмотр зеркал и всего окружающего. С другой – рядом болтается хандрящая подруга. Хандрящая подруга с сожалением осматривает палочку из-под данго. Выбор сделан – мы идём в кафетерий кормить меня сладостями и поднимать мне настроение. Забавная штука – физиология, к слову сказать. При жизни иногда на предмет скушать пирожное меня пробивало, но в полной мере сладкоежкой я не была. А тут вот – стала.

Внезапно Мария замирает с ложечкой, полной тирамиссу, в руке. Сцена настолько неожиданная, что я отрываюсь от своих размышлений. Первичное удивление не даёт мне мгновенно предпринять что-либо... и благодаря этому я оцениваю обстановку более полно. А обстановка такова: в кафетерии всё тихо и спокойно. Тем не менее, она смотрит, не отрываясь и не моргая прямо на меня. Первым делом – скашиваю глаза себе на грудь: с ней всё в порядке. Никаких отклонений. (Честно говоря, я первым делом подумала – не открыл ли Ичимоку Рен у меня на груди глаз... непонятно, зачем бы ему это понадобилось, но мало ли: смысл контакта Фудзибаяси с Маленькой Госпожой нам не ясен. Но вдруг он чего-то обнаружил и счёл необходимым напугать её?) Короче, всё со мной нормально. А значит она смотрит не на меня, а во что-то невидимое обычным взглядом.

Ага. Следовательно у нас развивается вариант Шибаты Цугуми³²: Мария видит какие-то ключевые моменты нашей работы. Плохо, вообще-то. Но интересно – что именно она видит сейчас. Заодно краем сознания отмечаю: так вот куда ушла Маленькая Госпожа вчера – предлагать контракт. Все эти

³¹«яндере» (ヤンデレ) начинают как нормальные и даже милые персонажи, но в какой-то момент их переключивает, и поведение кардинально меняется на жестокое и опасное. (с Люркморя же).

³²Отсылка на события первого сезона сериалов про Маленькую Госпожу

размышления мелькают у меня в голове за секунду, понятное дело. Я, конечно, удивилась сначала, но я не тормоз уж совсем.

Аккуратно беру подругу за руку, отбираю у неё ложечку. Ещё не хватало, чтобы очнувшись – она измазала себе блузку.

– Ой³³, Мария! Что с тобой?

Нерешительно касаюсь её щеки: вроде бы в таких случаях пощёчин надавать – рекомендовано... Но мне не хочется прибегать к этой методе без нужды. К счастью – просто касания достаточно. Фудзибаяси вздрагивает (как я мудро ложечку отобрала!) и смотрит на меня уже вполне осмысленно.

– Я... – начинает она нерешительно и тут же сама себя перебивает: – Скажи, Дзюн... Я видела, ты – куришь. И одеваешься красиво, стильно, но... несколько вызывающе. Прости, я не хочу тебя обидеть! Просто у тебя всё-таки другое воспитание и другой стиль жизни, чем у меня...

– Не могу спорить. – выжидательно улыбаюсь я. (О да... стиль жизни у меня категорически другой, факт!)

– Вот я подумала... извини... хотя ты недавно приехала к нам в город – ты, может быть уже знаешь, как выглядят изнутри местные бары?

Круто! Маленькая Госпожа в баре! Я тоже хочу на это посмотреть. Хотя... было такое уже два, по моему, раза. Да и вообще – чего она в этой жизни не видела?

– Увы, Мария, здесь я тебе не помощник: город я знаю пока что весьма слабо... И в подобных местах не бывала. Но почему ты спрашиваешь?

Между прочим – и дома мне не наливали, хотя даже мой внешний возраст уже с определённой натяжкой позволяет. Но – я же не была полноправным членом команды. Так что всё ещё впереди. Сливовое вино... мням!

– Понимаешь, я снова видела эту страшную девочку...

Ох, люди разные... Я бы Энму Ай никогда страшной не назвала бы. Но Мария оценивает её по, так сказать, рабочей ауре. А я – по ощущению её как человека. Насколько уж я могу понять её душу. Тем временем на лице моём нарисованы приличествующие случаю любопытство и лёгкий испуг.

– Она была в баре. Смотрела на двух разговаривающих мужчин. Один из них явно давил на другого, при этом крепко держал его за руку. А тот второй – нервничал и поминутно вытирал ладонь о карман пиджака. Потом первый отпустил его... и тут всё прекратилось.

– Ужас какой! Ну, если хочешь – я могу попробовать поискать этот бар, ты права – я... ну, не нахожу ничего предосудительного для себя, чтобы зайти в такое заведение, я же не супер-леди! Но что это нам даст? Мы не можем ведь бежать искать прямо сейчас. А их разговор уже явно заканчивался – они вот-вот разойдутся...

– Если...

– Если – что?

– Понимаешь, Дзюн, я не могу отделаться от ощущения, что эта девочка несёт смерть...

– Ну, если у второго мужчины в кармане был нож или пистолет – то он уже пустил его в ход и мы опоздаем всё равно. К тому же – если эта девочка – приносит смерть... то и из нас двоих одна как минимум должна была умереть, сколько времени прошло!

Мария взвизгивает.

– Дзюн, как ты можешь такие страсти говорить вообще!.. Но...

³³Японцы говорят не «эй!», а «ой!»

Да, да, Мария. В моей концепции есть рациональное зерно. Более того, она совершенно справедлива: одна из нас умерла. Причём даже не вчера. А теперь вот ходит не-мёртвая, пирожные трескает и пудрит тебе мозги дипломатической софистикой. Она хватает меня за руку. Ну, нет, так просто не получится: руки у меня тёплые. И вообще я от человека не отличима. Кстати интересно: Ваньюдоу превращается в огненное колесо. Хоне-Онна – оголяет кости. Ичимоку Рен – открывает глаз на любой поверхности в некотором радиусе от себя. Ямаваро – управляет ветром и листвой. А я?.. компьютеры чувствую? Или вся отпущенная магия ушла на изучение японского? Ладно, мне и так неплохо.

Кстати, да. Всё происходящее вывело меня из депрессии и я возвращаюсь к своему обычному ехидному, самовлюблённому и любопытствующему мировосприятию. Я твёрдо, но ласково сжимаю руку Марии и подмигиваю ей:

– Тёплая. Значит ты – не мертва.

– Дзюн, у тебя ужасный язык. Сколько можно?!

– Прости. Но у меня всю дорогу под боком всякие Палестины, Египты и прочие Саудовские Аравии были. Наслушалась всякого. Надо мне быть поосторожнее: здесь всё же Япония. Прости. Не хотела тебя пугать.

– Ох... ладно. Но что же делать? Неужели мы просто так оставим всё это?

– Оставим? Мария – пока ты не понимаешь, что ты видишь...

– Да. Я должна разобраться. Ты мне поможешь? Ведь ты тоже видела, ты же знаешь что я – не сумасшедшая!

Бедная. В её голосе такая мольба, что я не могу ей отказать. Хотя... может быть действительно в результате она разберётся и не станет нам мешать? Интересно – на каком основании. Я и сама не знаю, но почему-то мне кажется, что это возможно. Как-то. Будем думать. А пока что я просто говорю:

– Хай! И... пойдём-ка обратно: у нас ещё одна пара.

Какое счастье, что я – как бы почти гайдзинка и мне позволены ненормальные реакции!

Возвращаюсь из колледжа. Поскольку пойти вместе в библиотеку или ещё куда меня не попросили – я вынуждена предоставить Фудзибаяси самой себе. Впрочем, не думаю, что в ближайшие дни её понадобится «пасти» и отвлекать круглосуточно: пока что она слишком шокирована, чтобы активно вмешиваться в происходящее. Кстати, с домом надо что-то делать: а как у меня, скажем, парень заведётся, пока я тут студентку разыгрываю? (А он заведётся – нюхом чую. Я девушка не по годам умная, хи-хи, да и не дурнушка. Странная, правда.) Мне нужно найти по крайней мере некий не запирающийся подъезд многоквартирного дома и переносится к нам оттуда. А лучше всего – наняться таки в «Канри» и снять какую-нибудь конурку.

Да... А между прочим, весь наличный состав сидит на пороге. Даже Ямаваро. И Кикири с воплями рассекает на своём велосипеде. Весь состав?.. Значит, ниточка действительно была развязана.

– Ой, Дзюн-тян! – зовёт меня Ичимоку Рен. – Смотрю, ты несколько пришла в себя.

Пришла. Действительно ведь пришла в себя – даже отреагировала нормально: смутилась и опустила глаза. Мне и правда неудобно перед товарищами. Они и не такое видели... А я им тут истерики катаю.

– Хочешь окончательно воспрянуть? Тут контракт такой приятный...

Хоне-Онна смотрит с лёгким неодобрением:

– Клиент-то вообще-то тоже умом не блещет.

– Ано... – говорю я. – Суммимасэн, могу ли я позволить себе попросить рассказать по порядку?

Ваньюдоу кивает:

– Клиент – мелкий бизнесмен, суб-контрактор у всё той же «Канри». Был настолько глуп, что на основании бизнеса взял деньги у якудзы³⁴. Конечно же, к нему приставили контролёра. Клиент контролёра заказал. Будто бы не понимает – что ему мгновенно найдут замену.

– Ваньюдоу, ты сгущаешь краски. Якудза не одинаковые. Может ему кто получше попадётся теперь. Просто понимаешь, Дзюн-тян, – глаза Рена блестят в предвкушении, – этот контролёр – просто нечто. Мерзавец – пробы ставить негде. И садист вдобавок. Нравится ему это, видите ли. Короче – хочешь поучаствовать?

А ведь Рен по-своему заботится обо мне. И где-то он прав: после такой печальной работы, как вчера – он предлагает «выпилить» откровенную сволочь. Чтобы я почувствовала, что в нашей работе бывают и «правильные» контракты. И я не могу с ним не согласиться.

– Садист-якудза, говоришь? А давайте ему «Чёрную Лагуну»³⁵ закатим? Ух, да я ему так задвину и в стиле Фрица Гейгера про «кровоавую гэбню»³⁶, и про «русскую братву»... Чур я – Балалайка³⁷. Нет. Она блондинка. Ну, тогда я буду её помощницей-лейтенанткой.

В процессе этой речи Хоне-Онна неодобрительно качает головой (и я понимаю её: моя теперешняя кровожадность – отголосок вчерашней истерики). Но на последних словах не удерживается и прыскает:

– ... *периодически* совершенно звереющей!

Мальчики с недоумением переглядываются: где же слово «лопата»? Я – смеюсь вместе с Хоне-Онной. И про себя отмечаю: «Ага. Значит у нас это всё же бывает. А что же получится в результате?»

Одетые в военную форму без знаков различия Ичимоку Рен и Ваньюдоу материализуются за спиной идущего тёмным переулком объекта. Это происходит буквально в секунду – и вот уже оглушённый объект с мешком на голове и в замкнутых за спиной наручниках утащен в буквально на мгновение затормозившую проезжавшую мимо машину. Кто бы сомневался (я – нет), но и вроде бы такую же форму, что и у Рена с Ваньюдоу, сидящая за рулём Хоне-Онна носит с убийственным изяществом. Вот клиент препровождён в комнату и брошен на колени.

Я сижу перед ним на столе. Соответственно образу – на мне деловой юбочный костюм и накинутая на плечи шинель со знаками различия старшего лейтенанта ВДВ СССР. С объекта срывают мешок.

– Спасибо, *товарищи!* – произношу я скучающим голосом. – наш сегодняшний гость – член одного из младших кланов внутри Инагава-каи. Настоящий энтузиаст своей работы: общения с

³⁴ Хотя якудза сильно отличается и по истории, и по взаимодействию с госслужбами, и по родам деятельности от иных криминальных организаций мира – всё же все классические методы «теневое зарабатывание денег» им не чужды.

³⁵ «Black Lagoon» – чудовищный трэш-анимэ-боевик. Авторы приложили все усилия, чтобы не упустить ни одного штампа боевиков. Получилось – захватывающе и весело. Чего стоит хотя бы сцена сбития вертолёта торпедой (sic!) из прыгающего с речного порога катера. Хотя и грустно местами.

³⁶ Отсылка на роман А. и Б. Стругацких «Град Обречённый», где герой по имени Фриц Гейгер советовал своему русскому другу оказывать давление на подследственных намекая на то, что раньше работал в КГБ.

³⁷ Балалайка – глава русской мафии (состоящей сплошь из спецназа и ВДВ СССР) в той самой «Лагуне». Сама – бывший капитан ВДВ и снайперша (откуда и прозвище: «Балалайка» – СВД). Кстати – один из наиболее положительных персонажей сериала.

задерживающими платежи кредиторами. Хотя мы и не входим в сферу его деятельности, но так получилось, что он вошёл в нашу.

Ваньюдоу с индифферентным лицом придерживает объект. Ичимоку Рен, придерживающий его с другой стороны – явно наслаждается происходящим. Хоне-Онна, скептически задрав бровь, смотрит на нашего «гостя». А гость ничего не понимает.

– Я хотела бы пообщаться с нашим гостем. Думаю, что это было бы поучительно и для вас, *товарищи*. Дело в том, что методики общения, преподанные нам всем в армейской разведке обычно предполагают наличие двух «языков»...

Объект вспотел.

– Когда я получала вторую специальность в *Высшей Школе КГБ* – мне там показали несколько интересных методик общения с индивидуальным клиентом, но...

– Но я ничего не знаю! Я честно служил оябуну!

Интересно, я и правда настолько убедительна? Впрочем, я же действительно произношу слово «товарищ» с абсолютно натуральным среднерусским акающим акцентом, да и в слове «школа» чётко артикулирую звук «л»... Вообще я ожидала, что он начнёт визжать несколько позже, после демонстрации маникюрных ножниц, скажем. Но раз так – я вынуждена несколько сократить своё выступление.

– Но проблема в том, что наш гость действительно ничего не знает, поскольку работает из «любви к искусству». И нам не остаётся ничего, кроме как пообщаться с ним на равных. То есть чисто из любви к искусству.

Объект начинает вырываться.

– А в таком случае – можно обратиться к методикам обычной *братвы*. Поскольку они не столько эффективны, сколько эффектны. И лучшим выбором для нас будут простой паяльник и обычный утюг. *Товарищ сержант*, будьте любезны передать их мне.

Хоне-Онна, тоже начавшая получать некоторое удовольствие от спектакля, передаёт мне утюг. К тому же – из всех присутствующих она знает меня лучше всего. И понимает, что если я так болтаю – то на самом деле переходить к исполнению своих заявлений я не хочу. Это просто давление на психику, а не реальный взрыв кровожадности.

– К примеру, – продолжаю я, – мы с Вами, *товарищ сержант*, всё-таки девушки воспитанные. А у нашего гостя костюм в полном беспорядке. И как примерные хозяйки мы не можем допустить такого конфуза. Поэтому костюм следует погладить.

Объект нечленораздельно верещит.

– А для чего нам паяльник? Ведь наш гость не робот, в конце-концов? – интересуется Хоне-Онна.

Я смущаюсь:

– Простите. Это я бы могла объяснить другим *товарищам*, но не вам лично, *товарищ сержант*.

До Рена дошло. Он едва сдерживает довольное ржание. Хоне-Онна кривится. Я показываю ей глазами, что на самом деле мне такие гадости тоже противны.

– Итак... не окажете ли Вы гостю услугу, позаботившись о его костюме?

– А-а-а-а-а! Не-е-е-ет! За что?!!!

– Из любви к искусству же! – пожимаю плечами я.

– Нееееет!!!

– Вы слышали, Госпожа?..

Команда обменивается впечатлениями: Ваньюдоу удивлённо качает головой. Рен – хлопает меня по плечу и сообщает, что я опять *отожгла*. А Хоне-Онна наклоняется и шепчет на ухо:

– Дзюн-тян, не надевай больше форму. Она на тебя плохо влияет... или ты действительно озверела?

– Именно. – соглашаюсь я одновременно с обоими и украдкой демонстрирую Хоне-Онне содержимое своей сумочки. Такое действительно случается даже с нами.

А вот Энме Ай я сейчас очень сочувствую. Везти в лодке, пусть и намертво зафиксированную, но такую потную, вонючую и действительно по всем статьям отвратительную скотину – противно.

Эпизод 8. Анимэшницы.

День сорок пятый

– ...Старая присказка гайдзинских системных администраторов «ибо TCP/IP» на самом деле не совсем корректна, поскольку на транспортном уровне протокол IP работает с двумя протоколами: TCP и UDP. Причём с развитием высокоскоростных сетей UDP приобретает всё большее и большее распространение...

Я опять сижу на лекции и балду гоняю. Точнее – думаю над всякими рабочими проблемами. Я бы и лаптоп притащила с собой и занималась бы своей непосредственной работой... Но это будет верхом глупости. Просто феерическим палевом перед Фудзибаяси. Она ведь рядом сидит. К счастью – мой отсутствующий вид уже не вызывает у неё приступов тамплиерства. После того, как на вчерашнем семинаре я помогла ей написать роутинговую таблицу – Мария решила, что мне лучше знать: чего слушать, а чего мимо ушей пропускать. Кстати, таблицей я и сама горжусь – там в разных концах задачи было раскидано несколько подсетей, которые можно было изящно объединить в суперсеть на двух центральных роутерах. Могла бы и пропустить этот момент.

А размышляю я как раз над проблемой Фудзибаяси. Расспрашивать Маленькую Госпожу мне неудобно – такое прошлое, как у неё – радости не доставляет, нечего его ворошить. С другой стороны, после того как я скачала все три сериала и продемонстрировала их коллегам – все очень долго веселились, но сказали, что «нехарактерно для писателей и журналистов, но почти не приврали, а лишь приукрасили». Так что как на источник фактов на сериалы я опираться могу.

И получается у меня странная картина: известны два случая, когда некая девочка видит некоторые моменты, связанные с Маленькой Госпожой. Либо её историю, либо какие-то рабочие эпизоды. Два – не шибко много для анализа. Но один общий момент я всё же вывожу: обе они были Энме Ай нужны. Одна – помогла ей разобраться с собственным прошлым. Вторая – могла стать (и почти стала) её преемницей. Но второй вариант закрыт навсегда. (С точки зрения моего эгоизма – к счастью: Энма Ай прекрасна, а вот Юзуки мне как-то изначально была не очень... С точки зрения любви к Маленькой Госпоже – к несчастью: отпустили бы её, ведь не сахар работа, далеко не сахар! Да ещё для маленькой девочки... пусть и четырёхсотлетней).

Что-то я замечталась. Да. Так вот. По второму варианту Фудзибаяси не проходит никак: и закрыт он, и насколько я смогла «копнуть» её прошлое – никаких особых потрясений там не было. Значит Мария идёт по первому... или являет собой новый. Что противно – в обоих случаях версии тупиковые. Если Маленькая Госпожа хочет её руками чего-то сделать – то не расскажет. И будет права – такие планы не палят. Да и я знать не хочу – просто из любви к Энме Ай.

А если третий? Здесь мне банально не хватает информации. А гадать можно до бесконечности. Например, что Фудзибаяси – это провокация Кикири с целью как-то опорочить Маленькую Госпожу и занять её место. Смейтесь-смейтесь, а Кикири – мерзавка ещё та. Хотя она и правда любит Энму Ай... но и подсидеть её случая не упустит. А может быть это очередной тест Хозяина Ада. Хотя чего ему тестировать? Слово он уже дал, и словом этим обрѣк Маленькую Госпожу оставаться в данном статусе вечно³⁸.

Кстати, а не тороплюсь ли я закрывать второй вариант? А если Мария – потенциальная *вторая* Адская Девочка? Ксо, до чего же я не люблю видеть проблему и не видеть ни малейших намёков на её причину!

Кстати, проблема моя, обнаружив, что лектор приступил к материалу, известному и ей – требует внимания.

– Дзюн, я снова видела её!

Ах, ну да. Я же сегодня опоздала и перед занятиями мы пообщаться не могли.

– Что ты говоришь! – округляю глаза.

– Очень грустная история. И странная. Я видела, как мужчина поужинал и ушёл куда-то. А его жена вдруг расплакалась. Потом написала кому-то письмо с мобильного и снова разрыдалась. Вдруг вижу – перед ней стоит она. И что-то передаёт бедной женщине.

– Что?! – я, конечно, знаю что. И знаю кому. Кстати, там действительно грустная история. И мерзкая, на мой вкус. Но настолько простая, что мы даже не стали следить за клиентом или объектом. Точнее – вчера было даже два заказа, всё по одной истории. Мария видела только половину. Так что мы с Хоне-Онной сейчас одни: Ваньюдоу и Ичимоку Рен снова работают куклами, Ямаваро и Кикири снова испарились. Тем не менее – ничего другого я в нормальной ситуации спросить не могу.

– Увы. Я не разглядела. Но что-то небольшое. Чуть больше ладони.

– Для пузырька с ядом – крупновато. – задумчиво констатирую я. Теперь округляет глаза Мария.

– Дзюн!..

– Гомэ. Но если ты продолжаешь настаивать, что девочка несёт смерть – то яд был бы самым логичным. Классическое женское оружие.

Мария задумчиво прикусывает пальчик и кивает.

– А мужчину или женщину ты разглядела?

– Да. И лицо мужчины я где-то уже видела. Но совершенно не помню где.

– Ох... Это считай – не видела. Если быстро не вспомнилось – то хоть на улице сталкивалась.

Про себя я выдыхаю с облегчением. Мужчина – сотрудник «Канри». Ещё одна причина, почему не только я, но и Хоне-Онна остались на своих местах... и, похоже, это надолго: каскад исчезновений сотрудников неминуемо породит слухи, кто-то докопается до сути... в общем – я надеюсь лишь на то, что этот город не превратится в такой же крысятник, как городок во втором сезоне сериалов про Маленькую Госпожу. А заказов вокруг «Канри» и нашего колледжа ещё будет изрядно. Но, по крайней мере, пока что – лично Мария от догадки далеко.

– Дзюн... меня и другое беспокоит. Это только одна я так думаю?..

А вот это меня не удивляет. История (та часть, которую она видела) – весьма банальна. И вполне закономерно, Мария догадывается, в чём там дело. Спит этот кобель налево.

– У! – мрачно соглашаюсь я.

³⁸Снова отсылки на второй и третий сериалы про Маленькую Госпожу

Но тут лектор переходит к бму уровню модели OSI и Мария вынуждена прервать разговор.

Возобновляется он только на большой перемене, когда мы, уединившись на крыше одного из корпусов, едим обэнто. Кстати, моё всё ещё носит отголоски прижизненных вкусов: я уже третий день подряд ем тушёную говядину. Ну, понятное дело – с рисом, соленьями и прочими кунштюками. Ну нравится мне! И вообще – у меня кровопотеря. Вот. А Фудзибаяси сегодня наоборот – налегает на свежие овощи... У неё и рыбы-то, кажется, нету.

– Скажи, Дзюн... всё-таки у меня в голове не укладывается: ну как так можно? Сначала жениться на одной, а потом уходить к другой?

– Это значит, что этот мужик – просто животное. – зло говорю я. – Следующее тупому инстинкту «оплодотворить как можно больше самок».

Мария смотрит на меня с испуганным удивлением: такой эмоциональной реакции она не ожидала. Тем более – от меня, почти гайдзинки, жившей в стране, где полигамия одобряется на государственном уровне.

– Ано... суммимасэн... – ты – феминистка?

Я смеюсь.

– Упаси... Аллах. – подмигиваю ей. – Нет. Просто я считаю, что человек не имеет права быть только лишь животным. А ещё считаю, что уговор – дороже денег. Обещал любить её и только одну всегда – люби. Или его.

– Но ведь любовь...

– Да, любовь – штука коварная и может уйти. А может прийти к кому-то другому. Но поэтому я и говорю – не только животным. Нет, любовь – потрясающая вещь, когда ты влюблена – ты способна на такое... и так видишь мир... честное слово, это так ужасно, что вечной любви не бывает!...

Я откидываюсь, прислоняясь спиной к вентиляционной башенке. В конце-концов на мне сегодня джинсовая курточка – в ней можно себе такое позволить. Закрываю глаза. Да... При жизни я влюблялась (и влюблялась крепко, один раз даже можно сказать «до беспамятства») несколько раз. И до сих пор преклоняюсь перед этим великим чувством. Угу. Штамп. Но я и заглавными буквами его могла бы написать. Ибо. Поэтому на лице у меня – мечтательная улыбка. Да только вот, незадолго до встречи с Маленькой Госпожой, я окончательно поняла: на одном чувстве не выедешь. Нужен ещё разум. Чтобы это чувство сохранить. Что и излагаю Марии. Без отсылок на реалии, конечно.

– Нельзя просто любить. Можно, точнее. Но день. Месяц. А потом – всё сломается. Надо стараться. Как Котоко.

– Котоко? – Мария удивлена. Я открываю глаза и смущённо улыбаюсь:

– Гомэ. Я, понимаешь ли, та ещё анимэшница. На просмотр которого не одну тысячу часов убила... Был такой очень милый сёдзэ-сериал: Itazura na Kiss. Про не слишком умную, но ужасно упорную девочку Котоко и гениального, но скучающего мальчика Ириэ-куна.

Фудзибаяси, противу ожидания, наоборот, расцветает ответной улыбкой.

– Вот уж не подумала бы, что ты – отаку³⁹. Но это здорово! А я в детстве старалась походить на свою однофамилицу, Фудзибаяси Кё из Кланнада⁴⁰.

³⁹«Отаку» (おたく/オタク) – дословно «фанат». Обычно – анимэ.

⁴⁰Мария, как и положено ей по характеру, смотрит анимэ для мальчиков. Впрочем, «Кланнад» – хотя и типичный «гарем», где более-менее симпатичный главный герой помогает нескольким знакомым девочкам и влюбляется в одну из них в результате – очень романтичен, неглуп, красив и несколько трагичен... А второй

– Хи-хи-хи! И причёску ты себе сделала под неё из финала ‘Кю chapter’! Да и характером похожа!
– смеюсь я.

– Ты тоже смотрела?

– А как же! Такая романтика же!

– А что ты смотрела в основном?

– Ой, да у меня такая каша была. Не всё подряд, но с очень большим разбросом. Лэйн, конечно...

Мария кивает. Естественно, на нашем факультете быть анимэшником и не быть поклонником Лэйн можно при одном условии: если ты с него завтра вылетишь, потому что жу-у-уткий тормоз... настолько жуткий, что умудрился пропустить нашумевший, вообще-то, сериал.

– «Нану» обожаю. «Солу». «Хайбане Ренмеи». «Мария-сама га миттерю». Но с другой стороны я и мальчишеские сериалы смотрела: «Гандам СИД», например. Вообще эти кастрюльки на ножках меня забавляли. Так что и про Лелуша, и «Гуррен Лаганн»⁴¹ тоже. Или «Чёрную Лагуну». Хотя она мне не очень понравилась. И, чтобы не возвращаться к нашему предыдущему разговору, раз уж мы про анимэ начали, я тебе скажу в заключение: хотя мне безумно жаль Котоноху, но я нисколько не осуждаю Сэкай⁴². Наоборот, полностью согласна с её действиями.

Конечно же, Мария после таких слов готова снова вернуться к разговору. Но мне этого не нужно, да и не хочется. Я тут родственную душу нашла же! К тому же, just as planned, фраза у меня уже готова:

– Хи-хи! Смешно. Я тут буквально пару дней назад думала, что я – вполне себе яндере, а ты – достаточно ярко выраженная цундере. Вот уж не предполагала, что настолько в точку попала! Кстати, о «Кланнад». А «Канон»⁴³ ты ведь видела тоже наверняка. Тебе который больше понравился?..

Так и болтаем до конца перемены. Вообще это огромная удача. Анимэ я действительно много и с удовольствием смотрела. Теперь всякий раз, когда мне понадобится увести разговор в другую сторону – можно будет просто подобрать ссылку на какой-нибудь сериал. Более того – в пиковой ситуации – сказать что-то вроде «да какая там «Дзигоку Сёдзе», окстись, Мария, что же мы – сами в сериале находимся?.. Забавно, если я – и правда чья-то героиня и кто-то про меня пишет. А и пусть пишет. Я себе нравлюсь. Для себя я всё равно самая что ни на есть настоящая. И более того – даже если

сезон – вообще мрак. Поскольку исходно это была компьютерная игра – существуют дополнительные серии с альтернативными развитиями сюжета, где герой влюбляется в другую девушку. Как та самая «Глава Кё».

⁴¹Здесь Дзюн то ли начинает с легенды, а потом решает добавить и правды... То ли демонстрирует реально присущее ей необычное разнообразие интересов: от вполне мальчишеских, до очень женских. «Сола» – мистическая и романтическая трагедия про любовь. Талантливый и весьма душещипательный сериал.

«Хайбане Ренмеи» – очень красив визуально, добрый и мягкий. И совершенно непонятный в деталях.

«Мария-сама га миттерю» – рафинированный образец сёдзе про девочек в женской школе. Эмоциональный, нежный, абсолютно не злой... но и не лишённый элементов тонкого психологизма. Мужской аудиторией не воспринимается практически никак.

«Гандам СИД» и про Лелуша (Code Geass) – «меха»: сериалы про войну на огромных человекоподобных боевых роботах. Упомянутые здесь – помимо собственно роботомехи отличаются ещё очень мощными романтическими и политическими сюжетными линиями, отодвигающими роботов чуть ли не на третий план.

«Гуррен-Лаганн» («Теген Топпа Гуррен Лаганн») – очень грамотная и действительно талантливая пародия на «меха».

⁴²Две главные героини сериала «School Days», в котором рассказывается, до чего «гаремы» и нерешительность доводят в реальной жизни. Трагедия с абсолютно несчастливим концом.

⁴³«Канон» – третий сериал из очень близких по составу авторов к «Кланнад» и «Сола». В отличие от «Сола» имеет однозначно счастливый финал, а в отличие от «Кланнад» – не вызывающего раздражения главного героя.

героиня. Если так... это не слишком сильно отличается от христианских воззрений Марии. В которых и люди, и даже ангелы (совсем уж инструменты для Б-га) – когда им что-то не нравилось – сумели повернуть ход истории под себя. И я смогу. Я же – Нохацу Дзюн. Страшная не-мёртвая демоница, хи-хи-хи! Впрочем, нет. Раз демоница, значит надо что-то вроде «Му-ха-ха!», таким, значит, смехом архизлодея.

На последующем семинаре мне в голову приходит и ещё одна мысль: а ещё можно Мариино время на всяческую анимэшную активность расходовать. После учёбы. Ах, какое ценное открытие!

Нет, как же хорошо дома без Кикири! Не то, чтобы я так уж паталогически любила тишину... Но громкие звуки предпочитаю выбирать сама. Не дома, конечно. Дома всем заправляет Маленькая Госпожа, существо действительно тихое и спокойное. Ну, за редкими исключениями, я говорила.

Мы играем в маджонг. Не самая девчочковая игра, но Энме Ай понравилось. И Хоне-Онна, вроде, тоже не против. Тем более, что я настояла на том, чтобы отказаться от японского правила – «играть как можно быстрее» и мы теперь неторопливо «медитируем» над каждым ходом. Кстати, даёт пищу и для размышлений о партнёрах:

Маленькая Госпожа, например, у нас большая эстетка. Если она произносит «Чоу» – можно быть уверенной: она собирает то, что в покере называлось бы «стрит». А так – даже классические маджонги собирает неохотно, а тяготеет к красивым комбинациям типа парного или небесного⁴⁴.

Хоне-Онна – совершенно не стратег. Меняет концепцию по сто раз за игру. Зато усидчива на удивление. Способна держать многообещающую пару вечно. Уже кажется – ну гарантировано, у кого-то эта же пара сидит на завершение, скажем. Нет. Ждёт. И часто дожидается своего шанса, что характерно.

Интересно, из мальчиков к нам кто-нибудь присоединится в будущем? Нет. Не думаю. Разве что Ваньюдоу: для Ямаваро это всё слишком сложно (не в обиду ему будь сказано), а Ичимоку Рен не примет отказа от этого раздражающего меня японского «блицкрига». А на этом условии я стояла и стою. Кстати, подозреваю, Маленькая Госпожа меня поддержит здесь.

– Дракон-невидимка. – объявляет Энма Ай.

Если бы не уроки Хоне-Онны – у меня бы точно глаза на лоб вылезли. Маленькая Госпожа просчитывает столкновения комбинаций как раз очень чётко. И видит, что у меня – одна кость до маджонга. Тот самый дракон-невидимка, потому как вероятность, что я буду закрывать маджонг парой «беспородных» костей слишком мала: заметно падает стоимость. Ох... только бы Хоне-Онна не обиделась. Я сообразила: ей же тоже недалеко до конца партии. И Маленькая Госпожа поняла:

⁴⁴Хотя с появлением Windows XP с визуальным образом косточек маджонга познакомились многие, на самом деле – это достаточно интеллектуальная и азартная игра (сравнимая по сложности с преферансом), в Китае, при Мао Цзе Дуне – даже запрещённая. Цель – собрать некую комбинацию комбинаций (маджонг) костей, снимая закрытую кость «со стенки», сравнивая её с набором исходно розданных и сбросом ненужной. В момент сброса – ненужную кость может взять противник – для своей комбинации. Взятая сброшенная кость берётся только для завершения «малой» комбинации, которая при этом выкладывается на всеобщее обозрение.

«Чоу» – самая бестолковая из них: три кости одной масти подряд. Не только не стоит ничего (эдакая затычка), но и портит финальный счёт. Кроме одной специальной «большой» комбинации.

«Парный» и «Небесный» маджонги – ещё два варианта «специальных» маджонгов. В силу ряда причин собрать их намного сложнее, и не на много выгоднее, чем хороший «обычный». Посему – удел эстетов... или редкого расклада.

обогнать нас у неё шансов нет... и решила – кому отдать победу. Воистину, хоть и маленькая, но Госпожа.

Впрочем, хотя я почему-то уверена – Энма Ай отдала победу в партии мне скорее из какого-то чувства симпатии что ли... Есть и стратегическая концепция: Хоне-Онне сегодня везло. И приподнимая мой выигрыш – она уменьшает и свой проигрыш. Да-а-а, выражаясь словами Ичимоку Рена – Маленькая Госпожа *жжот*.

Кстати, вот и он, лёгок на помине. Энма Ай уходит за ширму снимать сэйфуку. Ясное дело – кто-то потянул за ниточку. Кстати, я не знаю – кого кому Маленькая Госпожа отдала.

– Кобель похотливый! – шипит Хоне-Онна.

Ага. Значит нынче в Ад отправляется муж-изменщик. Что же, я не против. Кстати, это служебный роман. «Кобель похотливый» – сотрудник отдела продаж, курирующий другое направление деятельности «Канри», изменял законной жене с коллегой. Я, пожалуй, даже признаю свою неправоту: «расследование»-то мы проводили. Просто для этого и делать ничего не надо было: всё и так происходило на глазах у Хоне-Онны. Да, кстати, надо бы действительно попросить её немножко форсировать интерес к моей персоне со стороны компании. Мне же скоро Фудзибаяси домой приглашать...

А сценарий... да что с ним, со сценарием. Вариантов – масса. Увы, мужей-изменщиков в человеческом мире предостаточно. И трагических историй про это написано тоже преизрядно. Так что придумывать даже особо ничего не надо. Остаётся только выбрать.

И тут я сама себя удивляю. Причём сразу по двум параметрам. Ага, первый уже понятен. «Мужей-изменщиков в человеческом мире»... Я что же – себя человеком уже совсем не считаю? Прислушиваюсь к себе. Вот оно что. Забавная защитная реакция. Абстрагироваться от «мужей» через «человеческий». Да, Дзюн-тян, я знала, что у тебя в голове полно тараканов. Но не ожидала, что они такие жирные и разноцветные. Смешно.

Второй же момент – моя просьба:

– Но можно я его, как Сэкай, зарежу, нэ?

Прикол тут в не в кровожадности. А так же не в яндеристости. А в том, что я сама не понимаю: хочу я этого от презрения к мужику, не держащему слово... или сочувствия брошенной девушке. Ну что, Дзюн-тян, будем ставить эксперимент, кого родит не-мёртвая демоница от человека?..

– ... Сайго, давай всё обсудим... у меня будет ребёнок от тебя... – говорю я.

– Да что тут обсуждать?

Я вздыхаю.

– Ладно... Я хоть чаю заварю...

Ухожу на кухню. У объекта звонит мобильный. Да, на другом конце... интересно, а как сказать? Провода-то нет. «На другом конце волны» – бред ведь! На другом конце – Хоне-Онна, но её голос для объекта звучит сейчас иначе. Равно как и я сейчас кажусь ему собственной законной женой.

– Да, Микуру-тян... Конечно...

Беру отличный кухонный нож для рубки птицы и подкрадываюсь к объекту. Хвать! Правая рука цепляет волосы на его затылке и тянет вниз, открывая горло (да, я – левша!) Нож замирает под кадыком, оставляя небольшую царапину.

– Са-а-а-айго-сан... – угрожающе-мягким голосом.

– Не-е-ет! Микуру-тян!!!

– Вы. Слышали. Госпожа. – предельно безэмоционально.

Перед ними возникает Энма Ай. Как всегда – в чёрном кимоно, расшитом плавно перемещающимися цветами.

– О, достойная жалости душа, смотрящая на всех свысока и причиняющая другим боль...

Объект не дышит даже: держу я его профессионально, а сил-то у меня нынче поболее, чем и при жизни было. Не смотря на другое тело.

– ... шар кармы, погрязший в грехе...

– 一遍死んで見る？

Эпизод 9. Рабочий квадрат

День сорок седьмой

– ... Основным преимущество Active Directory является централизованная аутентификация пользователей, так и компьютеров...

Давненько так не бездельничала. Нет, конечно, работа даже ведущего системного инженера, у которого помимо нормальных технических забот висит ещё десяток оглоедов-техников и системных администраторов – периодически даёт периоды ничегонеделания... Но не в таких индустриальных количествах. Всё, чем я занимаюсь в колледже – это размышляю о работе, пудрю мозги Марии и виртуально плюю в потолок. Хотя не скрою – от игры в студентку получаю огромное удовольствие. Ностальгирую чтоло?

Кстати, о Марии. Она сегодня задумчива. Не удивлюсь, если до неё доползли какие-то слухи о недавнем исчезновении одного из сотрудников отдела продаж «Канри». Я не могу контролировать все её контакты, а многие наши сокурсники там подрабатывают. Кстати, вчера я тоже на собеседование ходила – Хоне-Онна таки пропедалировала это дело. Ещё одна причина для размышлений.

Дело в том, что меня туда зовут, причём сразу намекнули на возможность скорого выхода на достаточно высокую даже для постоянного работника должность. И это хорошо. В том числе тем, что я теперь могу снять не «конурку», а вполне приличную квартирку, куда более соответствующую моей легенде – ведь по идее мои родители до сих пор снимают вторую производную с нефтяных богатств Аравийского полуострова (т.е. тянут денежки с чрезмерно разбогатевших арабов). Проблема в другом. И это уже чистое невезение: если я приму это предложение, то заполучу Тенджина в ближайšie коллеги. Не знаю, что будет чувствовать Тенджин, а мне лично от этой мысли крайне погано. А с перспективой карьерного роста... Однако, насколько же в очередной раз права оказалась Маленькая Госпожа, говоря про бедного Мияно-сана: «Он очень похож на тебя»... Тем не менее, предложение придётся принять.

Да, я же о Марии думала – и снова уплыла в какие-то дали. Кажется, теперь моя очередь поддерживать её и отвлекать от тяжёлых размышлений. Ну-ка, что там у меня в сумке (ясно дело, в колледж с нормальной сумочкой не явишься – учебники же с тетрадками!, поэтому приходится таскать целый чемодан). О. Вот это подойдёт. Упаковка рулетиков (или пирожков – всё время затрудняюсь выдать правильное определение), начинённых сладкой пастой из красной фасоли.

– Ой, Мария, – шепчу я. Всё-таки среда оказывает влияние: как бы мне ни было привычно произносить её имя как «Мария», всё равно – шепчу на японский манер. – Ты где?... хочешь?...

Протягиваю ей коробочку со сладостями. Фудзибаяси вздрагивает и, осознав происходящее, берёт угощение. Смотрит на меня.

– Дзюн... мне одна подружка сказала, что в «Канри» пропал человек. По описанию – очень похожий на того, которого я видела. И у которого действительно был роман с сотрудницей...

– Ужас. – хотя я и стараюсь не лгать Марии, но сейчас я говорю совершенно не то, что думаю. Хотя формально я права, конечно. С общегуманной точки зрения, гореть ей в соседней яме с политкорректностью. Хорошо, хоть этой дурью в Японии не страдают. – Ты думаешь...

– У. Думаю. И никак не могу понять себя. Понимаешь, Дзюн... Если это действительно он был. И она его каким-то образом убила... я ведь её понимаю. Но разве так можно?

– Мария, кушай лучше. Я – очень плохая тебе советчица здесь. Я понимаю, ты – христианка. Но я-то – нет. И жила в менее формализованном и одновременно – более жёстком мире, чем ты. Гомэ, я скажу резко: не «можно», а «нужно». Он – предатель. И не только потому, что нарушил своё слово. Но и потому, что передал саму свою функцию – защищать женщину...

Ух, я очень плохая советчица. Я ж сама его и «выпиливала». С удовольствием, ставящим меня так же в затруднение, но совсем по другой причине. А Мария задумчива пуще прежнего.

– Понимаешь, Дзюн, я где-то так и сама думаю...

Не удивлена. Для «тамплиера Фудзибаяси Марии» – совершенно правильно.

– Но... это не только идёт вразрез с моей религией. Меня пугает наличие этой девочки рядом.

– Ты думаешь – она повлияла на ту женщину?

– Нет. Тут что-то другое. Ведь она передала ей что-то. А если это было действительно что-то такое, с помощью чего она и....

Мария излагает сбивчиво (что на неё не слишком похоже) и я, наконец, понимаю, насколько она ошарашена своими выводами. А ещё я вполне понимаю, что она имеет в виду... ну, поскольку владею информацией несколько полнее. Интуиция её не подводит – я уже говорила: контракт с Маленькой Госпожой добрыми делами не покроешь. Но есть одно соображение.

– Представь себе, что она его застрелила. Из пистолета. Кто-то должен был ей этот пистолет продать. И тот, кто продавал – он виноват, в том, что она его применила против козла-мужа-изменщика, а не против козла-хулигана-с-улицы? Понимаешь, это сомнительная этическая позиция, но продавец оружия не несёт ответственности за его применение. Да и вообще – обычными кухонными ножами в Японии преступлений совершается куда больше, чем пистолетами.

Именно. Собственно кухонным ножом я его и... щекотала. И, уверена почти на сто процентов – не будь Маленькой Госпожи – именно с этой штукой объект бы и «познакомился» через неделю-другую. Без нашей помощи.

– Всё равно... как-то это... грешно.

Тут меня почему-то накрывает. Капитально так.

– Изменять грешно, – не сдержавшись, кричу я.

Лекторий застыл.

– Нохацу-сан, повторите, что вы сказали? – лектор выглядит не менее ошарашено, но, кажется, готов устроить задаваке-гайдзинке баню. Фигушки. Я слышала краем уха, о чём он говорил.

– Изменять инфраструктуру сети – очень опасная затея, – невинно стреляя глазками, отвечаю я. – потому что для этого требуется не только перерасчёт политик репликации между серверами типа доменных контроллеров, но и перенастройка роутеров. А в достаточно сложной сети – это вообще

практически невыполнимая задача: что-нибудь да забудется. Поэтому изменять – грешно. Расширять – можно, а изменять – нет. Проще и лучше разрушить и начать с нуля.

Смешно. Это не только мой ответ лектору, но и Марии. И Фудзибаяси тоже это чувствует. Я молча сажусь. Пожалуй достаточно. Также по обоим фронтам: и перед сокурсниками понтоваться, и Марию грузить: теперь она думает в правильном направлении. Каких выводов наделает – не знаю, но идея в её голове останется.

Так она и думала до конца занятий. А потом нам пришлось расстаться – я ушла в «Канри», подписывать контракт. При этом размышляя о том, насколько я уже свыклась со своим положением, и насколько однозначные ассоциации у меня вызывает словосочетание «заключать контракт». К моему огромному счастью – для работников вроде меня оплата в «Канри» чисто сдельная: проект сдан – деньги получены. Не всё так просто, показываться в офисе надо, общаться с коллегами тоже... но для студентов (в особенности – для студентов) делается скидка.

А после того, как я плюхнула печатью⁴⁵ по трём копиям контракта и пережила десять минут упражнений для поясницы и мимических мускулов – ушла «знакомиться» с коллегами. Японцам этого не понять, но я сейчас пью кофе с Хоне-Онной, пребывая в полном восторге: нет у них такого стремления «надуть» систему. Ведь я натурально сейчас под видом знакомства занимаюсь совсем иным.

Между тем, Хоне-Онна рассказывает интересные вещи. Не про компанию, конечно. Точнее – про компанию, но в другом аспекте. Во-первых, оказывается, слухи уже ползут. И она даже один раз слышала (краем уха, проходя мимо) ключевые слова «Дзигоку Тсушин»⁴⁶. Ну, не то чтобы мы были удивлены, но я ожидала настолько активных слухов через месяцок или ещё пару контрактов. А Хоне-Онна, как лучше понимающая вопросы менталитета – через неделю или контракт. Это немного настораживает, поскольку значит – мы чего-то просмотрели. Но сейчас меня гораздо более занимает вторая новость.

Закрывающаяся в том, что любовница нашего недавнего объекта перманентно находится в подавленном состоянии (причём, по мнению Хоне-Онны – куда более подавленном, чем если бы тому виной было только лишь исчезновение любовника), но и ниточку до сих пор не развязала, и Ваньюдоу до сих пор не выкинула... Ну, последнее мы обе и так знаем, но она подчёркивает это обстоятельство. Обращает моё внимание на странное сочетание.

Сочетание действительно странное: любовник исчез, поэтому мужа «выпиливать» уже не нужно. Казалось бы – можно и выкинуть Ваньюдоу и отказаться тем самым от контракта с Маленькой Госпожой. Или отомстить ему за то, что не давал насладиться адюльтером – и всё же «выпилить». В любом случае – чего она ждет? Непонятно...

– Ано... Соне-сан... – а вот и Тенджин. – мне сказали, у нас в отделе будет новый сотрудник... и я пришёл познакомиться.

У меня в животе всё переворачивается. Нет, я мальчику сочувствую. На уровне рации. Но «кота без улыбки» мне жаль чудовищно, и как бы я ни понимала его убийцу... К счастью – я сижу к нему спиной.

⁴⁵ Каждый взрослый японец имеет личную печать для «подписывания» официальных документов. В крайнем случае – можно и от руки кандзи имени-фамилии написать, но печать – и более внятна и проще.

⁴⁶ Название сайта, через который потенциальные клиенты обращаются к Энме Ай. Дословно – «Адская корреспонденция». (地獄通信)

А по чрезвычайно одобрительному лицу Хоне-Онны – понимаю, что и снова выдержала экзамен: похоже, на моей-то физиономии как раз ничего ничего не отразилось.

Встаю. Оборачиваюсь.

– Здравствуй, Тенджин-кун. Буду рада работать с тобой.

Великий Ад, пожалуй, я вознаграждена за свои переживания. Лицо Тенджина (особенно, после того, как я обратилась к нему с постфиксом «кун», что девушка по отношению к парню может себе позволить только в двух случаях: когда она *его девушка*, или – по отношению к коллеге, причём скорее низшего ранга... последнее, впрочем – не обязательно)... Лицо было даже не поражённое. Охреневшее. Вот теперь я могу вполне искренне улыбнуться ему. Не знаю, как это описать Просто меня радует возможность через некоторое время «обойти его на повороте». Благо по факту-то я действительно куда более грамотный работник. А заполучить в подчинённые убийцу уважаемого тобою человека – не по-хорошему приятно. А ещё Маленькая Госпожа сказала, что я похожа на него... Да, не всегда контракт с нею решает проблему. Да, Тенджин-кун. Мияно-сана ты убил. И получишь взамен Нохацу-сан. А она – такая же. Так тебе и надо. Бе-бе-бе!

– Суммимасэн. Но сегодня я попрошу у вас всех прощения и не могу входить в дела... Отложим это на завтра? – извиняюсь я. Что-то тянет меня домой...

Как выясняется – не без оснований. Дома никого нет – делись не только «дети», но и Ичимоку Рен. А Маленькая Госпожа как раз пребывает в нехарактерном для себя общительном настроении. Что же, мне повезло. Я ведь действительно очень люблю её... и общаться, да и просто быть рядом – мне очень приятно. Надеюсь, что и ей. Впрочем, это скорее любовь к сестре (никак не могу заставить себя помнить, что Энме более четырёх веков и всё равно воспринимаю её младшей), поэтому в данном вопросе я ничего не потеряла, соглашаясь на её условие. А может и приобрела: сейчас видимая разница между нами куда меньше, чем при жизни.

– Зачем мы?

Это я понимаю, что Маленькая Госпожа нынче общительна. Её манера выразиться предельно лаконично любому стороннему человеку помешает осознать этот факт.

– Когда я была жива, я читала одну рецензию, где утверждалось, что мы работаем исключительно во исполнение концепции «больше душ для Ада!» Но, мне кажется, всё сложнее...

Понятно, что я ожидаю просьбы развить мысль. Но ведь не обязательно её выражать словами? Вот Энма Ай и смотрит на меня выжидательно.

– Во-первых – мы – просто оружие. Помните, Госпожа, несколько раз – Вы могли предложить контракт (пусть и в неурочное время), но не стали этого делать? И потенциальные клиенты брались за нож. Получается, что клиентов мы не обрекаем Аду: они идут в него. Тем или иным путём, с нашей помощью или нет – но именно в Ад.

– А обидчики?

Маленькая Госпожа тактична. Это мы промеж себя пользуемся техническим и невыразительным термином «объект»...

– С ними сложнее. Бывает, что нам заказывают практически невинных людей. Да. Но ведь для того мы и помогаем Вам – разобраться, в чём дело; дать им понять – за что их... Ведь насколько я понимаю – в зависимости от того, насколько они были невинны и насколько... эт-та... раскаиваются,

что ли, в причине контракта – и Ад для них разный. Помните того учителя, что пытался расшевелить девочку-хиккомори⁴⁷?

– Да.

Энма Ай снова смотрит мне в глаза. Видимо, ждёт, что я ещё что-то скажу. А, верно. Есть ещё и третья, вполне персонифицированная сторона нашей работы – мы сами.

– Ещё есть мы: Вы и Ваши помощники. Но я могу сказать цинично (в конце-концов – я же с Вами и поэтому цинизм будет направлен и на меня саму)... Вот Вы заключили договор с Хозяином Ада: Вы получаете эту работу, и за это сами в Ад не попадаете. Остаётесь на границе. Но что такое Ад?

– Не знаю.

Я вздыхаю:

– И никто не знает. Только строят предположения. И мы можем заглянуть в индивидуальный ад тех, кто заключал с нами контракт. Хотите – я изложу свои предположения?

Маленькая Госпожа кивает.

– На мой взгляд – Ада просто не существует. То, куда Вы переправляете души – это не Ад. Это Страна Мёртвых. Совершенно нейтральная. Для кого-то лучше, для кого-то хуже. А Ад – он внутри нас. Можно сказать, что Хозяин Вас обманул: мы все живём именно в Аду. И расплачиваемся за свои грехи: за месть, за невнимательность... каждая – за своё.

– Но работа...

– Конечно. Работа иногда приносит удовольствие. Но подчас бывает и наоборот. Честное слово, я всегда поражалась и восхищалась – как Вам удаётся оставаться такой спокойной, ведь на самом деле – Ваше сердце – не камень... И это ещё хуже: если бы все контракты были отвратительны – вот тогда сердца бы окаменели рано или поздно, и у Вас, и у Хоне-Онны... а мальчики всегда менее эмоциональны, они бы «окаменели» первыми. И поэтому мы до сих пор способны переживать при... нехорошем контракте.

Маленькая Госпожа кивает и задумчиво катает свои любимые шарики пальцем.

– Другое дело, что механизм здесь хотя формально очень напоминает концепции авраамистических религий, – я не боюсь использовать такие слова: уверена, Энма Ай слишком умна и слишком долго не-мертва, чтобы знать их. – но фактически действуют иначе. Вы ведь почти расплатились со своим долгом, вступившись за невинного мальчишку. И... «снова залезли в долги», если можно так сказать – отпустив Юзуки.

Я останавливаюсь. Этот момент меня удивлял ещё давно. Но и сейчас, в кои-то веки получив возможность связно изложить результаты своего анализа, я всё равно не могу понять – в чём тут разница, ведь в обоих случаях Энма Ай проявила одно и то же: милосердие... но с абсолютно противоположным результатом.

– Но вот настоящие законы мне не понятны. Может быть – понять их и будет для нас выходом «на пенсию»? В любом случае – это будет переход «на новый уровень».

⁴⁷ Хиккомори (ひきこもり или 引き籠もり) – предельно асоциальный тип, страдающий не только социопатией, но и агарофобией. Боится людей, машин и низколетящих собак. (literally "pulling away, being confined", i.e., "acute social withdrawal") is a Japanese term to refer to the phenomenon of reclusive people who have chosen to withdraw from social life, often seeking extreme degrees of isolation and confinement because of various personal and social factors in their lives. The term hikikomori refers to both the sociological phenomenon in general as well as to people belonging to this societal group.) – статья из Вики.

Энма Ай задумчиво играет прядью. Потом берёт меня за руку и встаёт, легонько тянет за собой. Кажется, это ещё и её ответ. Мы выходим из дому. Идём по лужайкам, покрытым синими и красными цветами. Вокруг тишина – не жуткая тишина мёртвого леса, нет. Налетают едва ощутимые порывы ветерка, под которыми шелестит листва, где-то за спиной едва слышно журчит река. Изредка пролетают бабочки... Вот только теплокровных животных и птиц у нас нету... как мне кажется.

– Да и признаться честно – не настолько страшен наш Ад, нэ? Хотя бывает и тошно.

Энма Ай едва заметно сжимает мою ладонь, соглашаясь. Тошно бывает. Ещё как. Но вокруг всё же красиво. И совершенно замечательные... демоны. Начиная с самой Маленькой Госпожи. О Кикири я предпочитаю сейчас не думать. Может быть – я её не понимаю. А может быть – она такая же ложка дёгтя – чтобы мы лучше осознавали мёд.

Дальше мы гуляем молча. Не знаю, что чувствует Энма Ай, а мне – тепло и спокойно на душе. Просто от того, что она рядом, идёт, держась за мою руку. Наверное, ей тоже хорошо – ведь даже если она понимает, как я к ней отношусь (хи-хи, я сама толком не понимаю, как сочетаю младшую сестрёнку с Госпожой!) – есть ещё и статус, и этикет. Было бы ей неприятно – всего-навсего надо было бы отпустить руку. И я бы ушла. Но её маленькая тёплая ладошка до сих пор – в моей.

Незаметно мы возвращаемся домой. Ну, для меня незаметно – ведёт-то Маленькая Госпожа... тем более, что я не слишком хорошо пока знаю окрестности дома, только чувствую направление. Интересно, что дальше будет?

Нет. Не интересно. Дальше Энма Ай уходит за ширму, а на порог, с неизменной трубочкой в зубах, усаживается Ваньюдоу. Или всё же интересно? Пожалуй, да. Я вот не понимаю – ни задержки, ни решения. Вопросительно смотрю на старого демона. Не положено мне вопросы задавать. Впрочем, Ваньюдоу – дядька наблюдательный и добрый.

– Да затерроризировал он её. Знал, оказывается, всё. А как любовничек исчез – так принялся издеваться, мол теперь-то тебе деваться некуда.

ТЬфу, гадость какая. Что за мужики пошли? С другой стороны – не буду по поводу контракта переживать. Этому индивидууму тоже так и надо.

«Спектакль», впрочем, особыми эффектами на сей раз не отличается. Ключевая концепция «деваться тебе некуда». Я бы, конечно, сыграла на материале «Звёздных Войн»: «Не спасись... тебе, молодой джедай, и твоим друзьям – не спасись...»⁴⁸ Но здесь культурный контекст иной. Поэтому мы сначала немножко гоняем объект по лабиринту, постоянно выводя его в центр, где висит портрет его жены. Потом нам это надоедает и объект находит дверь, через которую попадает в голую степь.

В степи, впрочем, загон продолжается: Ваньюдоу на джипе, а я на мотоцикле – задаём ему направление. И выводим опять-таки к жене. Это, оказывается, правильное решение. В лабиринте объект молчал. Точнее – был нечленоразделен. Увидев же аж трёх.... эт-та, ну, скажем, «человек» – в данном случае истинная сущность не принципиальна, – пытается спросить:

– Что это? Почему?

Ваньюдоу усмехается:

– А потому что теперь-то тебе деваться некуда!

– Жену, вообще-то любить надо. Какая бы она ни была. Или не жениться на нелюбимой. – скучно добавляю я.

⁴⁸Судя по всему, Нохацу Дзюн откровенно симпатизирует Империи из фильмов «Звёздные Войны»: в фильме и «молодой джедай» и «его друзья» – спаслись... и очень эффективно, чтобы не сказать «эффектно».

– Да я... да мне...

Ваньюдоу пожимает плечами:

– Вы слышали, Госпожа?

Противу обыкновения, Энма Ай не «появляется перед ним», а коршуном пикирует откуда-то из зенита. Развевающиеся рукава фурисодэ⁴⁹, развевающиеся волосы. Чёрная валькирия, прямо. Жаль, это никто не оценит.

– О, достойная жалости душа, смотрящая на всех свысока и причиняющая другим боль...

– Любил...

– ... шар кармы, погрязший в грехе...

В последний момент объект ломается и тихо произносит единственное, наверное, за весь «спектакль» честное слово:

– ... когда-то.

– 一遍死んで見る？

4Ичимоку Рен, Кикири, Ямаваро, Хоне-Онна

⁴⁹Фурисодэ (振り袖) – род женского кимоно. Парадное (богато украшенное рисунком) кимоно с очень длинными рукавами. Носимо только незамужними женщинами.

Эпизод 10. 遊女⁵⁰

День сорок восьмой

– Использование DNS-форвардера для разрешения всех остальных доменов полезно, если ваш ISP предоставляет свои DNS-сервера: в таком случае ваш собственный DNS-сервер отправляет для каждого домена только один запрос...

Угу. И если провайдерские сервера дурят – то эту дурость получаешь и ты. Нет уж, root hints надёжнее. Хотя технически генерируют больше трафика. Но... DNS-трафик в большинстве случаев всё равно пренебрежимо мал.

А вот Фудзибаяси – не пренебрежимо велика. Конечно, рано или поздно это было должно случится, но всё равно. Факт, что она только что написала четыре кандзи на уголке тетради и показала мне – свершился. Четыре кандзи – это, понятное дело, 地獄少女 (дзигоку сёдзэ, – Адская Девочка). Ну вот, она и догадалась. Играя нечисто, я могла бы попробовать увести её в сторону и сейчас, сомневаюсь, что она полностью уверена в своей догадке. Но даже используя концепцию Лайто-куна и охотясь сама на себя – я не могу себе позволить ей лгать: нельзя отказываться от шанса убедить «по человечески».

Ладно, повелею дурочку. Пишу: «本当ですか? » («хонто дес ка» – да ну?). «Однозначно», – отвечает. – «На перемене поговорим». Охохо, Фудзибаяси такая ответственная... Хм. А вот это мысль: если всё будет тянуться достаточно долго – можно её тоже на работу взять. Если не ко мне (когда и если я стану начальницей), то к Хоне-Онне. Ответственность – она везде приветствуется...

Однако вот и перемена. Уединяемся на верхнем пролёте лестницы: дверь на крышу закрыта, поэтому никто наверх не полезет – не зачем. С другой стороны – дверь не плотная. И дым моей сигареты вытягивает через щели.

– Понимаешь, Дзюн, – Мария даже где-то возбуждена: её радует продвижение в собственном расследовании. Это тоже хорошо – желание решать проблемы – оно тоже полезно. – Ты прямо-таки зацепила меня этой фразой про несоответствие традициям.

Ксо! Так это я же сама её на правильную мысль навела? Ну, теперь уж поздно пить... «Боржомии». Ещё одна идиома, которую если кто-то поймёт, то разве что Маленькая Госпожа... Обалдеть! На мгновение её лицо возникает, сотканное из дыма моей сигареты. Фудзибаяси заполошно вздыхает – без сомнений, это видит и она. Нет, определённо у Энмы Ай на Фудзибаяси какие-то планы.

– Ох... – ты видела?

– Да. Что бы это значило? – я обостряю игру. Кстати, забавно: сейчас обострение игры заключается именно в равнодушной интонации.

– Это она! Адская Девочка!

– Мария. Мы уже видели её. Обе. Если мы вошли в область мистики – то поздно дёргаться. И второй раз увидеть что-то – лишь показатель повторяемости. Что означает: «это существует». Но ведь мы знали и так?

⁵⁰Используемые здесь кандзи в современном языке произносятся как «ю онна», где первый означает «развлечение», а вторая из них (как уже могли заметить внимательные читатели) так же используется и как «дзё» в словах типа «сёдзё», так что вариант «юдзё» вполне закономерен. На самом деле – это не просто закономерный, а в действительности – архаичный вариант произношения. Что для Нохацу Дзюн, получившей знания языка «магическим путём» в лучшем случае от полутысячелетней Энмы Ай (если не от вечного Хозяина Ада) – совершенно закономерно.

– У!

– Тогда возвращаемся. Ты говорила – дзигоку сёдзе?

– У! У! Я... стала искать новые легенды. Почему – не понимаю. Старые ты отмела, да. Но мне и самой казалось – надо новые.

– И? – мне самой интересно: заметит Мария мою безразличность, или нет?

– Случайно, совершенно случайно наткнулась, ты не поверишь – на анимэ! Так и называется: «Дзигоку Сёдзе»... нет, буквально... – она хватает меня за руки, не даёт мне перебить. – Тамошня героиня – точь-в-точь она!

– Сильно. – выдыхаю я. Отличная реакция. Мне самой – страшно. Насколько нас «раскусили»? Мария же воспринимает это совсем иначе.

– Это Энма Ай, я уверена! И она убивает, точно!

– О-о-о... – я ловлю себя в последний момент. Энму Ай хочется защитить немедленно и я в порыве чуть не «спалилась», назвав её Госпожой (Одзё-сама⁵¹).

– Но если это она, – прихожу в себя, – и у нас всё как анимэ – то она – пистолет, как я тебе говорила... Убивает только тех, кого и без неё убьют! Да, это ужасно... но что тут сделаешь?

Мария сверкает глазами. Она поняла суть происходящего и приняла решение.

– Надо пытаться их отговорить! Ведь они и сами отправятся в Ад... И в любом случае – убивать людей – грешно. Сказано же «не убий!»

– Это да. – соглашаюсь я. Про себя при этом думаю: «И как я теперь её тормозить буду? Она ведь реально хочет клиентов отговаривать!» – Но ты уверена, что в этом есть смысл? Если я правильно помню сериал – то люди там обычно настроены весьма и весьма серьёзно. И ниточку не развязала только Цугуми⁵²...

– Всё равно – я должна пытаться. Я не могу этого так оставить. Дзюн, пойми же! Разве ты пройдёшь мимо умирающего человека? Я тоже не могу просто смотреть, как люди обрекают свои и чужие души Аду.

Да. С таким заявлением я спорить не могу. То, что Ад – это несколько не то, что Мария думает в силу своей религии – ей сейчас объяснять бесполезно. А вообще я не могу не восхищаться этой девушкой. Ведь она должна понимать – её усилия бесполезны. Но всё равно будет пытаться. Поэтому я вполне искренне охаю:

– Какой же ты молодец, Мария!

Однако на самотёк я тебя не оставлю. И не надейся. Даже если твои усилия будут бесполезны (а я достаточно уверена в фатальности наших контрактов) – не хочу, чтобы нам мешали. А поэтому надо расспросить её: что же она видела.

– Кто же теперь?

⁵¹Используемое среди сотрудников «Адской Корреспонденции» обращение «Маленькая Госпожа» – лишь один из вариантов для трактовки «Одзё-сама» (так же распространены трактовки «Принцесса» и «Госпожа»). На деле же это предельно уважительное обращение к женщине, не указывающее ни на социальное положение, ни на возраст:

Приставка «о-» – признак уважения.

女 (дзё) – женщина (как пол, но в современном языке произносится как «дзё» при указании на младших девушек и «онна» – более взрослых).

Постфикс «-сама»(様) – показатель предельного уважения.

«Уважаемая предельно уважаемая личность женского пола».

⁵²Отсылка на первый сезон про Маленькую Госпожу

Мария, к моему удивлению, краснеет и запинаясь. Ага, понятно. Она видела нашего клиента. А клиент у нас нынче – юдзё. Классическая история, на самом деле. И очень поганая. Затянули простодушную деревенскую девушку в долги и принудили отрабатывать. Вот она сутенёра и заказала. Хоне-Онна, понятное дело, «бьёт копытом» и ждёт-не дожждётся подтверждения. У неё к подобным господам дли-инный счёт. А клиент медлит. Надо будет Рена спросить – что вообще она делает? По идее ведь должна была потянуть ниточку чуть ли не сразу...

Мария тем временем справляется со смущением и выбирает достаточно нейтральную формулировку:

– Девушка.

– Ты её не знаешь, конечно? – задаю ожидаемый вопрос.

– Нет...

– И как искать будешь?

Вообще вопрос действительно мощный. Места, где можно встретить коллег нашей клиентки даже я бы в своём теперешнем состоянии посещать не рискнула бы. Ну... рискнула бы, если надо. Но не хочется. Чего говорить о куда более правильной, скромной и... слабой Фудзибаяси. Хотя кто её знает... у неё же теперь миссия, ёлки! А Мария демонстрирует сообразительность.

– Я... могу предположить, где она работает. И попробую перехватить на входе...

Но вообще это не лучшая идея. Входы в такие «заведения» контролируются. Как бы Марии не навалили... хоть она и помеха... но ведь и подруга.

– Ты уверена, что человек, идущий на работу склонен к продолжительным разговорам? – мне тоже надо пользоваться нейтральными формулировками. Ведь с одной стороны я как бы не знаю сути происходящего, а с другой – ага, не могу лгать.

Фудзибаяси задумалась.

– Да... наверное правильнее проследить до дома...

– Хи-хи-хи! – смеюсь. – Мария Сталкер-сан!

Мария снова краснеет.

– Но это действительно лучше. – приободряю её.

Вообще, я бы с интересом посмотрела, как она будет общаться с клиенткой... А вот что будет думать потом – это я узнаю однозначно. И это действительно интересно, в данном случае я даже не буду Марии мешать. Действительно, пусть поговорит... Случай-то такой... характерный, чтоб ему. И осуждать клиентку у меня, например, нету совершенно никакого желания. Потому что к юдзё я отношусь вполне положительно, помнится, при жизни у меня даже пара подруг была, оказавшихся таковыми... А вот сутенёров, я считаю, надо выпиливать беспощадно.

– Увы, но я тебе в этом деле помочь не могу. Ты же знаешь, что я в «Канри Сольюшенс» устроилась... Поэтому караулить тебе компанию не составлю. Но если надо чего – советом помогу всегда...

Да. Помогу. В том направлении, которое сочту лучшим для нас. Прости, Мария...

Получается, что я Марии невольно солгала. Свободного времени в «Канри» у меня навалом, оказывается. Хоне-Онна приносит нам с Тенджином очередной контракт: поставить несколько серверов одному клиенту. Сервера очень стандартные... в общем, скучная работёнка. Понятное дело, спихивая её на нас – «старшие коллеги» полагают, что мы будем ставить ОС и конфигурировать её

вручную. Что вполне соответствует уровню студентов-первокурсников. Но я-то не студентка-первокурсница! Так что – дудки!

– Мо!⁵³.. – возмущаюсь я, когда Хоне-Онна уходит. – И вот этой ерундой заниматься?

– Нохацу, это же наша работа! – несмело возражает Тенджин. – и разве это ерунда? Тут и DNS, и DHCP, и даже WINS...

Кстати да, один из серверов – WINS. Давненько я такой древности не наблюдала. Ну, надо им – будет им и WINS.

– Тупняк. – резко говорю я. – Сидеть и ждать, пока оно дозреет до очередного вопроса. За секунду ответить и снова ждать.

– А что поделаешь?...

– Ну, мы-то не тупые. Мы откроем такой модный инструмент как setupmgr.exe, – объясняю я одновременно с работой. – и говорим: «создать новый answer file». Проходим визард.

Тенджин заинтересованно смотрит. Я из вредности прокручиваю визард на максимальной скорости. Во-первых, ничего сложного там нету, во-вторых – мне самой нравится смотреть на свои руки: всё-таки есть что-то завораживающее в изящных ручках, порхающих по клавиатуре...

– А теперь полученный файл открываем в не менее модном инструменте под названием potepad и вносим необходимые изменения. Всё равно этот визард достаточно тупой.

Наверное, я сволочная девица. Но отвисшая челюсть Тенджина меня несказанно радует. А его вопрос – ещё больше. Самой формулировкой:

– Нохацу... –сан, откуда Вы это всё знаете?..

– Ну... – кокетливо тяну я, нажимая Ctrl+S и сохраняя первый answer-file, – скажем так: мне было интересно. И я никогда не любила рутину.

– Но...

Угу. Это он хочет сейчас сказать что-то вроде «но в нашем возрасте...» Конечно, возраст у меня вовсе не тот, что кажется. Но при жизни у меня было несколько подчинённых (кстати, вообще – чистокровных филиппинца), которые подобные вещи знали и в нашем возрасте. Поэтому перебиваю его и ставлю точку:

– 18 лет – достаточный срок, чтобы знать достаточно много о том, что тебе интересно.

Быстренько «клепаю» answer-file для остальных серверов, заряжаю процесс и ухожу за перегородку – гонять чай-кофеи с Хоне-Онной. Да здравствует карьерный рывок! Кстати, я была честна: Тенджину свои действия я объяснила. Всё равно сам он answer-file полностью не составит. А на отвисшую челюсть полюбоваться было действительно приятно.

А ещё кофеи с Хоне-Онной гонять полезно и по другой причине: как бы стара она ни была (если я правильно помню, она в два раза моложе Маленькой Госпожи и сейчас не-мертва третью сотню лет), как бы не «умудрилась опытом» – всё равно моя старшая подруга уже теряет терпение.

– Мо!.. – со стуком опускает она чашку на блюдец, – ну что она тянет?!..

– Не тянет, правильнее сказать, – шучу я. – А что Рен-сан говорит?

– Рен говорит – клиентка развивает какую-то странную активность. Резко стала активно ходить на работу, по магазинам... Причём совершает достаточно странные покупки.

Интересно. Что-то я тоже не понимаю.

– А что покупает?

⁵³«Мо» – возглас недовольствия. В основном – женский. Аналог русского «блина».

– Одежду и украшения. Причём одежду не самую красивую. Джинсы всяческие...

Гм. Действительно странно. И тут меня осеняет:

– Хоне-Онна-сан, а ведь клиентка – умница!

Старшая подруга смотрит на меня с интересом.

– Она сообразила, что на замену этому.... – да, мне тоже противно даже произносить это слово, поэтому я ограничиваюсь многозначительной паузой. – ...мгновенно появится другой. И готовится «рвать когти». Если сообразит, что домой возвращаться не стоит, а попробует затеряться в каком-нибудь мегаполисе вроде Осаки – вообще молодец будет.

Хоне-Онна оценивающе трогает губу пальчиком.

– Да, в твоём предположении есть смысл. – тут она улыбается. – Ладно, тогда можно и подождать.

Естественно, она желает клиентке успеха. А я вдруг соображаю и ещё один момент: Фудзибаяси-то, похоже, не полная копия Цугуми: та видела происходящее «в реальном времени». А Мария иногда видит то, что случилось несколько дней назад. Ведь клиентка получила Ваньюдоу-куклу три или четыре дня назад. А Мария рассказала мне об этом только сегодня. Что же, это неплохо: если она от нас отстаёт... то она от нас отстаёт!

Ладно. Домой пора.

А дома нас ожидает взволнованный Ичимоку Рен.

– Дзюн-тян, – с обвинительными интонациями обращается он. – твоя подруга вышла на клиентку!

Я делаю вид, что смущена.

– Гоменнасай! Я не могла ей помешать... Ано... это стало проблемой?

– Нет. – Рен явно недоволен, но больше самим фактом. – Твоя подруга навалилась на клиентку со своей христианской чепухой. Клиентка сначала вяло отнекивалась...

– А потом? – Мария, безусловно, завтра мне всё перескажет, но взгляд со стороны – тоже интересное дело.

– А потом клиентка взяла подол кимоно в правую руку⁵⁴ и объяснила напрямик – кого собирается отправить в Ад. После чего оставила твою подругу ошарашенной и удалилась.

– Суммимасэн... если мне будет позволено сказать... – я решаю пойти в атаку. Пожалуй, Хоне-Онна меня поддержит даже.

– Ну?

– Я не думаю, что в данном случае контакт Фудзибаяси с клиенткой может чему-то помешать. Клиентка тянет, потому что собирается удрать. То есть она настроена даже более решительно, чем мы предполагали. А Фудзибаяси – задумается. Случай-то такой... однозначный. Клиентку очень сложно осуждать.

Рен чешет в затылке. Я наслаждаюсь пластичностью собственной психики: ещё совсем недавно я ему завидовала в такие моменты. Теперь – нет. Не хочется мне чесать в затылке. Предпочитаю трогать губу пальчиком.

– Резонно, – наконец признаёт он. – Ну, посмотрим.

⁵⁴Существует другой кандзи, читающийся как «ю» (右) и имеющий смысл «правый». Не совсем понятно, откуда пошла эта игра слов (то ли юдзё придумали так себя обозначать, то ли наоборот), но они действительно подол кимоно придерживают именно правой рукой. (Гейши, гейко и майко – только левой)

– Не выйдет. – доносится с порога. Мы оборачиваемся. У входа стоят Ваньюдоу и Маленькая Госпожа. Впрочем, последняя безмолвно уходит за ширму. Действительно – не выйдет. Разговор ли с Марией послужил триггером, или сама клиентка сочла, что достаточно подготовилась... Результат не изменяется: нить развязана.

Ноздри Хоне-Онны расширяются, глаза мечут молнии. Кто там давеча про кровожадность рассуждал? С ехидной улыбкой на лице тихонько трогаю её за плечо и протягиваю форменный берет сверхсрочника морской пехоты СССР – как положено, с «крабом», с гюйсом...

Хулиганство сходит мне с рук. Хоне-Онна секунду непонимающе смотрит на берет, потом заметно успокаивается и ерошит мне волосы на голове. Ну, точнее – взъерошила бы, если бы они были распущены, а не затянуты в два хвостика, как сейчас.

– Прекрасно. И что будем делать?

Ваньюдоу смотрит на нас.

– Ичимоку Рен... это дело такое. Тонкое. Женское. Пусть девушки придумают, как им нравится.

Я скромно молчу и смотрю в пол. Всё-таки это дело больше всего задевает Хоне-Онну. Пусть она и решает – как самая заинтересованная сторона. А решение, у неё, оказывается, уже готово. Одновременно простое и изящное.

– 19й век. Южные штаты. Поймаем его и продадим. Американцам. Нетрадиционной ориентации.

Хорошая идея. Но Хоне-Онна на ней не останавливается.

– Но сначала – путешествие в трюме. И вы, мальчики – просто матросы, пожалуйста. А Дзюн будет у нас бомбардиром и командиром морской пехоты.

Берет водружается на мою голову. Ох, и каша же у нас получится. Но весело. Уж я этого молодчика заставлю хлебать баланду!

Раскалённое калифорнийское солнце высушивает землю до каменной твёрдости. Даже мне, не-мёртвой, жарко в чёрной форме советского морского пехотинца. И АКМС этот дурацкий! Нет, «Калашников» – шикарный автомат. Но из него практически невозможно стрелять с левого плеча. И вообще – не понимаю, зачем Хоне-Онне эта игра с анахронизмами... Но на объект мой вид нагонят дрожь. Это хорошо. Объект, кстати, сидит в кандалах и одной набедренной повязке. Впрочем, ему не лучше: и баланда не способствует хорошему самочувствию, да и мухи... они в общем тоже не тупые. Летят туда, где больше пахнет и больше голого тела. Короче – не на моё лицо, отнюдь.

Появляются покупатели. Хоне-Онна вежливо улыбается из-под козырька своей капитанской фуражки. Кстати, по модели фуражка – типичная немецкая, подводников Второй Мировой войны. Шалит моя подруга...

Один из покупателей сразу обращает внимание на объект, берёт его за подбородок, изучает.

– Скажите, капитан, и сколько вы хотите за этого сладенького азиатика?

– О, это очень ценный товар, – кокетничает Хоне-Онна. – красавчик ведь... а сзади каков! Это вам недёшево встанет.

– Да, – соглашается покупатель. – Попка отличная... Итак?

Объект не выдерживает... надо было мне его всё-таки попинать во время плавания, чтоб рот не разевал. Хотя... как иначе он осознает?

– Почему я?!!!

– А почему нет? – скалится Хоне-Онна. – Девушек продавать можно, а мальчиков – нельзя?

– Я не продавал!..

– Ага. – соглашаюсь я. – Не продавал. Только одалживал денежки и предлагал отработать. Ну и сейчас отработаешь!

Объект мычит в панике.

Перед ними возникает Энма Ай. Как всегда – в чёрном кимоно, расшитом плавно перемещающимися цветами.

– О, достойная жалости душа, смотрящая на всех свысока и причиняющая другим боль...

– ... шар кармы, погрязший в грехе...

– 一遍死んで見る？

А в лодке мы его сразу фиксируем. И рот затыкаем. Ещё не хватало Маленькой Госпоже слушать вопли такой мрази.

Эпизод 11. 125 кубометров тишины

День сорок девятый

– WPA-аутентификация с PSK даёт вполне достаточную защиту сети, но приводит к необходимости вручную вводить ключ на каждом беспроводном клиенте. Поэтому RADIUS-сервер в данном случае – большое подспорье...

Угу. Только по хорошему – уговорить кого-то на «радиус» – это должна быть такая здоровенная (или озабоченная) контора. Впрочем, мне – всё равно. Я жду перемены. Когда наконец изловлю Фудзибаяси и расспрошу.

Ну наконец-то! Звонок. Хватаю её за рукав и тяну.

– Курить!

Впрочем, она сама вскакивает мгновенно. Видимо, хочет поделиться. Устраиваемся на лестнице.

– Ну! Ты нашла её?

О, как интересно. Мария краснеет – вспомнила вчерашний разговор. И понимает – теперь уже либо рассказывать, но общими словами не отделаешься. Либо молчать. А рассказать-то хочется. Ага, больше хочется, чем стесняться. Понимаю.

– Понимаешь, Дзюн... бывает так, что девушки попадают в плохую ситуацию и им приходится...

– Неужели та девушка – гейша? – Ничуть, конечно. Но я вполне честно выражаю сомнение. Правда, в другую сторону.

– Хуже. – печально говорит Фудзибаяси. – Много хуже... я даже не ожидала...

– Тогда рассказывай по порядку.

– Вот... Я засела в кафе – и наконец увидела её. У меня была домашняя работа с собой – но я не могла заняться ею, боялась пропустить...

– Ну, об этом не беспокойся. Видела я сегодняшнюю «домашку». На следующей перемене я тебе общий ход расскажу, а на лекции распишем. Тем более, что лекция же будет по Мировой Культуре... про которую и ты, как христианка, и я – как гайдзинка, знаем побольше лектора. Так что не переживай. Итак, сидела ты в кафе и ждала.

– Да. – Мария поддаётся моему напору и начинает отвечать почти механически. Оно и хорошо, может так ей будет легче перескочить через неудобные слова и перейти к сути дела.... И своим переживаниям. – И вот она выходит. Одна. Я – за ней. Догнала около дома...

– И... что же?

– Говорю ей: прости, я тебе совсем никто... но неужели ты хочешь убить человека? А она мне отвечает: «разве это человек?» Дзюн, я чуть на колени не упала – просто все силы из ног пропали. Говорю ей: «Но ведь убивая – ты и сама совершишь грех! За что ты себя?»

Мария ломает руки. Да, нелегко ей этот разговор дался...

– А она: «Ты не поняла?» И берёт подол кимоно правой рукой. Дзюн, вот здесь я просто упала. Это же кошмар!

– Ох, бедная! – вздыхаю я. В общем-то я и сама не понимаю – к кому этот вздох относится: к Марии или к предыдущей клиентке. Обеих жалко...

– И продолжает: «Не я первая. Но пусть для него я буду последней.» Дзюн, но ведь на его место придут другие! Да, он гад, мерзавец... но зачем она обрекает себя?!

Фудзибаяси почти плачет. Я мягко касаюсь её плеча.

– Мария... Всё, что нужно для торжества зла – это чтобы добрые люди бездействовали. Да, она обрекла свою душу Аду. Но, скажи честно: могла бы ты уничтожить такую мразь – неужели бы не сделала этого. Пусть и пожертвовав собой?

Всё. Мария ревет в голос.

– Но ей-то за что?!...

Я сажу, спрятав лицо в ладонь. Мне хочется схватиться за голову – но если я сниму руку с её плеча – ей будет ещё хуже. А я успела полюбить её.

– Мария... она сделала выбор. Она пожертвовала собой. Пусть этой жертвой и не преломить Системы. Но одним мерзавцем на свете стало меньше. А у неё впереди – целая жизнь. Которую она сможет прожить счастливо. Если сможет, да. Но – ведь это мы с тобой должны быть ей благодарны!

– Но... – Фудзибаяси почти нечленораздельна. Я обнимаю её, глажу по спине.... И впервые злюсь на свой собственный выбор: тут мужские руки нужны. Большие. Сильные. А не мои тонкие ручонки.

– Плачь. – невольно говорю я. – Плачь. Эта девушка совершила настоящий подвиг... Знаешь, когда самолёт врезается в линкор – линкор от этого не сильно страдает. Но ведь мы не отговаривали наших парней 60 лет назад. Потому что – так надо. Потому что они жертвовали собою – ради нас. Тех, кто родился потом.

Мария хлюпает.

– В твоей религии есть слова: «Б-г есть любовь». Но те, кто жертвуют собою – они и есть любовь. Да, эта юдзё, – пожалуй, после всех намёков я уже могу назвать её профессию. – обрекла себя Аду. И не разрушила Систему. Но ведь она это сделала ради нас. И если ещё сто, тысяча людей сделает то же самое – даже самый страшный линкор потонет. Даже Система обрушится. Она сделала шаг к миру без ненависти. Миру, где не нужно бояться. Можем ли мы её осуждать?

От последних слов меня передёргивает: да, я говорю, что думаю. Но моя работа – это именно ненависть. Не будет её... Великий Ад, я ведь сама такая же. Мне не страшно за себя. Меня не волнует, что будет со мной в мире, где мы окажемся не нужны. Но что будет с Маленькой Госпожой? Я хочу, чтобы она была счастлива.... Мысли скачут. И если для того надо будет сразиться с Хозяином Ада – что ж. Я готова. «Прими, линкор, мою любовь!»⁵⁵

– Нет. Но... Зачем же так?!

⁵⁵Совершенно однозначно, что Нохацу Дзюн безразлична к песням Сергея Калугина. По крайней мере – к одной из них, «Вперёд и вверх!».

– Мария. Не будь Энмы Ай – она бы всё равно решилась. Завтра. Через неделю. И всё равно пожертвовала бы своей душой, нэ? А так – хоть не поймают...

Ой, это, я наверное, зря сказала. Далеко не факт, что Мария знает – нить уже развязана. Впрочем, у меня сейчас в голове одни эмоции: все мысли – о Маленькой Госпоже. Да нет, именно о Госпоже и сестре моей. Ох, дёрнула Мария по струнам... Хотя она сейчас плачет у меня на плече (Великий Ад, и что мне с кофточкой делать – там ведь уже огромное мокрое пятно, неудобно ведь!) В общем – слабо анализирует мои речения.

– Пойми, Мария... Энма Ай – не зло. Она... нейтральна. И вчерашняя девушка – просто распорядилась тем, что имела. Распорядилась как должно.

Ну всё. Приехали. Теперь весь день кутаться в джинсовку и говорить что, мол, знобит. Потому что на плече кофточки ещё теперь и потёки Мариинной туши и помада.

На следующую лекцию мы приходим с опозданием. Но, к счастью, на лице у меня что-то такое написано. Странное. И недоброе. Вопросов нам не задают. А для Марии привычная обстановка колледжа – бальзам. Усаженная за парту – она достаточно ловко извлекает тетрадь... а конспектировать начинает вообще как будто ничего не случилось.

Я же сижу в задумчивости. Одна из мыслей – что всё это хитрый план Маленькой Госпожи, и всё направлено на самом деле на меня. Не хочу. Не хочу подозревать её в таком. Пусть, может быть это и правда – но я хочу оставаться её верной... сотрудницей и сестрой. Не желаю думать, что Госпожа мною манипулирует. Даже если теряю что-то от этого. Но... нюхом чую – мы сегодня ходили по краю чего-то важного.

Кстати, интересно – Мария в курсе следующего контракта? Похоже – нет. А нам тяжело. Только вернулся Ваньюдоу – как пришлось отдать Ичимоку Рена. Впрочем, его Маленькая Госпожа использует в роли куклы не так уж часто: слишком ценны его способности. Так что, подозреваю, ниточка будет развязана не сегодня, так завтра.

Ну, а раз Фудзибаяси не в курсе про следующий контракт – то и хорошо. С домашкой я ей помогла, на семинаре подсказала, можно и расстаться.

В «Канри» наоборот – скука и тоска. Вчерашний контракт закрыт, натурально, отвезти сервера и воткнуть их в свитч и в UPS – даже не наша работа. Новый – в процессе подготовки. Так что по мелочам: посидела на телефоне, через удалённый доступ сбросила пароль одному клиенту; рассказала про магическое сочетание Ctrl+Z другому... упила кофе в «кубике» Хоне-Онны до квадратных глаз.... Но ближе к вечеру была вознаграждена. Вызывают «наверх».

Улыбаются. Говорят комплименты. (А я, значит, стою буквой «зю», как очень благодарная и воспитанная сотрудница)... Но результат – отличный.

Уважаю «Канри». За «построенные» за день сервера (при расчётных трёх днях) – в на следующий же день получаю оплату с неплохой премией. А значит – займусь-ка я квартирным вопросом. Сообщаю о своём намерении Хоне-Онне и мгновенно выпадаю в осадок. Ей настолько понравилась моя идея (ну, она ведь и правда логичная – нам обеим надо имитировать обычных барышень), что она мгновенно загорелась снять квартиру сама. И естественно, мы мгновенно приходим к идее

шэринга. Ох, я не могу... кажется, я – действительно героиня какого-то безумного анимэ-сериала. На сей раз – я попала в «Нану». Только встаёт вопрос: кто из нас Нана, а кто – Хачи⁵⁶? Я Хоне-Онну люблю и уважаю, но Хачико из меня не получится... А с учётом того, что сколотить стол из нас двоих могу именно я... кажется, распределение ролей однозначно. Вот только петь я не умею. И играю только на пианино. С другой стороны Хоне-Онну как раз учили и петь, и играть... на самисэне⁵⁷. Ну и прекрасно, значит мы всё-таки не Осаки и Комацу, а Хоне-Онна и Нохацу.

А Интернет – великая вещь. Поскольку в выборе мы непритязательны – нам лишь бы квартира была с минимальной мебелировкой и в более-менее приличном районе... Короче, нашли пару вариантов буквально за час. Интересно, Хоне-Онна испытывает угрызения совести за потраченный на личные нужды корпоративный трафик? Я, конечно – ни капельки.

Едем смотреть. Первая квартира чем-то не удовлетворяет эстетическому чувству моей подруги. А вот вторая – оказывается вполне удачной. Да, пожалуй, там несколько шумновато – окна одной из спален и гостиной выходят на здоровенный проспект... Но всё же – 9й этаж, проспект достаточно далеко. Да и мы ведь берём эту квартиру как прикрытие. Спать (да, мы до сих пор спим, хотя чтобы выспаться нам надо заметно меньше времени: спавшая при жизни по пол-суток я теперь спокойно обхожусь четырьмя-пятью часами, а Хоне-Онне, похоже и двух достаточно)... В общем, спать мы всё равно собираемся в нашем домике на границе Ада. Если нет гостей. Впрочем, всё равно обстановкой надо будет заняться.

Решив подписать контракт на аренду завтра же днём – отпускаем таксиста и переносимся домой.

Кстати дома работы как раз навалом: опять разгрести завалы данных, плюс Ичимоку Рен с Ваньюдоу вчера всю ночь отмечали «отличный контракт»... Не всю, до полуночи – пока Маленькая Госпожа не отправилась к очередному клиенту с Реном в кармане. Короче – последствия-то убирать женщинам. И не Хоне-Онне, она теперь сенпай⁵⁸. В общем – мне. Я вчера убралась плюс-минус, но окончательно чистоту надо навести не успела.

Хоне-Онна сидит на пороге и любуется цветами. Забавно, я даже не в обиде. Ну, культура такая. Тула и самовар. Или, если хотите, уставы монастырей. Тем более, что уборка не мешает мне общаться. А вопрос на языке вертится:

– Хоне-Онна-сан, а что за контракт у нас нынче?

Хоне-Онна оборачивается, оценивает результат моих трудов и кивает: достаточно. А для меня, как гайдзинки – делает даже скидку: извлекает пачку дамских сигарет и достаёт одну. Хватит, мол. Садись уже перекури.

– Контракт как контракт. – объясняет она. – Никакой. И нио чём. Я тебе его собственно изобразила.

⁵⁶Нана Осаки (Нана) и Нана Комацу (Хачи) – две главные героини уже упоминавшегося сериала «Нана». Поскольку девушки – тёзки, а их имя созвучно со словом «семь» в японском языке, и чтобы как-то отличать обращение к той или другой, а так же потому что одна из них – мгновенно становится преданной фанаткой другой... как собачка своей хозяйке – Нана Комацу зарабатывает прозвище «Хачико» («Хачи») – «восьмёрочка». По не совсем понятной ассоциации, в Японии «Хачико» – такая же распространённая собачья кличка, как в России – «Жучка». Дальнейшие рассуждения Нохацу Дзюн – отсылки к разным моментам сериала.

⁵⁷Самисэн (三味線) – «три ароматных струны» – традиционный японский щипковый инструмент. Можно описать как «трёхструнное банджо».

⁵⁸Сенпай (先輩) – «старший коллега». Не является начальником, но более опытен и помогает молодому коллеге «войти в должность». Лучшая аналогия для русского восприятия – армейская, «старослужащий».

«Что?» – Я даже затынуться забываю.

– Суровая молчаливая госпожа. Усердная служанка, ждущая одобрения.

О как! А я думала – это культурологическое. Впрочем, культурологическое тоже. Просто Хоне-Онна малость усугубила. Так бы отнесла пиалы от сакэ в раковину, скажем.

– Мо!... Я бы про любовь бы посмотрела, а тут...

Что-то она последнее время всем недовольна... Почему бы?... Ответ возникает мгновенно и заставляет меня отвернуться. Вроде как чтобы не дымить на неё. Хотя на самом деле – я просто покраснела от своей догадки. Впрочем, дымить на неё действительно не надо сейчас.

Однако, как я ни старалась – мои манёвры разгаданы. Рука Хоне-Онны опускается на мой затылок (снова без последствий: сегодня я заплелась в косичку-колосок). Я оборачиваюсь. А она стреляет глазами туда-сюда и склоняется ко мне:

– Я тоже *периодически* зверею. – шепчет.

Отстраняется и продолжает:

– В общем, ничего интересного. Либо наша мэйдо⁵⁹ дёрнет за ниточку сегодня, либо выбросит Рена в корзину. Большинство людей страдают от недостатка общения.

Я задумчиво пускаю колечки дыма. Да, недостаток общения – бич современного мира. Хотя как раз я от него не страдала. Мало того, что я и при жизни была довольно-таки самодостаточной. Так ведь ещё я – Нохацу Дзюн. Сетевая девушка. Вот они – мои друзья. Стоит только напечатать несколько слов – как они ответят.

Застываю поражённая. Вот натурально – с отвисшей челюстью. Вот, значит, какая способность у меня образовалась... Указательный палец правой руки обзавёлся вместо ногтя (а ноготь хороший был, ухоженный и покрашенный, между прочим!) – коннектором RJ45. Насколько я вижу – кроссовым. То есть к компьютеру я могу подключиться напрямик.

Через секунду я заполошно вдыхаю: мой красивенький ноготок снова на месте. А я, оказывается, всё это время не дышала.

– *Просыпаешься, Дзюн-тян?* – дружелюбно улыбается Хоне-Онна и протягивает мне ещё одну сигарету. – Пора бы уже. Но не обольщайся. Самое главное – понять: зачем ты с нами – может занять века. Разве что Ичимоку Рен более-менее близко подошёл к ответу.

Маленькую Госпожу мы тактично не упоминаем.

– Кстати, Дзюн-тян, и что вечером делать будем? Если...

Ну да, если развяжет. Интересно, моя старшая подруга нарочно спрашивает или по недомыслию? Если нарочно – то она ошибается. Я уже не тот человек, что была при жизни. Я уже... Дзюн-тян. И ловлю её эмоции почти как свои. Так что я и сама нынче – меланхолична и отнюдь не креативна. Но... старшей надо всё-таки ответить. Пусть и не супер-идеей.

– Тихо как-то. – вырывается у меня.

Вокруг и правда тихо. Даже ветерок утих и дым моей сигареты (нет, выпрошу я как-нибудь у Ваньюдоу его трубку – не могу я эти палочки: дым есть, а курева – нет!) поднимается вертикально вверх. И реки не слышно. Тихо. И грустно. Наверное – и нашей мэйдо... тихо и грустно.

– Барокамера? – лениво щеголяет современным словом Хоне-Онна.

– У!

⁵⁹Прямое заимствование из английского языка: maid – девушка, чаще всего в значении «горничная», «служанка», «официантка» и т.п. Девушка-прислуга, в общем.

– Можно... – готова спорить: если бы не воспитание, она бы сейчас откинулась на спину и уставилась бы в небо. Хотя... может быть она тоже не хочет видеть этот кровавый закат? Я вот – не хочу. Курю себе и смотрю на острые носки своих туфелек.

Рядом с нами возникает Энма Ай. Смотрит на нас. Нет, всё же есть какое-то женское... сестринство. Я чувствую – она молчит сейчас не потому, что всегда неразговорчива. Она молчит, потому что чувствует нашу с Хоне-Онной тоску. Слегка проводит рукой по волосам – просто, чтобы качнувшиеся пряди привлекли наше внимание и уходит за ширму.

Вот и всё. Конец «никакому» контракту. Мы с Хоне-Онной встаём и исчезаем помещать молчаливую госпожу в барокамеру. Тихо так...

5Нохацу Дзюн (с) curlyhair

Эпизод 12. Невинные детские забавы

День пятьдесят седьмой.

– ...Да-ангО, данго, данго, данго,

Да-анго, данго, данго!..

Это я уподобляюсь Нагисе из «Кланнада»⁶⁰ и с палочкой вышеозначенных данго пританцовываю на лесной полянке неподалёку от дома. Могу себе позволить: у людей сегодня выходной; клиентуры нету (вернее – есть один парнишка, заходящий на сайт чуть ли не каждый день и вводящий имена разных приятелей – но он пока не решился.) А Ичимоку Рен сказал, что там случай банальный, хотя и дурацкий. Поэтому всей командой за ним следить мы не стали. Ичимоку Рену что-то там интересно – вот он и смотрит. Плюс Хоне-Онна косвенно: парнишка – сын одной из сотрудниц «Канри». И, похоже, про нас узнал именно подслушав, как его мать с кем-то сплетничала. А я разгребла нашу базу данных, убралась в доме, попробовала испечь данго и теперь вот отдыхаю тоже. Напеваю и собираюсь продегустировать результат эксперимента.

В кармане джинсов вибрирует коммуникатор. Вообще, хотя мы и на границе Ада – вся аппаратура наша определяется, как находящаяся в Японии (и, насколько я понимаю – в зависимости от того, кто с нами соединяется – в том же городе). Но Маленькая Госпожа не любит, когда всякие «людские» дела нарушают покой нашего дома, поэтому на время пребывания здесь я ставлю блокировку на все входящие вызовы. Все, кроме трёх номеров: мобильных Ичимоку Рена, Хоне-Онны и Марии (Ваньюдоу и Ямаваро этой техники не любят и не держат). Кто бы это мог быть? Мария.

– Конничива⁶¹, Дзюн-тян!

– Конничива, Мария-тян!

– Как поживаешь?

– Ничего... отдыхаю от трудов, трескаю данго. А ты?

– Тоже хорошо.. Дзюн-тян, мне тут такая идея пришла в голову классная. Давай встретимся – расскажу подробно!

– Почему бы и нет? – в свободное время мы вольны развлекаться как нам нравится. Помнится, Хоне-Онна как-то раз завела роман с кинорежиссёром, а потом подружилась с его любовницей и женой и неоднократно ходила то к одной, то к другой... пьянствовать. – Как насчёт через часик в кафе у центрального торгового комплекса?

– Отлично! Так и сделаем. Бай-бай!

– Окиоцкэтэ!⁶²..

Мария сегодня весела и энергична. Даже если она рано или поздно свалится на обсуждение Энмы Ай – то это произойдёт не сразу. А про потенциального клиента она опять не в курсе. Что означает – у меня впереди несколько часов весёлого и необременительного времяпрепровождения. Иногда хочется, знаете ли. Технически – я могла бы предложить и через пять минут. Но надо соблюдать

⁶⁰Нагиса – одна из главных героинь уже упоминавшегося сериала «Кланнад». Именно с ней в результате «канонической сюжетной линии» у главного героя случается роман, а во втором сезоне – и свадьба, и ребёнок. Буквально помешана на песенке про семью данго, бывшую популярной среди японских детей в... примерно 80е годы XX века. Именно её Нохацу Дзюн и напеваёт.

⁶¹Конничива (こんにちは) – стандартное дневное приветствие, почти дословно – «добрый день!».

⁶²Окиоцкэте (предположительно, искажённое 気付て – окитсуке тэ) – один из стандартных вариантов прощания... Дословно – «Береги себя».

конспирацию. Поэтому я возвращаюсь в дом, проверяю – всё ли со мной в порядке (ага, и не зря, левый глаз надо подвести поаккуратнее, да и губы накрасу, пожалуй...) и переносусь в нашу с Хоне-Онной квартиру.

Итак, мы – в кафе. Пирожные перед нами, кофе тоже. Я выжидательно смотрю на Марию. Её прямо таки распирает от могучей идеи:

– Дзюн, ты сказала, что ты анимэшница?

Киваю.

– В Акахибаре через месяц фестиваль. С косплеем⁶³. Поехали!!!

Классная мысль. Помимо того, что мне это нравится самой. Но какие перспективы для дела к тому же! Во-первых, на неделю фестиваля мы удаляем её из зоны наших основных действий в данное время. Во-вторых, косплей. Косплей означает: «кройка и шитьё». А кройка и шитьё означает, что мы будем и до фестиваля проводить вместе гораздо больше времени, чем сейчас. Понятное дело, если Мария почувствует очередной контракт – она будет пытаться его прекратить. И я даже не буду пытаться её остановить банальными намёками на неоконченную работу над костюмами: Фудзибаяси – девушка не по годам серьёзная и приоритеты расставляет умело. Но всё равно – она будет поблизости. И можно пытаться её направлять и дискутировать с нею.

– Сугой!⁶⁴ – выдыхаю я совершенно искренне. – Сугой-сугой!

Мария улыбается.

– А кого бы ты хотела косплеить? – спрашивает она. Я впадаю в задумчивость. Вообще-то у меня много любимых персонажей женского пола. Но с париками мне возиться не хочется, а те, кто обладает примерно моей длинны волосами – в большинстве своём обычные школьницы. Т.е. их играть просто не интересно: пошла в магазин, да купила всё. И вдобавок ещё не обязательно определяют – кого именно ты изображаешь.

Ах, нет, что же я за тормоз такой! Есть одна замечательная героиня – Сихо Мацури⁶⁵, которая одевалась вполне узнаваемо. Но... тут мало чего придётся шить. А такого шанса я упускать не хочу.

– Подожди. – говорю. – Это слишком внезапно. Мне надо сообразить. Хочется ведь чего-то такого... необычного.

– У! У! – соглашается Мария и откусывает круассан, давая мне время на размышление. Я же начинаю рассуждать логически:

Необычный костюм – это либо дрыномашество (не люблю и не смотрела), либо отсылки к истории (что на самом деле в Японии тоже не слишком экзотично и кимоно по разным случаям носят регулярно). Либо фантастика. Ох. А там у меня сплошной сёнан да сейнен. Больше всего мне хочется косплея Лунамарии Хоук из Гандам-Дестини. Но у неё стрижка короче, чем у Марии даже. А наряжать Марию в достаточно откровенную мини юбку – боюсь не получится⁶⁶. Но направление правильное.

⁶³ Косплей – costume play. Нарядиться в костюмы персонажей.

⁶⁴ Сугой! (スゴイ) – возглас, означающий восторг. «Потрясающе!», «Здорово!» и т.п.

⁶⁵ Главная героиня сериала «Сола». Нохацу Дзюн она нравится абсолютно закономерно: во-первых, она очень верная и преданная, и одновременно любит ребячиться, во-вторых – Мацури тоже не-мёртвая с достаточно печальной историей, в-третьих, её озвучивает та же сейю (Мамико Нотто), что и Энму Ай. Голос сейю – отдельный объект поклонения многих отаку, а у Мамико Нотто он действительно имеет удивительный тембр.

⁶⁶ Поскольку «Gundam SEED» относится к мальчишеским сериалам, то в нём особенно подчёркиваются женские «прелести», и вне боевых роботов девушки очень часто носят достаточно откровенные костюмы. Так,

– Давай Code Geass попробуем?

После недолгих обсуждений мы приходим к выводу, что из Марии никто, кроме Карины⁶⁷ не получится (ну, подберём ей вариант одежды поскромнее), а в отношении меня – мы с сожалением откинули Леди Аню за черезчур лоли-облик (всё-таки у меня пропорции вполне взрослой молодой девушки... да и бюст, хоть и не велик, что стандартно для японок, но всё же наблюдается, вполне честная единичка, даже чуть больше). Останавливаемся в результате на несколько претенциозном (уж больно крута) и опасном (я, как и она – не совсем человек) варианте С.С.⁶⁸ В чёрном.... Даже и не знаю, как назвать эту штуку. Пусть будет «экс-платье». Я-то, в силу своего весьма своеобразного статуса и менталитета, могу себе позволить шляться в достаточно откровенных нарядах.

Не откладывая в долгий ящик – идём по магазинам. Однако присутствие Марии рядом постоянно уводит мои мысли в сторону рабочих проблем. Например – какова же закономерность контактов Фудзибаяси и Маленькой Госпожи? С момента, как всё началось – я насчитала их пять. Три раза – вокруг контрактов. Причём контрактов достаточно... морально обоснованных даже для стороннего зрителя. При этом пропуская один вроде бы не менее морально обоснованный и один довольно таки неприятный. А два раза – просто явление Энмы Ай. Вообще ни к селу, ни к городу.

Хорошо. Предположим – первое явление было для нас предостережением: «между ними есть связь». Второе – подтверждением догадки. Из чего, кстати, я могу сделать вывод, что кто-то (Хозяин Ада или Маленькая Госпожа) действительно ведёт здесь какую-то игру, что связь не случайна. Но контракты? Пожалуй, всё же пока Фудзибаяси действительно видит только «хорошие» варианты. А пропущенный – был и несколько сомнителен с этической точки зрения, да и в общем-то ничего нового к картине нашей деятельности для Марии не добавлял.

Ага. А это плодотворная идея. Кто-то показывает ей нашу работу, причём до сих пор давал весьма одностороннее освещение. Не знаю, будет ли оно продолжаться в том же духе и дальше, или через некоторое время Марии будут демонстрироваться и более неприятные случаи, но так или иначе у неё пытаются формировать не слишком отрицательное мнение о нас. Что же. Будем исходить из этой теории. Тем более, что я и сама хотела бы, чтобы она о нас получше думала. В смысле – не считала злодеями или ещё там кем. Хи-хи, потому что как ни крути – а демонами мы как раз и являемся.

Нагруженные покупками, мы вваливаемся в нашу квартиру. Естественно, вопрос – где шить даже не вставал: я живу со старшей (и частенько отсутствующей) подругой, Мария – с родителями... Тем более, кажется, приёмными. И не успеваем разложиться – как Марию «накрывает». Ага, вот значит, как это у неё выглядит, уже не первый раз вижу – всё одинаково. Кстати, вполне в стиле и Цугуми, и Юзуки: застывшие глаза, тяжёлое дыхание, полная неподвижность... И хорошо, что я не-мёртвая. Боюсь, будь я обычной девушкой – падающую Марию не удержала бы.

А вот привести её в себя я не стараюсь. Может быть это жестоко – но Юзуки всегда очухивалась сама, значит контакт для них не опасен. Меня скорее пугает обратный вариант – насильственный

форменная (sic!) мини-юбка базирующихся в космосе (sic!) «гвардейских» ЗАФТ, к которым относится и Лунамария – не доходит даже до середины бедра, и к тому же – в складочку, т.е. достаточно свободная.

⁶⁷Одна из главных героинь сериала «Code Geass». На протяжении сериала появлялась в разных нарядах, среди которых наблюдались и достаточно скромные.

⁶⁸Леди Аня и С.С. – героини того же «Code Geass», девушки намеренно хотят нарядиться героинями одного сериала, чтобы подчеркнуть для остальных свою дружбу.

разрыв. Впрочем, у них обеих это дело всегда длилось буквально считанные секунды. Так и у Марии, оказывается.

– Что? – с волнением спрашиваю я.

Кстати мне самой не ясно, что бы это могло быть, ведь клиент – только потенциальный. И до полуночи ещё далеко.

– Мальчик. Не больше первого класса старшей школы⁶⁹. Играл в аркаде⁷⁰ с приятелями. Потом – как смена кадра: он же сидит за компьютером и открывает-закрывает меню Bookmarks. Там – первый сайт – Адская Почта. Всё. Тут я очнулась.

– Ничего не понимаю! – откровенно признаю я. – Не будет же он отправлять в Ад того, кому проиграл? Это уж совсем по-детски... а он, как ты говоришь – вполне взрослый.

Впрочем, про себя я сомневаюсь. Инфантилизм – штука такая. Не редкая, увы, нынче. Но, может быть – какие-то дополнительные обстоятельства?

– А какой он из себя, этот мальчик?

– Ну-у-у... очень обычный. – задумчиво отвечает Мария. – Скорее – тихий и неконфликтный... Ничего не понимаю...

Зато я начинаю догадываться. Это Фудзибаяси в мальчиковой психологии не понимает ничего. Я же, по определённым причинам, располагаю некоторыми данными в этой области. И эти данные говорят мне о том, что в 13-15 лет (как раз возраст нашего потенциального клиента) «тихие и неконфликтные» мальчики очень часто становятся объектами давления и глумления со стороны своих более агрессивных и физически развитых сверстников. Так что если он в свою аркаду постоянно проигрывает то одному, то другому однокласснику (или по другой линии знакомому) – то весьма велика вероятность такого вот глумления.

– Это удивительно. – соглашаюсь я. – но и подозрительно. У немцев есть такая поговорка: «Тихие воды глубоки»... а в Японии: «По соседству с храмом живут черти.» Может он неконфликтный только внешне... а все обиды затаивает в душе... А потом как взорвётся! Но вообще для такого обид должно быть действительно много.

Тем временем меня посещает и другая мысль: кто бы с Фудзибаяси не играл – в конечном счёте ей покажут все аспекты нашей работы. Потому что этот контракт (буду исходить из концепции, что он сегодня таки решится нажать 'Submit', иначе почему мы увидели его именно сейчас?) – уже порядочная гадость. Уверена, у мальчишки накопилось достаточно резонов, чтобы отомстить. Но это как раз та месть, которая не только ничего не меняет, но и благородства в себе не несёт. Такая... обоснованная, но бестолковая. Этому парню самому меняться надо.

А вообще, сколь многообразны бы люди ни были – повторяемость сюжетов всё же неслабая. Я сама уже участвовала в трёх или четырёх вариантах идентичных по сути пар контрактов. Да и этот – практически копия одного из эпизодов третьего, что ли, сезона... Цинично, конечно звучит. Но хотелось бы чего-то более оригинального. С другой стороны, коль скоро, религии, к примеру,

⁶⁹ Японская школа – трёхступенчатая, как и российская. Но старшая школа – три последних класса, а не два, и в каждой ступени нумерация классов начинается с единицы.

⁷⁰ Крайне популярное занятие у японских школьников, да и людей постарше: зал игровых автоматов. Не «одноруких бандитов», а с разнообразными играми вроде консольных. На самом деле же именно консольные игры часто являются «портами» аркадных. Так же отсюда и пошло название жанра компьютерных игр – «аркадные». Часто – в режиме соревнования или прямого противостояния с играющим за соседним (или стоящим напротив) автомате.

выделяют конечное количество грехов – значит и основных сюжетов для мести тоже не много. Тху, пропасть!

Зато у меня появляется благотворная мысль.

– Так. Всё это очень печальная история. И тебе, конечно же, хочется его отговорить. Что вполне справедливо. Но – как его искать?

Я стараюсь сформулировать свои слова наиболее обтекаемо. Так, чтобы она могла подумать, будто я тоже хочу переубедить клиента (впрочем, не будь я тем, что я есть – и хотела бы). И что я помогаю ей в этом деле. Хотя на самом деле – я придумала достаточно коварный ход.

– Я видела его в аркаде...

– Разумно. Если ты вспомнишь детали и обрисуешь их мне – то, разделившись, мы имеем шанс найти эту аркаду за один-два вечера. Можно попробовать начать прямо сегодня.

А коварство моё в том, что даже если мы совершенно случайно сегодня же найдём это место (а я включу режим максимального занудства и буду тянуть из Фудзибаяси подробности о-очень долго, так что на поиск мы выйдем не скоро...) К тому же сама я искать буду... с лентой. Под соусом того, что влетающая в дверь девица и пулей выскакивающая обратно – это очень подозрительно. Поэтому надо как минимум неторопливо пройти по залу, как бы игру нужную ищешь... Кстати, это я даже скажу.

– И, Мария, как бы нам не хотелось осмотреть все аркады поскорее – торопиться нельзя. Бегать электровеником по залам нам не дадут, так что надо входить степенно, и осматриваться не спеша.

В общем, в любом случае – разговор Марии с клиентом раньше завтрашнего дня не состоится: пока досидит до конца школьных занятий, да пока играть не пойдёт. А наших я предупрежу – может ещё и когда найдём пару раз на подходе её поймают и отвлекут в критический момент. Да хоть автобус организуют проезжающий, не знаю.

А поход по аркадам мне понравился. Хотя я при жизни особо хардкорным геймером не была – но всё же доисторическую леталку по «Звёздным Войнам» проходила. Равно как и некоторые из MechWarrior. Так что в симуляторы более-менее играть умела. Ну, так и получилось, что я достаточно средненько выступила. Впрочем, на меня смотрели с уважением: от девушки и таких результатов не ожидают. Чтобы не озадачивать публику чрезмерными сомнениями – просадила также несколько тысяч иен на известной своей коварностью игрушке «кран». Кстати, одну нэку-канэку⁷¹ всё же добыла и привесила себе на сумочку. Воспитанная же Фудзибаяси сдалась даже раньше меня и отзвонилась, что вынуждена идти домой. Отлично. Значит завтра разговора не будет. Возвращаюсь в квартиру – и обратно, в бесконечный закат.

И крайне вовремя: как раз к полуночи. Так. Вернулись из своей непонятной отлучки «дети» и Маленькая Госпожа немедленно «берёт в оборот» Ямаваро. Потому что клиент действительно подал запрос на контракт. Вообще-то логично: Ичимоку Рен – занят, теперь вполне официально. Мы с Хоне-

⁷¹Нэка-канэка (правильнее – «нэко ка нэко», 猫力一猫) – популярный в Японии образ: большой кот везёт (ка – car, очередное заимствование из английского) на спине или на голове маленького котёнка... Или спят в такой позе. Выражает трогательную заботу о маленьких. С учётом любви Нохацу Дзюн к сериалу «Азуманга Дайо!» – почти наверняка она пыталась добыть именно эту игрушку, вспоминая любительницу животных Сакаки-сан.

Онной – на постоянном задании. Нельзя же бесконечно Ваньюдоу эксплуатировать? Тем более что и клиент с объектом как раз мальчишки.

Пока Энма Ай предлагает контракт – быстро перебрасываюсь словом с Реном и Ваньюдоу:

– Фудзибаяси сегодня видела клиента. Завтра после колледжа будет искать его любимую аркаду. И мне придётся ей немного помочь после работы. Если найдём – будьте готовы: она хочет там сесть «в засаду». Как ей помешать не знаю, но план именно таков.

– Ничего, – говорит Рен. – Это не проблема. Во-первых, клиент – мальчик не глупый в определённом смысле. И не решался потому, что наши условия ему уже известны. Так что долго ждать не будет – до первой обиды. А из-за неуклюжести насмешничают над ним постоянно. Во-вторых, Фудзибаяси не может курсировать по залу как охранник. А те несколько раз, когда она будет менять игру или ходить за соком или чем там ещё – я его просто собой закрою: клиент – парень не крупный.

– Аригато, Ичимоку Рен-сан! – склоняюсь. – Вы нас очень выручите!

А-а-а! Да что же они меня все по затылку треплют? Всё! Ни дня без тугой причёски! Дома, по крайней мере.

День пятьдесят восьмой

На следующий же день оказывается, что все наши ухищрения и «тактические разработки» были не нужны. Рен был прав – клиент подал на контракт будучи практически готовым его заключить. Припадок настигает Марию когда мы сидим на большой перемене (ага, значит – одноклассника он заказал). И на этот раз он тянется достаточно долго – так, что даже я начинаю беспокоиться. Но Мария приходит в себя и с рёвом падает мне в объятия.

– Дзю-ю-юн! Мы не успе-е-ели!

Я, как могу, утешаю её... Глажу по плечам и голове. Молча. А что я могу сказать? «В следующий раз»? Надеюсь, что нет. Или «Против Энмы Ай действовать тяжело» – тоже мне утешение... хотя и чистая правда.

Когда она немного успокаивается – спрашиваю:

– Он потянул за ниточку? Что ты видела?

– Они сидели в классе, обедали – всё ещё всхлипывая, рассказывает Мария. – и тот мальчик ел удон⁷². И нечаянно брызнул на сидящего напротив. А мальчишки как на него набросились, стали издеваться, мол и руки у тебя кривые, и есть нормально не умеешь.

Эх... штатная история. Мальчишки-подростки – они такие... Фудзибаяси снова начинает плакать:

– Дзю-ю-юн! За что они так? Это же так жестоко!..

– Увы, Мария... – в этом возрасте дети, особенно мальчишки – очень жестокие существа. Ты же в женской школе училась, поэтому не видела... Хотя девочки тоже не подарок...

Она, хлюпая, кивает. Девочки, вообще-то может и похуже будут. По крайней мере фантазия у них более изощрённая. Мария же завершает рассказ:

– А он весь покраснел, да как вдруг вскочит! Стул уронил на кого-то из насмешников... Они ещё пуще на него накинулись... А он убежал и...

⁷²Удон (うどん) – пшеничная лапша. В Японии подаётся либо с большим количеством жидкого соуса, либо вообще как суп. Поедая это блюдо с помощью палочек – обрызгать себя и соседей – не так уж сложно.

– Ясно. Грустная история – действительно ведь достали парня. – О. Это я хорошую формулировку подобрала. – Но теперь уж ничего не поделаешь... Разве что тебя надо в порядок привести – вон, тушь поплыла...

Мы уходим в туалет... и в зеркале видим финал «спектакля»: мальчишка в школьной форме стоит перед Маленькой Госпожой. Почему-то сегодня она надела не цветастое, а с геометрическим узором – разноцветные шарики и треугольники по всему полю, фурикодэ.

– О, достойная жалости душа, смотрящая на всех свысока и причиняющая другим боль...

– Ксо! Да почему же я? Это я неуклюжий?

– ... шар кармы, погрязший в грехе...

– Это тот придурок – неуклюжий!!! – однако, объект позволяет себе кричать на Маленькую Госпожу? Не завидую. Ему.

– 一遍死んで見る？

Кстати, финал хорош. Ещё не факт, что Мария сообразит: клиент ничего не решил. А неприязнь к объекту – почувствовала. Но зачем всё это затеяно? И кем?.. Честно говоря, мне Марию немного жаль. Попала она в наши игры. А наши игры – не самые весёлые.

Эпизод 13. Жизнь как Ад?

День шестьдесят второй

– Ксо! Я же специально этим умным людям сказала, что всё, финал неизбежен, закрываю к ангелам эту неоднократно возлюбленную женственную папку!..

Мы сидим у нас в квартире. Я размахиваю сигаретой и ругаюсь. Реально, сегодняшний рабочий день меня из колеи выбил настолько, что вместо словосочетаний «умные люди», «финал неизбежен» и так далее – идёт на самом деле русский мат в два-три этажа. Ичимоку Рен смотрит на меня с иронией и восхищением.

– Нет же, эти благословлённые Б-гом индивидуумы развели там такую непередаваемо вкусную кашу из прав доступа, что часть – всё равно продолжала туда закидывать своё непостижимой креативности творчество, как будто ничего никто не говорил. А когда сервер задохнулся к ангелам и я снесла эту старую прекрасную копию – подняли хай!

– Скажи, Дзюн... – спрашивает Рен. – я знаю, что ты не натуральная японка. Это что за язык был, русский?

– Матерный. – мгновенно «сдуваюсь» и краснею я.

– Звучит впечатляюще. Впечатляюще мерзко – издевательски произносит из дверей Хоне-Онна.

Ох, ксо!⁷³ Я в порыве чувств не заметила, как она вернулась с кухни. Ясное дело, что при ней я такими словами (пусть она их и не понимает) ругаться не хотела.

– Но я поражена другим. – продолжает она гораздо более спокойным, и скорее даже – доброжелательным голосом. – Ты три часа терпела до квартиры и даже подождала, пока я не уйду на кухню...

⁷³Ксо! – ругательство на грани допустимости в обществе. «Блин!», скажем. Происходит, видимо, от (畜生!) – «чикусо!» – «проклятье!».

Мои уши горят. Можно печатать фотографии запросто. Или плёнки там проявлять. Конечно, раз уж она меня за этим делом застала – надеяться скрыть что-то было бы наивно. Хоне-Онна – не Маленькая Госпожа, но людей читает тоже будь-будь... Тем более меня, с которой возилась не одну неделю. Однако в её интонациях есть и нотка гордости. Надо полагать – именно потому, что я смогла потерпеть. И в том – заслуга её науки. Совершенно справедливо.

– А что этот индеец, кстати? – невинно спрашивает она.

– Да этот... – собираюсь взорваться я снова... и тут понимаю, что меня откровенно подкалывают. Даже не скрываясь. – Слышал же, в общем, что связь никакая – всё равно шесть раз с интервалом в полминуты звонил. Я ему письмо написала, на японском и на английском. Но всё равно – это он только думает, что умеет на этих языках общаться.

– Дзюн, ты – глупая! – радостно объявляет Рен.

Мне, конечно, хочется оскорбиться, но умом я понимаю, что действительно дура. В том числе и что принимаю работу-прикрытие так близко к сердцу. К тому же мне интересно узнать – что конкретно он имеет в виду.

– Такой фонтан эмоций от нашей Дзюн-тян – это фантастика! Нет, ты не ледышка, конечно, но сейчас превзошла себя... Подождала бы ещё немного и заказала бы Маленькой Госпоже! – объясняет он.

– Кого? Индийца?..

– Да всех! – радостно заявляет он.

– Мы бы тебе сделали скидку. Как внутренней сотруднице! – смеётся вместе с ним Хоне-Онна. Она тоже поднаторела в своей работе-прикрытии... прямо-таки продаёт услугу.

– Да ну их... – всё. Я молчу. Меня поставили на место, похвалили, заставили сгореть со стыда, успокоили и утешили одновременно. Я обожаю этих... личностей. Без тени иронии обожаю.

А сидим мы у нас на квартире по совершенно рабочей причине. В смысле – настоящей нашей работы. Дело в том, что и клиент, и объект проявляют какую-то непонятную ночную активность. И днём их связь отследить не удаётся. Но зато оба – куда-то сбегают вечерами. Вот мы и ждём: Рен – когда наступит время выхода из дому юноши, Хоне-Онна – девушки. А я – возможного звонка от Фудзибаяси.

На самом деле, я подозреваю, что Рен завалился к нам натурально из любопытства: он с середины дня был дома. А мы с Хоне-Онной – да, только что из «Канри» вернулись. Вот он и подтверждает мою догадку:

– А неплохо вы, девчонки, тут устроились! – прислоняясь к стене говорит он. – уютно...

– Нам и самим нравится, – кокетливо заявляет Хоне-Онна и расставляет чашки: времени у нас действительно не так много – скоро уже выходить.

День... уже шестьдесят третий

Третий час ночи. Я сижу в пустой квартире и от нечего делать – потихоньку вышиваю узоры на своём будущем «экс-платье». Поначалу мне приходилось работать таким координационным центром между старшими друзьями, но теперь всё затихло. Хотя затихло на очень парадоксальном раскладе: сейчас обоих «ведёт» Хоне-Онна. Наш объект, Исуруги Аяхи, сидит в кустах, в маске и с бейсбольной битой, на обочине небольшой улочки между коттеджами. Клиент, Якагами Макото – с Ямаваро в кармане и биноклем с просветлённой оптикой – на дереве неподалёку. Похоже, ищет её. Про себя думаю: что вообще за парни пошли? Девушку заказывать?.. Неудачное имя – Макото. Что

этот вот, что мерзавец из «Школьных Дней»... Где скрылась Хоне-Онна я не знаю, но... мы все умеем много гитик.

Ичимоку Рен же, воспользовавшись этой паузой – в очередной раз изучает комнату девушки. Ему это не сложно: подошёл к дому – и открыл глаз хоть на стене, хоть на потолке, хоть вообще в ящике стола. Меня пока к этому делу толком не подключали – может и зря, не знаю. Но мне как-то всё апатично сегодня.

Чирикает коммуникатор. Читаю сообщение и переносусь домой. Оба старших товарища появляются одновременно со мной. Ичимоку Рен задумчив.

– В общем, не знаю я, девушки... то ли это для меня хороший контракт, а для вас мерзкий... То ли наоборот.

Мы недоумеваем. Даже Энма Ай, хотя и сидит спиной к нам – заинтересована. Я вижу отражение её глаза в зеркале, перед которым она причёсывалась. Глаз направлен на Рена. Он вздыхает.

– Ладно, из уважения к большинству изложу трактовку для девушек... Хотя местами они и не поменяются от этого для нас...

За ночь так ничего и не произошло. Видимо, то, ради чего Аяхи выходит по ночам сегодня не случилось. А вот в колледже меня ожидает задумчивая Мария. Видимо, на этом контракте у нас смена ролей: я бушую и мечу молнии, а мои друзья один за другим упадают в задумчивость.

– Знаешь, Дзюн, – рассказывает она, как только мы забираемся в наш любимый тупичок у выхода на крышу. – Я вчера ночью проснулась. И видела странную картину. Не знаю, почему, но она тоже связана с Энмой Ай...

Пожалуй, да. Картина действительно странная. Мария-то не в курсе, чего Рен вчера раскопал.

– Эт-та... – я в затруднении. Опять таки – и наигранном, и искреннем. Чего говорить – не понимаю. – А почему ты считаешь, что это связано с Энмой Ай?

– Понимаешь... чувство было такое же, как в другие разы. А ещё этот, который на дереве сидел – иногда кармана касался так.. нервно. Как бы проверял – не пропало ли то, что там лежит. Дзюн, я уверена – там кукла!

– Занятно. Значит, кто-то с бейсбольной битой охотился на кого-то в кустах. А другой кто-то – то ли давал первому целеуказания, то ли сам охотился на кого-то с битой.

– Дзюн, я почти уверена – с битой была девушка.

– Ладно. «А другой кто-то – то ли давал ей целеуказания, то ли сам на неё и охотился.». Всё равно не слишком внятная картинка.

Закономерный и классический вопрос – «а где всё это было?» – задавать нельзя, что обидно. Место узнаваемое. Про него и в газетах было, и по телевизору. Да и про объект наш – тоже. Только люди не знают, кто за этим стоит, а так да... В этом районе кто-то постоянно бьёт. Девушек вроде не трогает, а на разного рода молодых людей нападений было уже штук пять...

– Что делать будем? – выдаю наиболее нейтральную реплику. – Ведь того, с куклой, ты совсем не разглядела...

Кстати, в этом есть некая справедливость. Наш Макото в данном случае – заменяем. А вот объект – нет.

– Ну... надо попробовать тогда найти эту девушку. – Марию понять легко: объект она тоже видела достаточно смутно. Плюс маска. Ксо, на место что ли её навести? Нет, попробуем увести разговор в психологическую сторону. Там тоже зацепки достаточно мощные, но не такие явные.

– Разумно. И что же делает девушка в маске и с бейсбольной битой ночью? Нет, понятно – если она не супер-каратистка, то бейсбольная бита – великая вещь. Даже для самозащиты, положим. Но не в кустах. Грабит она, что ли?

Кстати, не грабит.

– Может быть... мало ли – семья бедная...

– Оригинально... обычно на такое идут не от бедности, а по более мерзким причинам, когда деньги нужны на что-то тоже... не слишком законное. Но хорошо. Ты – считаешь: грабит. Предлагаешь рейд по трущобам?

– Ано... – подобная перспектива Марию пугает.

– Нет, если ты решишься – я, безусловно с тобой. Вдвоём всегда надёжнее. Но...

– Я подумаю...

Ох, лучше бы нам в районы апато⁷⁴ не лезть. И девушку не найдём. И риск спалиться велик: Фудзибаяси-то я если чего – прикрою. Но насколько естественно это выйдет?.. К моему облегчению, хороших мыслей у Марии не появляется до конца занятий. Впрочем, мы обогатились весьма недурным эскизом Исуруги в спортивном костюме, с битой и в шапке-маске. Типа фоторобот. Ну, если она будет медитировать над этим рисунком, пытаюсь представить себе истинный вид «девушки с битой» – я не против. Занятие абсолютнодохлое, но успокоительное для Марии: вроде как она не сидит сложа руки.

Рабочий день проходит как в тумане. Продолжение вчерашнего скандала, мне пытаются устроить выволочку и «свои» (впрочем, перед ними-то я как-раз отмазалась по полной программе), потом пара удачных мелочей... Ну, для меня мелочей. Так что доверие я восстановила, но всё равно. Муторно.

И вот мы снова сидим в квартире. На сей раз – всё как положено, чай завариваю я, Хоне-Онна с Ичимоку Реном о чём-то беседуют. Да и сидим уже просто так: для нас «расследование» закрыто, поэтому моя подруга и демон-катана не отправились сразу же домой чисто из собственной прихоти. Вдруг звонит мой коммуникатор.

– Дзюн! Я нашла! – Мария настолько возбуждена своей догадкой, что буквально кричит в трубку. Ну, мне это даже к лучшему: её вопли слышат и старшие. Рен недовольно морщится. Хоне-Онна сохраняет спокойствие.

– Я нашла это место. Это ***!

– Ох. Что делать будем? – снова задаю я этот дурацкий вопрос.

– Мы пойдём туда! И выследим хотя бы одного!

Отказываться бессмысленно. Ну и дурдом же у нас получится: Исуруги охотится за мужчинами. Якагами – за Исуруги. Фудзибаяси – за Исуруги и Якагами. А Ичимоку, Хоне-Онна и Нохацу – за всеми тремя вышеназванными.

– Когда?

– Через сорок минут на остановке у библиотеки – сможешь?

– У! Окиоцкэтэ!

⁷⁴Словом «апато» (опять же заимствование из английского – apartments) в Японии – самое дешёвое и плохо построенное жильё. Трущобы. Очередная издёвка над гайдзинами.

– Окиоцкэтэ!

Выключаю коммуникатор и смотрю на друзей. «Что делать будем?»

– Ну, можно как обычно... – тянет Ичимоку Рен.

– Ано... Ичимоку-сан, мне кажется, что нам следует избежать подобных вещей. У меня такое чувство, что не зря Фудзибаяси всё это видит. А если она попадёт в больницу – развитие затормозится.

Хоне-Онна улыбается:

– А ещё ты не хочешь зла подруге.

Смотрю в пол. Ну да, не хочу. Должны же быть какие-то более мягкие решения!

– Вообще ты права. Исуруги нападает только на молодых парней. Без свидетелей. Так что если вы будете вокруг крутиться – скорее всего просто отступит на сегодня.

– Мо! – возмущается Хоне-Онна. – Я девочке сочувствую, но то, что она сошла с ума вовсе не оправдывает бесконечного контракта.

– Ну, если ты хочешь поскорее закончить, – неожиданно жёстко говорит Рен. – засвети её Фудзибаяси.

Как щелчок тумблера. Да. И тогда Мария рванётся выяснять, почему объект делает... то, что делает. Она объяснит причину. Громко и с непарламентскими выражениями по отношению к носителям хромосомной пары ХУ⁷⁵. Что станет последней каплей для клиента. Ох, бедная Мария. То калечить её собираемся, то вот такую историю показываем... Но, к моей печали, Хоне-Онна соглашается.

Ночь. Тёмная дорога между двумя глухими стенами дворилов коттеджей полускрыты кустами. Мы с Марией, опасливо прижимаясь друг к другу, идём и внимательно вглядываемся в тёмные сплетения ветвей. Естественно, мы бы так никого не заметили, но тут Хоне-Онна встаёт точно за спиной объекта в «максимально обнажённом» виде. То есть голым скелетом.

Мария визжит. Я, честно говоря, тоже издаю какой-то писк, больше от неожиданности, конечно. И тут мы замечаем Исуруги.

Нет, я определённо горжусь своей подругой. Ведь взяла себя в руки, бросилась перед объектом на колени, хватает её за руки – всё буквально мгновенно, в одно движение! Вот это целеустремлённость!

– Ты!? Что ты здесь делаешь? Зачем?! – всё-таки последствия увиденного сказываются: первые вопросы достаточно сумбурны.

Объект вырывается и шипит вполне закономерное:

– Тебе какое дело?!

– Зачем тебе эта бита? Ты понимаешь, что ты сама – в опасности? Зачем ты нападаешь на людей?

– На людей? – объект громко смеётся. Сейчас её помешательство реально заметно. – Ты знаешь, что они со мной сделали?! Ты должна это знать! Все знают! Все презирают! Кого? Меня! Потому что все мужики – подонки!!!

⁷⁵Хромосомы вообще-то имеют Х-образную форму. Но в последней паре мужских половых клеток одна хромосома имеет обрезанную «ножку», и похожа на букву Y. Соответственно – «носители пары ХУ» – лица мужского пола.

Хлоп! Она исчезает из рук Фудзибаяси. Ниточка развязана. Фудзибаяси ошарашенно смотрит туда, где только что сидела бедная сумасшедшая.

– Что это?..

– Мария. – как бы приходя в себя, говорю я. – Мы опять не успели.

Шок слишком велик – слишком много всего произошло и так быстро, что она лишь кивает.

– Пойдём ко мне.

Беру её за плечи и увожу. Где-то шелестит листва: клиент спускается с дерева.

День шестьдесят четвёртый. Астрономически.

К моменту появления нас в квартире – Хоне-Онна успевает оставить «следы своего прихода» и «предположительно, спит у себя в комнате». Судя по полученной в автобусе СМСке она разгадала моё намерение так или иначе по горячим следам повернуть этот контракт... Ну, хотя бы не во вред Маленькой Госпоже.

Я отпаиваю Марию чаем и наблюдаю, как она приходит в себя. Закалилась девушка. В глазах слёзы стоят – но уже не ревет в голос.

– Дзюн. Я понимаю, с ней случилось что-то такое... ужасное. – она сглатывает. – Но почему она сказала «все презирают»?

Я чувствую себя крайне неловко. Эта дрянная особенность менталитета, встречающаяся чуть ли не везде и повсеместно... почему-то люди забывают, что девушка не всегда может выбрать, в какое время возвращаться домой. И не всегда – могучая каратистка.

– И ненависть к «мужикам»... – продолжает Мария. Ух, ну, хотя бы теперь мне объяснять почти ничего и не надо: Мария тянется к моему ноутбуку... и без особого труда находит первую статью о криминальных происшествиях на той улице.

– ...А потом она им мстила. Как могла. Всем без разбору. – тяжело говорю я. – Такая вот... глупая и бесплодная месть. Хотя – будь я или ты на её месте, кто даст гарантию?..

Мария, кажется, дозрела до того, чтобы расплакаться.

– Но Энма Ай? – вдруг задаёт она вопрос, которого я жду весь вечер. – Она же тоже девочка!..

– Мария. – я не могу произносить имя Маленькой Госпожи без мягкой улыбки... но сейчас даже полезно, если Мария это заметит. Кстати странно: говорить «она» и прочие «да ну?» – могу спокойно. А вот по имени – нет.

– Мария. Энма Ай – не имеет права карать или миловать. Она – месть. Мечь слабых и озлобленных. Благородных и трусливых. Любых. Оружие. Но... она тоже когда-то была человеком. И убила бедную Исуруги Аяхи сразу. Не мучая. Увы, большего она просто не может.

– Со дес ка...⁷⁶ – Мария обращена куда-то вглубь, но и меня слушает.

– А ещё – я не знаю, каков Ад. Но, может быть для Исуруги то, куда перевозит её сейчас Энма Ай будет даже и лучше: она же последние месяцы и так в Аду жила. А там... «твоя душа будет бродить в одиночестве...» – может быть, одиночество лучше для неё?..

– 一遍死んで見る? – грустно и с сочувствием шепчет Мария. Я вздрагиваю. Иногда Маленькая Госпожа произносит эти слова именно *ТАК*.

⁷⁶Со дес ка (そうですか – «у» в слове утвердительном «десу» часто редуцируется) на самом деле хорошо переводится как английское «окей» – совершенно нейтральное признание изложенного... Типа «я услышала». Отношение выражается интонацией.

1Фудзибаяси Мария © curlyhair

Эпизод 14. Какой же сотрудник не любит быстрой езды?

День семьдесят второй

– Как ни удивительно, но с развитием «интеллектуальных» Ethernet-портов, которые вроде бы сами определяют и скорость, и дуплекс, и расположение пар – cross-over кабели не потеряли актуальность. Например, когда используются репитеры корпоративного уровня.

Сегодня лекция особенно скучная. Не светит мне обжимать кабеля в полном соответствии со стандартами. Да я и так помню: было-рыжий, рыжий, бело-синий, зелёный... И главное – это всё ерунда. И прямой, и кроссовый кабель проще купить в магазине. А обжимать надо розетки и патч-панели. Ну, вот Тенджин пусть и обжимает.

А я так. Предаюсь размышлениям. И рисую для Марии эскиз. Так и не нашли мы интересной Карины в консервативном наряде, поэтому приходится заниматься отсебятиной и удлинять ей юбку. Ох уж это христианское воспитание! Но но вообще – хорошо. Затишье можно сказать. Про новые контракты я ничего не знаю (хотя по моим сведениям, Хоне-Онна сегодня отпросилась из «Канри» – значит, что-то наклёвывается такое, для чего Маленькая Госпожа сочла нужным привлечь и её). Скорее всего – именно «наклёвывается», иначе Мария бы тоже активность развивала. Но сидит, конспектирует усиленно.

Вообще бывает такое, не часто, но бывает – что Маленькая Госпожа не слишком уверена в чувствах потенциального клиента и даже на «грамотно оформленный запрос» не отвечает. Обычно – это когда клиенты – достаточно взрослые люди. Уже хорошо научившиеся скрывать свои чувства. И когда связь между клиентом и объектом не понятна. Интересно, и при чём тут Хоне-Онна? Её коронные объекты наблюдения – пожилые мужчины и молодые женщины. Раньше – ещё и девочки, но теперь это моя «епархия». Интересно: кто же у нас нынче? Дедушка или, гм, дзэсэй?

Звонят на большую перемену. На улице хорошо – солнышко светит, тепло... Поэтому мы с Марией уединяемся под деревом прилегающего к колледжу парка с бэнто⁷⁷. Вообще, даже с тройной загрузкой (колледж, «Канри», основная работа) из-за того, что я так мало сплю – успевать получается практически всё. Даже с утра приготовить чего-нибудь, как и положено примерной девушке. Сегодня, например, якинуки бэнто⁷⁸. А при жизни встать на два часа раньше срока – это ж я убитая могла. Скорее проспала бы, чем вот так.

А Мария сегодня по креветкам. Тоже хороший вариант. Да. Но почему я о еде? Да потому, что как мы не уединялись – поесть спокойно не дают. Сначала звонят с работы. Мол, надо ехать к клиенту. К двум одновременно, ну, как всегда. То ни одной Дзюн в общем-то не нужно, то сразу две необходимы. Затем прибегает Тенджин. С той же концепцией. Ну, вот пусть к одному сам едет. Тем более, что там работа как раз типа обжать несколько патч-панелей. Вторая тоже вроде полная

⁷⁷Бэнто(弁当) – традиционный японский ланч в коробочке. Рис, несколько видов солений... в принципе – вариаций может быть бесконечное множество. В ресторанах обычно под каждый ингредиент в коробочке имеется отделение. Домашний бэнто чаще всего в односекционной коробочке, что даёт девушкам возможность проявить фантазию в красивой организации всего этого великолепия.

⁷⁸Нохацу Дзюн – типичная хищница. Опять у неё тушёная говядина. На сей раз – в имбирном соусе.

ерунда. Но уж больно мало деталей мне сообщили. А среди тех, что есть – роутеры CISCO. Штука абсолютно прекрасная, но с ними могут возникать весьма своеобразные накладки.

И до кучи – звонок с телефона-автомата. Обалдеть. Это ещё кто? А. Ваньюдоу. Глазами извиняюсь перед Марией и отхожу в сторонку.

– Дзюн-тян, вот тебе задачка – вполне в твоём стиле: даны четыре здания. Два дома, два офиса. Посмотри, где могут столкнуться два человека, живущие и работающие там. Я дороги проверил, ничего. А ты попробуй измыслить неожиданные маршруты.

– Хай!

Ваньюдоу, конечно, был колесом. И дороги знает. Но – преимущественно старые. И оценивает их с точки зрения удобства маршрута. Такая вещь, как стоимость проезда (могущая парадоксально упасть при небольшом крюке за счёт минимизации количества пересекаемых зон при лишней пересадке) – это его предел. А если автодороги – то есть же и «сезонные» пробки. Утром в одну сторону, вечером в другую, днём – в третью. И это уже не его. Как я при жизни в Шаржу днём ездила по простейшему маршруту, а выбиралась вечером аж почти через Аджман. Зато без проблем. Он-то привык к пустынным дорогам, или если уж о пробках речь – то всё равно. Пока колесом был – перед ним дорогу расчищали, принцессу же везёт. А работая на Маленькую Госпожу – всё пешком же! Ладно, вот на лекции прикину по карте, а на работе статистику пробок гляну – уточнюсь.

Возвращаюсь к Марии. Та смотрит на меня с любопытством.

– Да так. – говорю. – один дедушка знакомый просил консультации по дорожным вопросам. Могла бы и не уходить, знала бы чего он хочет сейчас. Дедушка своеобразный – иногда очень... конфиденциальные вопросы задаёт.

– А кто он тебе?

Хи-хи. А кто мне Ваньюдоу? Не могу же сказать напрямик: «коллега»? Хотя у нас на работе отношения практически семейные. Или – клановые. Так что:

– Можно сказать, патриарх клана. Это долгая и странная история. Я тебе расскажу, когда-нибудь. Но не сейчас. Гомэ.

– Да ладно... Я больше из любопытства...

Ваньюдоу не ошибся. Пока жду ответа от нашего отдела закупок (ох, как чувствовала – с CISCO будут неожиданности. Вот – модемы поставили мы им не с COM-портами, а USB... Которые в AUX-порт роутера не воткнёшь никак) – посмотрела на пробки. Получается, что если заданные персонажи даже на автобусе ездят на работу – вероятно, дают крюка. И небольшой кусочек едут одним маршрутом. А если на автомобиле хотя бы один – неожиданных пересечений возможно аж пять. Вечером встречу – расскажу. Интересно, что же там такое? Впрочем, до вечера ещё дожиться надо.

Заказчик «Канри», кстати, обалденный. Я, когда задание слушала – даже и не осознала. А это же филиал «Шисейдо»⁷⁹! И пока я там вертелась-крутилась и вообще посадила в ноль батарейку кейтая⁸⁰ ради них – надарили всяких полезностей... Ох, чувствует моё сердце – половину этих прекрасных теней да шампуней у меня Хоне-Онна реквизирует. Для неё не жалко, конечно... Но с нечаянно свалившимся богатством мне почему-то расставаться тяжелее, чем с заработанным. Впрочем, логика

⁷⁹Известная Японская парфюмерная фирма.

⁸⁰Кейтай (携帯) – «мобильник». И дословно переводится как «Мобильность», да и звучит похоже на английскую аббревиатуру: С.Т. – cellular telephone.

ясна: заработала раз – заработаю ещё. А случайность может и не повториться. Тьфу, какая я прагматичная!

Всё равно утомилась. Меньше всего люблю такую вот «рваную» работу, когда половину времени сидишь и ждёшь. Поэтому сделал всё, что можно в данных обстоятельствах – рысью в квартиру. Тем более, что договаривалась с Марией поработать над костюмами.

Ну конечно. Я пришла последняя. Даже неудобно: Хоне-Онна сидит и развлекает мою подругу. Как Мария не сбежала-то, ведь неэтично совершенно! Впрочем, Хоне-Онна кого хочешь вмиг обаяет. К тому же Фудзибаяси как раз юная девушка. И тут вваливаюсь я. С мешком косметики.

Какие там костюмы, о чём вы! Эти две прекрасные дамы набросились на мои богатства чуть не с клёкотом голодных орлиц! Пришлось, значит, с обеими делиться... Но было весело. Меня перекрашивали дважды (и четырежды переодевали в разные одёжки), Марию – трижды. А Хоне-Онна, как самая опытная – мгновенно заграбастала самые классные тени... И я совершенно перестала жадничать: всё-таки она потрясающая красавица!

И всё же Мария где-то на втором плане о Маленькой Госпоже думает постоянно. Казалось бы: совершенно невинная девчочковая забава: одевание свежераскрашенной Дзюн-тян в фурисодэ. Ну, вы поняли да? У Фудзибаяси – мгновенная ассоциация.

– Соне-сан, скажите, – начинает она издали. – А вы городскими легендами интересуетесь?

«Соне-сан» – лиса ещё та. Момент понимает. Можно попробовать немного Марию «обработать».

– Конечно! Особенно современными. Хотя больше всего – проследить изменение какой-нибудь старой легенды. Только они все обычно не самые весёлые.

– Интересно, почему? – подыгрываю ей я.

– Дзюн-тян, ну подумай сама: для чего в первую очередь городские легенды нужны? Нервы пощекотать. Так что это либо страшилки, либо что-нибудь очень романтическое.

– То есть, Вы считаете, что это всё – выдумки? – спрашивает Мария.

– Из уважения к вам, девочки, скажу, что если бы существовали якабито⁸¹, как в любимой Дзюн-тян «Сола» – это было бы неплохо... А так – обычно выдумки, хотя где-то могут быть и осколки правды.

– Ну, а вот «Дзигоку Тсушин»?

– Красивая легенда. Как раз одновременно и страшноватая... и романтическая.

Я тихо наслаждаюсь картиной. Два представителя этой самой легенды сидят и пудрят... Ну, натурально – пудрят же! Поскольку в данный момент мы по третьему кругу перекрашиваем Марию как раз.

– Романтическая? – удивляется Мария.

– Не дёргайся! – строго говорит Хоне-Онна. – Конечно романтическая. Взять сотрудников Адской Девочки: колесо, которое до того было предано той принцессе, которую не сумело увести от

⁸¹Якабито (夜禍) – «проклятие ночи» – например, упоминавшаяся ранее Сихо Мацури) – не отличимые от людей существа (все девушки). Подобно вампирам – боящиеся дневного света и теоретически бессмертные, обладающие разными экстраординарными способностями (Мацури, например, может прикосновением обращать в прах, не мгновенно, но достаточно быстро). В остальном – как люди. Появляются из людских страданий, если верить утверждению Мацури. По сериалу – из умерших очень нехорошей смертью девушек... при условии, что в момент смерти рядом была другая яка, пожелавшая «хоть так» несчастной жизнь продлить.

нападавших, что превратилось в демона от чувства собственного бессилия. Или катана, понявшая, что не хочет убивать женщин...

Про себя она тактично умалчивает. Вообще это она немного перегибает палку: на практике я ей не говорила, что Фудзибаяси хотя бы сериалы смотрела. Хотя вероятность такого – действительно велика.

– Или «аудитор» от Хозяина Ада, настолько любившая «проверяемую», что вернулась к ней даже в виде заводной игрушки... – вот, это она в правильную сторону повернула. Впрочем, я уверена – именно такую последовательность она задумала изначально.

– Но Энма Ай... – эмоции Марии понять можно. С одной стороны, отрицать сказанное Хоне-Онной сложно. С другой – воспитание. «Месть бесплодна, убийство – грех». – Она же убийца всё равно!

– А ты задумывалась – насколько по своей воле она такая? Тебе не кажется, что вечно наблюдать и реализовывать глупую человеческую ненависть за единственную сожженную (и не развлечения ради) деревню – это слишком круто? – бросаюсь в атаку я. – Тебе никогда не хотелось пожалеть Энму Ай?

Здесь Мария окончательно попадает в ловушку. Причём это я не осознанно так сказала, в отличие от старшей подруги. А получилось неплохо: с одной стороны, христианство постулирует вечность мук или блаженства за конечные во времени поступки. С другой же стороны – милосердие и жалость. В том числе и к грешникам. А Маленькая Госпожа к тому же и особо счастливой, мягко говоря, не выглядит. А обаяние у неё – наоборот... обалденное.

– К тому же, я ведь уже говорила: она старается быть как можно более справедливой и милосердной... в рамках отпущенного ей. Вспомни ту же Юзуки! – довершаю я.

Мария ошарашена. Нет, она девушка очень умная. Но... как бы это правильнее сказать... Индоктринированная. Вот. Ей очень сложно посмотреть со стороны на то, что на первый взгляд выглядит однозначно. Не то, чтобы юношеский максимализм... Но ни Гарднером, ни Байроном, ни (уж извините за постановку в один ряд, но уж больно показательный случай неординарного взгляда на всем вроде бы понятные вещи – Васильевой) ей не стать. Пока что, по крайней мере. Это мы как раз: вся остальная «команда» – коренные японцы, пропитанные идеей единства и взаимопроникновения зла и добра. И я... с восторгом читавшая тех самых Байрона, Булгакова и Васильеву.

– Ох... Дзюн-тян... – Мария вся в размышлениях. И одновременно смотрит на меня, как на какое-то чудо заморское. Хотя – именно заморское и есть. Не знаю уж, насколько чудо. – Ты прямо мне тут апологию Энмы Ай развернула. Почему же ты мне всегда помогаешь, если она тебе так нравится?

– Ну... Энма Ай мне действительно очень нравится. – ничуть не кривя душой отвечаю я. – Но именно поэтому я и с тобой. Ты мне тоже нравишься. И мне хочется, чтобы ты её лучше понимала. А ещё мне не очень нравится, что Энма Ай... делает. И помогая тебе – я всегда думаю: а не сможем ли мы и ей чем-то помочь в результате.

Ну, тут я пробалансировала на грани лжи... Как минимум – пропустив слово «иногда» перед «делает». Но в целом сказала таки правду: и чтобы понимала – хочу. И что Энма Ай вынуждена заниматься этой работой – мне не слишком радостно.

– Так, девушки. Хватит обсуждать городские легенды, как нечто существующее в реальности! – заявляет Хоне-Онна. – Даже если они действительно существуют.

Это она правильно. На сегодня мы Марию и так «загрузили» по полной программе. Да и поздно уже.

Перенесшись домой, немедленно начинаем делиться найденными сведениями. Выясняется, что я просчитала достаточно верно: Ваньюдоу общается со старушкой. (Вот ведь прогрессивная какая! Хотя, она, наверное, слухи о «Дзигоку Тсушин» ещё со своей молодости помнила, когда это ещё была пустая колонка в разделе рекламы в газетах⁸², а потом, когда возникло желание воспользоваться – не нашла в прессе и стала искать через Интернет...) Короче говоря, старушка заказала молодую девушку. Девушка вполне успешная, но, прямо скажем – не настолько, чтобы предположить элемент банальной зависти к богатею или поп-звезде. В газетах-телевизорах она не светила. А как человека уважать – можно, завидовать – лишь чуть-чуть. Ибо такая вот целеустремлённая деловая женщина на начале карьеры.

Но, как я обнаружила – видеть друг-друга они действительно могли. А Хоне-Онна ещё и усугубляет: оказывается, девушка не только в целеустремлённости некоторым мальчикам сто очков форы даст. Она ещё и страстная автолюбительница. Сдала на права в 18 лет и с тех пор... гм, да вот даже и не ездит. Гоняет.

– Ох-хо... – вздыхает Ваньюдоу. – Тут может быть всё что угодно. Хоть перед лужей недостаточно затормозила и облила нашу клиентку... А там уж пошло-поехало...

– Угу. – соглашается Хоне-Онна. – «Молодёжь пошла...» и всё такое.

– Раньше и трава мокрее была, и вода зеленее... – не совсем понятно бормочу я. Впрочем, мою цепочку проследили: «мы в своё время к старикам уважительно относились, а эта фифа тут лихачит». А я продолжаю: – ну вот неужели из-за такой ерунды?..

– Ты, Дзюн-тян, никогда не бывала старой. – совершенно справедливо замечает Ваньюдоу. Однако и он, похоже, не слишком рад подобной перспективе. – Ладно. Поищем. Может там чего и более серьёзное. По крайней мере – понятно, куда смотреть теперь...

На том и закрываем совещание.

День семьдесят третий

А не далее, чем через полсутки, когда я еду из колледжа в «Канри» – мне звонит Хоне-Онна. И говорит:

– Можешь не переживать, Дзюн-тян. Там всё на самом деле серьёзно. Я на работе сказала, что мы обе будем отсутствовать некоторое время на переговорах. Возвращайся домой.

– Хай.

Выхожу из автобуса, сворачиваю за угол и исчезаю.

Дома – очередное совещание.

– Во-первых, Кавасуми-сан (это наш клиент-бабуля) таки получила предложение контракта от Маленькой Госпожи. – начинает, конечно же, Ваньюдоу. – Потому что выяснилось: несколько лет назад Сайтоу Мидори сбила у неё на глазах ребёнка и скрылась с места происшествия. За сроком давности дело уже закрыто, а Кавасуми-сан только недавно совершенно случайно узнала истинную виновницу. И даже сумела выяснить её имя.

Хоне-Онна продолжает:

– Во-вторых, когда Маленькая Госпожа решила появиться перед Кавасуми-сан и спросила, почему она настолько хочет отомстить – она ответила: «Всю жизнь живу ни туда, ни сюда. А теперь уже

⁸²Отсылка на сведения из первого сезона сериалов про Маленькую Госпожу

помирать скоро. Ну так сделаю правильное дело... заодно буду точно знать – чего ждать за гранью». После чего получила меня и сразу же развязала нить.

Они оба смотрят на меня. Я в недоумении. То есть, я им благодарна: некоторые подробности этого дела можно будет найти и в открытых источниках. Для того, чтобы дать нужное освещение для Фудзибаяси. Можно предположить, что она до сих пор не в курсе этого контракта именно потому что он не был предложен. А теперь уже всё кончено... поэтому Мария не торопится звонить и просить о помощи, но впоследствии захочет поговорить. Да и мне спокойнее. Но чего они от меня?..

– Дзюн... – можно я расскажу Ваньюдоу, как ты в тот вечер после работы переживала? – видя моё удивление Хоне-Онна пытается меня направить. Всё равно не понимаю.

– Ругалась я. – смущённо признаюсь.

– А как ругалась? – подсказывает старшая подруга.

– Так Ваньюдоу и так знает, что я не натуральная японка! Ну, да, я при жизни была тем ещё компотом из русских, евреев, немцев, татар и ... в общем, полный космополитизм.

– Машину водить умеешь? – спрашивает Ваньюдоу.

Ура. Меняю имя. Отныне я не Дзюн, но Анна. Жирафа Анюта. Однако я не знала, что мои коллеги настолько хорошо знакомы с русской классической литературой! С уважением смотрю на них и согласно киваю.

– «Nissan 370-Z» можно? Всегда хотела понять – в чём же прелесть спорткаров...

Интересно, а почему «Ниссан»? Ах, ну да. Мы же в Японии. Сидели бы в Европе – подумала бы о «Порше» каком-нибудь. Или «Феррари».

– Да запросто, – смеётся Ваньюдоу – Для нашей Дзюн-тян – хоть «Ламборджини».

Ночная улица. Редкие фонари сливаются в непрерывную полосу. Как пела одна русская группа: «...Пальцы лягут на рукоять. Обороты до полной вверх. И дорожный пунктир сольётся в сплошную прямую...»⁸³ Ревёт мотор, а громче мотора – 'Jigoku Death Metal' в аудиосистеме. Каков цинизм: мало того, что для русского уха название композиции смешное: «аЦЦкий дэт-металл», почти что «масло масляное», так ещё ведь композиция из саундтрека к третьему сезону... про нас. А прикольно, кстати. Внутри так всё стильно, красивые приборы светятся... И по хорошей дороге гнать – такое напряжение приятное. Собранность и ощущение силы. Хотя, пожалуй, ездить по пересечённой местности мне нравится больше. Или просто умеренно-быстро и расслабленно ехать по трассе, любуясь окружающим и думая о своём.

Однако вот объект на горизонте показался... И я чуть не проваливаю всю задумку, автоматически отворачивая машину от столкновения. Зато в результате – реализую «спектакль» с особым цинизмом, исполняя классический анекдот «белый человек – плохой охотник». Сбиваю объект приоткрытой дверью. С визгом покрышек вписываюсь в поворот и растворяюсь в темноте.

Сайтоу лежит на дороге и грозит мне вслед:

– Ты куда едешь? Ты смотришь вообще?!

Хоне-Онна склоняется над нею.

– А ты – смотрела?

– Когда это?! – Мидори делает удивлённое и возмущённое лицо, но всё-таки видно: поняла.

⁸³Строка из песни «Не улетай!» группы «Возвращение».

– Вы слышали, Госпожа?

Перед Сайтоу возникает Энма Ай. Как всегда – в чёрном кимоно, расшитом плавно перемещающимися цветами.

– О, достойная жалости душа, смотрящая на всех свысока и причиняющая другим боль...

– ... шар кармы, погрязший в грехе...

– 一遍死んで見る？

Эпизод 15. Слова сильнее дел

День семьдесят четвёртый

– Суммимасэн. Мы поставили Вам роутеры в той комплектации, в которой было заказано. Версия IOS не оговаривалась. Но если Ваш контрактор не хочет давать нам образ нужной ему системы – то пускай ставит её сам. Дайте мне бинарный файл – я его вам поставлю. Не даёт – пусть делает сам. Гоменнасай, я не являюсь ходячим репозиторием операционных систем, чтобы иметь любые и все версии.

Ксо! Вот ненавижу так скандалить. Но достали меня «Шисейдо». Нанимают двух контракторов, общаться между собой не дают, но звонят каждые полчаса с очередными проблемами. Я же предупреждала их: «Я – студентка. Я утром учусь!» Нет, всё равно. Сажу вот на лестнице, прогуливаю лекцию, курю и ругаюсь с ними.

– И вообще, если ваш Флоридский контрактор не хочет заливать систему через дайл-ап, что логично, то пусть выложит её на любой свой http сервер и скачает через Интернет. Я вам роутеры вчера для простейшего доступа в Интернет конфигурировала. И вообще я весьма озадачена, что этот вариант, который даже на сайте CISCO встречается стоицот раз, ему в голову не приходит. Гоменнасай. Я понимаю Ваше желание сделать всё быстро. И готова помогать Вам всеми силами. Дайте мне бинарник – я его Вам поставлю. Даже в учебное время, раз уж такая беда.

Фу-у-у! Вроде озадачила их. Несколько часов покоя мне обеспечены. Хи-хи, вот будет забавно: они пересказывают скандал, который я им учинила, этим пиндосам⁸⁴ во Флориде, а они меня заказывают. Нет, я надеюсь, Маленькая Госпожа в таком случае отклонит заказ как ошибочный – с Реном было как-то раз подобно⁸⁵. Но сама ситуация...

Звонок. Лекцию я таки прогуляла. А вот «покой нам только снится». Меня обнаруживает Мария. Ох, как бы не ляпнуть чего – я же до сих пор взвинчена и себя плохо контролирую. Но Фудзибаяси – девушка тактичная. Она оценивает гору окурков в баночке рядом со мной и лишь протягивает расчёску. О, да. Причесаться, посмотретья в зеркало – это один из лучших транквилизаторов. Авторитетно вам заявляю, как профессиональная Нохацу Дзюн.

Ну вот. Погладила голову приятной щёткой, подвела губы (именно ради успокоения, всё там было в порядке), теперь можно и Марию выслушать.

– Дзюн... – как бы сомневаясь в том, что собирается рассказать, произносит Фудзибаяси, – вот как понимать: «а теперь буду знать, что меня ждёт за гранью»? Ведь ждёт Ад. А она так спокойна, даже радостная была...

⁸⁴Жаргонное название американцев. Откуда пошло – не известно, но распространено достаточно широко среди славянских народов.

⁸⁵Отсылка на третий сезон сериалов о Маленькой Госпоже

– Это ты вчера снова Энму Ай видела? – проявляю я недюжинную догадливость.

– У! Она какой-то бабушке куклу передала... А бабушка с этими словами сразу ниточку и развязала. Вот как?!

– Знаешь... – тяну я, – тот дедушка, который мне вчера звонил, мне как-то раз сказал: «Ты, Дзюн-тян, просто никогда не была старой». Наверное, под конец жизни у людей совсем другие ощущения. Ведь они чувствуют – осталось всего ничего. И стараются успеть что-то. А с другой стороны – они ведь не знают «когда». И эта неопределённость – «скоро, но неизвестно» – наверное настолько поганая неизвестность... Что любая неопределённость начинает раздражать. Может быть этой бабушке было уже всё равно – куда. Лишь бы знать...

Мария кивает. Мои аргументы ей в общем-то понятны. Но именно «в общем-то», на уровне рации. Поэтому я продолжаю:

– Но... мы ведь с тобой действительно совсем девчонки ещё. Ты вот можешь представить себя старушкой? Мне кажется – я буду жить вечно. И впереди ещё много времени, и многое можно будет изменить, если что-то не так. А она – торопится сделать хоть что-то ещё... такое, чтобы самой обидно не было.

– Как можно говорить такое? – задыхается Мария. – «чтобы самой обидно не было» – про убийство?!

– А ты знаешь, кого она убила? Часто ли ты видела даже в сериале, чтобы человек развязывал нить мгновенно? Значит она была убеждена в своей правоте. Может быть там, скажем, убийца был. На которого подавать в полицию бесполезно? Когда человеком движут одни лишь эмоции – одного лишь условия-цены достаточно, чтобы приостановить. Заставить задуматься. Я думаю – Энма Ай предупреждает о цене не только из щепетильности. А эта бабушка уже всё для себя решила.

Фудзибаяси молчит. Странную я ей концепцию излагаю. Странную, но в общем-то логичную. И чувствами её не проверишь. По крайней мере – сразу не проверишь. Впрочем, мне того и надо: чем больше Мария думает – тем скорее перестанет быть помехой. И тем скорее я смогу с нею просто дружить. А может и придумает что-нибудь... на что я намекала вчера.

На работе сегодня ничего интересного не происходит. Ну, получила я бинарник. Закинула его на роутеры. Получила в подарок ещё два шампуня и один кондиционер. Потом по телефону другому клиенту кое-что объяснила. Да и поехала домой. Точнее на квартиру. Ибо до фестиваля – считанные дни, а у нас костюмы... Ну, не то чтобы уж совсем «конь не валялся», но до завершения далеки.

Сидим с Марией. Она шьёт лучше меня – поэтому у неё машинка попроще, и она собственно шьёт. А я, как технически подкованная девица – программирую более сложную: вышивать нам узоры. Потому что мой недавний эксперимент ручной вышивки я конечно сохранила на память... Но показывать никому не буду. Дабы не позориться.

Вокруг слоняются Хоне-Онна и Ичимоку Рен, что в общем-то не добавляет ощущения рабочей атмосферы. Но они – старшие, а развернуться в моей комнате мы просто не можем. Впрочем, Хоне-Онна регулярно подаёт ценные советы. А вот Рен – просто зубоскалит. Глядит на чудовищные вырезы, из-за которых я свой костюм не могу даже назвать платьем, и предлагает уроки самообороны. Нет, я бы у него поучилась – катана всё же. Но не когда это предлагается в таких формулировках. Вдруг он как-то резко засобирался и убежал.

Это в смысле – для Марии вдруг. Мы-то с Костяной Леди тоже почувствовали: Маленькая Госпожа знает: сегодня кто-то подаст заявку. И ей нужен Рен – разобраться. Да что ж за день такой! Стоит

понадеяться чуть-чуть отдохнуть – опять накатывают дела и заботы. Хорошо, что у моей подруги чутьё не настолько развито и по поводу грядущего контракта она на меня насыдет лишь завтра. Хотя и любопытно – что на сей раз?

Но вообще я что-то устала. Всё из рук валится. При этом не могу сказать, что прямо уж ничего сделать не могу. Просто даётся оно с такой неохотой. Пока жива была – это значило «пора в отпуск». Но какой уж отпуск теперь? Хотя... тот самый фестиваль – вполне себе отпуск. Если там не начнётся массовое выпиливание друг-друга. Впрочем, не уверена. Последний сезон про нас сняли пару лет назад, да и супер-популярен он не был. Так что вряд ли много кому запомнился... настолько, чтобы попробовать.

Мария тоже какая-то варёная. Но с ней понятнее. И видит она многое...И мы с Хоне-Онной её грузим постоянно. И это всё при том, что ей-то как раз именно столько лет, на сколько она выглядит. Надо бы её как-то прибодрить.

– Соне-сан, – говорю, – а Вы каким-нибудь рукоделием особенно увлекались?

На самом деле – это я скорее себя прибодрить хочу. Чисто по-детски. Я-то знаю, что она умеет лучше всего. И ужасно люблю это дело. Хоне-Онна не подаёт виду, что разгадала мою маленькую хитрость (а может быть и действительно не разгадала). Она улыбается нам обеим и отбирает у нас уже использованные лекала.

Ножницы мелькают в её руках, потом калька сминается, сгибается, складывается... Быстро, изящно... И вот – она подносит руки ко рту и надувает красивый бумажный мячик. Сугой! Они такие классные! Я бросаю машинку и беру его в руки. Лёгкий, почти невесомый. И хотя у Хоне-Онны с такими мячиками, возможно, до сих пор не самые приятные воспоминания связаны... Но они такие весёлые. И я в душе надеюсь, что моя радость перечеркнёт эти воспоминания. Отмазываюсь, конечно. В первую очередь – я просто хотела попросить потому, что очень люблю их сама. Так вот, эгоистично.

Но настроение заметно улучшается, и я начинаю даже что-то мурлыкать себе под нос, возвращаясь к программированию. И останавливаюсь, осознав тишину вокруг. И Мария, и Хоне-Онна буквально замерли.

Поднимаю глаза: обе подруги смотрят на меня с некоторым обалдением. Я невольно смущаюсь и краснею.

– Ано... что случилось?

– Дзюн-тян, никогда не слышала, как ты поёшь. Красиво. – комплимент Хоне-Онны приятен, но, уверена: поражена она не этим. Просто даёт Марии право высказаться. Старших же перебивать невежливо.

– У!⁸⁶ Ты говоришь совсем другим голосом. – соглашается та. – а когда поёшь, то прямо как Мамико Нотто.

Я холодею. И, кажется догадываюсь, что поразило Костяную Леди. Точно:

– А ты осознала, что поёшь?.. – спрашивает она.

Смущаюсь совсем. Я пела «Ichinuke» – эндинг третьего сериала. Который в оригинале исполняет именно Мамико Нотто. Которая, в свою очередь – озвучивала Маленькую Госпожу. Кстати, очень точное попадание: голос настоящей Энмы Ай весьма похож. Даже немного мягче, если такое возможно.

⁸⁶Японцы вместо обычного, просторечного «да» говорят короткое «У!», часто – дважды: «У! У!».

– Ну вот... как-то вчерашним разговором наваяло... – оправдываюсь я.

На самом деле я поражена не меньше. И не только тем, что «палево». А другим. Вообще-то я не первый раз что-либо напеваю после того как стала тем, чем являюсь сейчас. И готова голову на отсечение дать: не было у меня голоса Мамико Нотто. Что означает – по какой-то причине то ли связь моя с Маленькой Госпожой обострилась... То ли я вообще становлюсь более похожей на неё. Всё это совершенно замечательно: и голос обалденный, и Энму Ай я люблю нежно. Но, Великий Ад, что всё это значит?!

Хоне-Онна довольна произведённым эффектом и меняет... сарказм на милость:

– Спой ещё. «Aizome», например. Раз уж тебя так зацепило.

Я возвращаюсь к программированию и через минуту начинаю петь. На боку машинки – маленькое зеркальце – с его помощью можно направить свет на нужный кусок ткани, если повернуть. Но сейчас в нём должен был бы отражаться мой глаз. Но вместо него я вижу неслышно поющие со мной дуэтом губы Энмы Ай. Что всё это значит?!

Дома нас встречает Ичимоку Рен.

– Ух, девчонки, готовьтесь! История будет просто отличная. Ничего рассказывать не буду, а то весь интерес пропадёт. Скажу лишь имя заказчика: Сувабе Киоске.

Действительно интересно. Очень богатая семья – Сувабе. И недавно – целая серия скандалов в прессе. Причём, поскольку я когда-то работала в издательстве сама (хотя и не журналистом) могу сказать чётко: статьи – откровенная «джинса», но, похоже, что основанная на реальных фактах. Впрочем, у всех есть свои скелеты в шкафу, а у богатых семей и подавно. И кто на этих статьях руки больше всего погрел – понятно тоже. А следовательно – кто их и заказал. Давние конкуренты, Кавахара. И кого из них младший Сувабе заказал? Что-то там такое... неординарное, раз Ичимоку Рен так темнит... Нет. Голову я поломаю. Но не очень: вдруг догадаюсь и испорчу себе всё удовольствие.

Ухожу в дом. Внутри пусто. Даже у бабушки свет не горит. В полумраке сидит Маленькая Госпожа, играет в шарики. Один катится ко мне. Я подбираю его, подхожу к Энме Ай. Сажусь перед ней на колени и кладу рядом шарик. Адская Девочка смотрит на него.

– Что-то меняется. – говорит она. Потом поднимает глаза на меня и, невпопад: – Ты хорошо поёшь.

Я никогда не видела своими глазами, как она улыбается. И сейчас её лицо так же невыразительно, как всегда. Но, готова поклясться – где-то там, в глубине её души – тёплая и чуть грустная улыбка.

День семьдесят пятый

А с утра – своеобразная круговерть. И прознавшая про очередной контракт Мария. Выглядит настороженно. Сначала я не понимаю, почему.

– Дзюн-тян. Я снова видела. И хотела посоветоваться. Но сначала мне надо спросить одну вещь.

– Да?

– Тот молодой человек вчера у вас дома – кто он?

Дошло. Ксо! Её контакт с Маленькой Госпожой тоже усиливается: наша способность внушать людям разные вещи перестаёт на неё действовать. Обычно, если мы встречаемся по какой-то случайности с кем-то, с кем сталкивались во время одного из предыдущих «расследований» – нас не узнают. Мы всем кажемся тем, кем нам надо. Дальними родственниками, сотрудниками соседнего филиала... А Мария видела ночью, как Ичимоку Рен превращался в куклу. И либо ей кажется, что наш

вчерашний гость на него похож (ещё бы!), либо вообще уверена, что это он и был. Последнее же означает, что кто-то из нас троих – под наблюдением. Впрочем, с ответом я не задерживаюсь:

– Знакомый Соне-сан. Говорит – что с другой работы... – ах, как классно я слово подобрала: «другой». Мария поймёт: «предыдущей». На самом же деле – именно «другой», не в «Канри», а у Маленькой Госпожи.

– Я его не очень знаю. Но достаточно симпатичный вроде бы молодой человек. Но почему ты спрашиваешь?

Сейчас проверим уровень конфиденциальности между нами. Если Мария скажет «мне показалось» – либо действительно показалось, либо уровень не высок. Но если скажет «я видела его» – значит видела. И доверяет мне.

– Ночью Энма Ай предложила контракт. И в куклу превратился молодой человек. Мне показалось – похожий на вашего вчерашнего гостя...

Проверка не удалась. Обидно.

– Ну, я прямо и не знаю...

Мгновенной искрой цепочка достаточно бессвязных мыслей: попробовать вытянуть? Не стоит и не хочу. Но вообще я удивлена. Вполне искренне. Надо сказать вот так. Если ответит, то и хорошо, а нет – так нет.

– Подожди! Но если это он, значит...

Округляю глаза и закрываю ладонью рот. Тоже вполне искренне, но по совсем другой причине, чем думает Мария. А может быть и не думает – что-то действительно меняется, Маленькая Госпожа права как всегда. И Фудзибаяси меняется тоже.

– Боюсь, что так. Если мне не почудилось, то кто-то из нас под наблюдением Энмы Ай. Либо Соне-сан, либо ты, либо я. И скорее всего – мы с тобой.

Уф! Во-первых – это хорошо. Она мне таки доверяет. Во-вторых – я дура. Набитая. Маленькую Госпожу мы с Марией видели дважды. Обе. Естественно – мы под наблюдением. Глупо же предполагать, что мы её видели, а она нас – нет! Беру себя в руки.

– Ох-хо-хо... Значит при нём – молчок. Но вообще это меня пугает... что ты его опознала.

– Меня тоже...

– Тогда надо скорее разбираться в происходящем. Будем думать, Мария. Усиленно.

Кстати, это очень позитивный посыл. Чем больше Фудзибаяси будет думать о происходящем в целом – тем меньше помех для работы. Ну, и польза – если чего-то поймёт действительно. А она тем временем всё же возвращается к контракту. Впрочем, это не страшно. Что ей предложить я уже знаю. А БОльшого всё равно не сделаешь: богатые семьи – это такая штучка... недоступная.

– Да, Дзюн. Надо думать. Но всё же и... – она недоговаривает, мол, и так понятно.

Угу. Понятно. Киваю.

– Это был молодой Сувабе

– Ого! Слушай, я не понимаю – они же богачи. Если ему надо было бы кого-то убить – у них ведь и денег на киллера хватит с лихвой!

– Но не у младшего сына... – резонно возражает Мария.

– Ну... не знаю. Но если это связано с этим скандалом – они ведь и так против Кавахара землю роют.

– А если он не хочет даже малейших подозрений? Мстит за отца.

– Согласна. В этом есть резон. Но как к нему подобраться?

– Вот в этом я и хотела с тобой посоветоваться.

К счастью, при жизни я достаточно много общалась и с телохранителями, и со специалистами «по охране и нападению», и другими подобными людьми. Так что все идеи Марии разбиваю в перья, предлагаю несколько своих, тоже отказываюсь... И к моменту завершения последней пары нам ничего не остаётся, как отправить молодому человеку письмо в очень обтекаемых выражениях. На большее обычный незнакомый человек действительно не способен... Я даже помогаю подогнать формулировки.

Вечер. Редакция. Журналист Ичинозе, прославившийся непримиримой борьбой с коррупционерами, говорит по телефону:

– Да. Конечно. С моей стороны эта линия защищена от прослушивания. Вы говорите из телефона-автомата – вероятность прослушки так же низка. Что вы хотели мне сообщить? Вопрос? Пожалуйста... Да? Конечно, нет. Ничего личного. Приди ко мне Сувабе – написал бы про Кавахара Ах, оставьте. Правда – понятие растяжимое. Особенно, когда за неё платят. Этично? Коррупция неэтична. Вот и всё. Да мне всё равно! Прекращайте уже. Если есть дело – давайте переходить уже к нему.... Что? Что значит «чтобы никого больше не погубил»?..

Трубка падает у него из рук. Перед ним стоит Энма Ай. Как всегда – в чёрном кимоно, расшитом плавно перемещающимися цветами.

– О, достойная жалости душа, смотрящая на всех свысока и причиняющая другим боль...

– Минуточку, юная леди. Что вы здесь делаете?

– ... шар кармы, погрязший в грехе...

– Предположим, даже так. Но вам-то что с этого?

– 一遍死んで見る？

Я сижу дома и слушаю рассказ Ичимоку Рена.

– И, должен сказать, хоть и та скотина этот журналист, а дурак. Или профессионал высшей пробы. Так в общем-то и не понимал, что происходит. Или тщательно скрывал. Даже в лодке сидел спокойно и пытался развернуть перед Госпожой какие-то перспективы, мол, если ей что-то нужно чего-то написать – пусть только скажет, а так – он человек занятой, и не может тратить время на прогулки с безмолвной собеседницей.

Поскольку Энма Ай сидит неподалёку – обычную внутри «команды» интонацию «Маленькая» он тактично опускает. Это между собой мы позволяем себе такие вольности. А при ней – ни-ни. Тем более, что сказанное в лицо – её это может обидеть. А между нами – это показатель любви и заботы.

– В общем, осознал он, что это не шутки, только когда она произнесла: «Эта лодка отвезёт твою душу в Ад».

Я хлопаю в ладоши. Не журналисту, конечно. Журналист, как это ни грустно – в какой-то мере делает ту же самую работу, что и мы: кто-то заказывает, а он – выпиливает. Безразлично к вопросу этичности заказа. Но есть и разница: мы выпиливаем тихо. Насколько это возможно – без ущерба для окружающих объект. Так сказать – разница между бомбистом и снайпером. Не очень здорово, конечно. Но я знала, на что шла. И шла вовсе не за работой такой. Потому что он-то как раз работает из любви к такому занятию. А мы... по разным причинам. Не работаем, а отрабатываем, скорее.

Аплодирую я молодому Сувабе Разборки между семьями – дело старших. И это дело они рано или поздно как-то уладят. А вот такие журналисты, само их существование – и для прессы позор, и для людей горе. Правильно парень отомстил. Кому надо было.

БХоне-Онна,Ичимоку Рен, Энма Ай, Ямаваро, Кикири

Эпизод 16. Фестиваль – это не только много знакомств...

День семьдесят седьмой

– Ой, Мария, смотри, смотри! Какие!...

Мы с Фудзибаяси едем в «Синкансене»⁸⁷ в Токио. Я – просто в восторге от разворачивающихся перед нами видов: вот горы, вот леса, вот фермы с рисовыми полями. Самой смешно: веду себя как окончательная провинциалка. Хотя из нас двоих это именно я побывала в десятке стран и в полудюжине климатов. А Мария как раз с Кочи не выезжала. Хотя и не всегда жила в нашем городе.

Похоже, та же мысль приходит и в её голову: Мария хихикает.

– Да, – гордо заявляю. – Я – гайдзинка. Ди-и-икая! Но симпатичная.

Смеюсь сама. Впрочем, цитату Мария не поймёт. Ну и ладно.

Как же хорошо! Едем на фестиваль, вокруг – красота... И прошлый контракт мне практически сошёл с рук: хотя Мария видела происходящее со стороны клиента, то есть – разговор с телефона-автомата, но поняла всё сама. И, кажется, даже согласилась с решением молодого Сувабе. Благо – девушка умная и сама вычислила, кого собственно в Ад отправили. Ну, а потом и в газетах недвусмысленное подтверждение обнаружила. Недвусмысленное для тех, кто в курсе, конечно. А согласившись – пересказала всё мне, конечно, но без особых ужасов. И вообще, мне кажется, что

⁸⁷ «Синкансен» (新幹線) – «Новая Главная Линия» – система скоростных поездов дальнего следования и проложенных специально для них железных дорог.

нечто в последней истории её очень зацепило. В смысле – что есть и у неё камень за пазухой для журналистов. Не удивительно, в нашем-то мире. Но всё равно интересно: с чего бы?

А тут ещё мимо тележка едет. С закусками и прочими радостями. Ой! Юмешу⁸⁸! Всё. Держите меня семеро, шестеро удержать не могут. Мария смотрит с осуждением, но ничего не говорит. И правильно. Пусть даже со скидкой на моё теперешнее состояние – выцедить грамм двести сливового вина я могу себе позволить без особых последствий. А выцедить хочется – люблю я его. Ещё с тех времён.

По мере приближения к Токио поезд начинает заполняться. Народ совершенно разнообразный, но тут и там я замечаю чем-то отличающиеся от общей массы группки молодёжи. Наверняка едут туда же. Сугой! Девочки – просто няшечки⁸⁹. Да и красивых парней попадаетеся... Начинаю обдумывать перспективу закрутить романчик с каким-нибудь бисёнаном. Надо же соответствовать образу! Да и мне самой интересно: как это воспримут я сама? Вроде ничего, вполне положительно. По крайней мере – смотреть на красивых парней мне вполне приятно. Ну, а там дальше – лиха беда начало.

Да, кстати о «начале». Начать надо с того, чтобы найти нашу гостиницу. Ясное дело, что туда поедем не только мы одни. Но для зарегистрировавшихся иногородних участников бронировались номера в нескольких. И тупо «севши на хвост» одной из групп мы рискуем приехать совсем не туда. Смешно. Кое-какие прижизненные стереотипы я до сих пор не изжила. Не люблю спрашивать дорогу. Лучше сама найду, а заговорить с человеком – смущаюсь. Впрочем, сейчас это даже более правильный ход: девушки-то в основном уже при парнях. А первой подходить к парню... Нетушки.

Впрочем, ориентироваться по карте я умею неплохо и мы с Марией, закинув вещи по номерам и торопливо приняв душ, отправляемся на «первый круг» по фестивалю. Сегодня всё только начинается, день заезда иногородних участников, поэтому мы гуляем «в цивиличном»: основное безумие начнётся завтра. Ой, караул же. Это если сегодня оно ещё не началось, что же нас ждёт потом?!

Это мы зашли в первый павильон. И были мгновенно оглушены, ослеплены и раздавлены. Немного придя в себя – понимаю. Потому что Нохацу плюс Фудзибаяси равно дура, две штуки. В первом павильоне половина пространства отведена под торговлю дисками, костюмами, фигурками и прочими прибабасами к неувядающим бесконечным тайтлам типа «Блича»⁹⁰, а половина – отгремевшим в прошлом году мальчишеским сериалам. Естественно, всё «мужское население» фестиваля по приезде ломанулось сюда – успеть, ухватить...

Кое-как выбираемся из толпы и двигаемся в другой павильон. Здесь тоже тесновато, и не менее ярко, но потише. Да и яркость не от лазеров и стробоскопов, а от разноцветных кофточек, юбочек,

⁸⁸Юмешу (梅酒) – сливовое вино.

⁸⁹Нохацу Дзюн уже неоднократно признавалась в том, что ещё до появления в Японии была поклонницей анимэ, поэтому владеет и соответствующим слэнгом. «Няшечка» – композитное слово из японского звукоподражания «ня» (кошачье мяуканье) и русского уменьшительно-ласкательного суффикса «-ечк». В самой Японии слово «ня» (особенно, произнесённое девочкой или девушкой) действительно чаще всего означает нечто милое и приятное.

⁹⁰Блич (ブリーチ) – совершенно бесконечный сериал (как анимэ, так и манги) про не менее бесконечную войну с условно злыми условно духами путём побивания оных катанами и другим холодным оружием. Анимэ к концу 2009 года насчитывало под 300 эпизодов, и уверенности в завершении нету. Как ни странно – этот сериал известен на просторах России на порядок шире любого другого анимэ: в обиходе весь Рунет клипе «Як-цуп-цоп» – одна из второстепенных героинь сериала, Орихимэ Инуэ (использованы несколько кадров из второй серии).

платиц и прочих одежек. Вот. Здесь вырастаю⁹¹. Павильон сёдзе и дзёсэя – это для меня. Кстати, Мария достаточно равнодушна к этим направлениям. А я целенаправленно начинаю перемещаться от стенда к стенду: во-первых, хочу большой плакат с Наной и Хачи. Во-вторых – подарочное издание «Итазура на кисс», в третьих – подарочное же издание «Мария-сама га миттерю». Ну, и вообще – на что глаз ляжет.

Заодно изучаю девочек-отаку. Понятное дело – одиночек практически нету. Либо группками, либо парочками. Для девушек это вполне естественно. Но вот одна моя прижизненная знакомая утверждала, что в определённом возрасте очень характерно увлечение сейнен-ай и яой, а сёдзе-ай и юри⁹² не в чести... Ну, не знаю, не знаю. Подозрительных на юрийность парочек наблюдаю немало.

Продолжаем курсировать по павильонам. Вокруг шумно и весело. И у нас тоже настроение приподнятое... Бац! Замираем как вкопанные: на нас смотрит Маленькая Госпожа. «А здесь-то к чему?» – проскакивает у меня мысль. Я начинаю смеяться.

Это же стенд, посвящённый сериалу «Дзигоку Сёдзе!» Мария присоединяется ко мне. Кстати, неподалёку от стенда – смешанная компания. Несколько ребят, несколько девчонок. Весьма симпатичный народец, на первый взгляд. Вдруг, одна из них обращает на нас внимание. Надо полагать, на лицах у нас написано. Она подходит и без стеснения знакомится:

– Привет! Я – Камия Акиэ.

– Здравствуйте, – отвечаем. Истерика у нас прошла, но нам всё равно как-то не по себе, поэтому стиль разговора мы не выдерживаем.

– Я – Нохацу Дзюн.

– Я – Фудзибаяси Мария, приятно познакомиться.

– Ой, девочки, да что вы так официально. Фестиваль же! – улыбается Камия. – А это – мои друзья с форума «Канан»⁹³.

Мы с улыбкой кланяемся. Я же про себя тихо обалдеваю. Хорошее название у форума, ничего не скажешь. Ну, то есть название как название, в общем-то. Но с учётом моего настоящего – забавное противопоставление получается. С учётом моего прошлого – ещё смешнее. А имя у неё неудачное. В свете событий третьего сезона⁹⁴.

– А можно поинтересоваться, что вас так рассмешило? – продолжает она. Ну, наверняка, именно наше ржание её внимание и привлекло.

– Да вот, – отвечаю. – Сначала испугались (показываю на плакат), потом над собой же и смеялись.

– Разве она такая страшная? – удивляется Камия.

Фудзибаяси – умница. Понимает, что первому же встречному о наших приключениях рассказывать не следует, поэтому отвечает уклончиво:

– Ну... глаза такие огромные! И страшные. Красные ... Да и вообще сериал... жуткий.

– О-о! – мнение девушки о нас резко возрастает. – Так вы смотрели?

⁹¹Цитата из повести А. и Б. Стругацких «Отягощённые Злом».

⁹²Стили однополый «романтической составляющей» сюжета в анимэ и манге. Сейнен-ай (青年愛) – тесные отношения между мальчиками, «яой» – откровенная «голубизна»; сёдзе-ай (少女愛), соответственно, между девочками, а «юри» – откровенно «розовая» любовь.

⁹³С чего обалдевает Нохацу Дзюн мы предоставим догадаться читателям. Настоятельно желающим подсказки – намекнём, что слово, похоже, так же заимствованное.

⁹⁴Нохацу Дзюн ссылается на третий сезон сериалов про Маленькую Госпожу, где у главной протагонистки Юзуки была ближайшая подруга по имени Акиэ... в результате ставшая объектом контракта.

– Как не то слово! – не совсем правильно, но образно отвечаю я. – Как сжились с ним.

Делаю суровое непроницаемое лицо. Камия чему-то хитро улыбается. Каким-то своим мыслям. Говорит же совершенно иное:

– Пойдёмте, я вас с остальными познакомлю.

Подруга Акиэ-тян, называемая просто Рин-тян (думаю, это её сетевой ник, но не важно) – оказывается одним из модераторов форума. Симпатичный бисёнан, на которого я обратила внимание как только их заметила – носит анекдотичное для японского слуха имя Кешиширо⁹⁵. Называть мальчика именем цветка – странно. А ещё он мой однофамилец. Так что я подозреваю, это тоже ник. Остальных я не запоминаю, но чем дальше слушаю – тем больше убеждаюсь: единственное реальное прозвучавшее имя – это Акиэ-тян. Ну и ладно. Я сама при жизни по паспортному имени проходила только по платёжной ведомости.

Хотя мы поначалу немного смущаемся – но в компании действительно веселее. А наличие мальчиков вокруг позволяет более комфортно перемещаться: как воспитанные девицы мы идём чуть позади их... предоставляя парням проявить свои мужественные стати в роли... толпорасскателей. Единственный минус в этом...

– Мо! Атсуита⁹⁶-кун! Да подожди же! Никуда от тебя постер со Сендожохарой⁹⁷ не денется! А я никак не могу решить здесь...

Вот в этом и минус. Наши толпорассекатели рассекают толпу в том направлении и темпе, в котором им хочется. В результате их поминутно приходится просить притормозить или подойти с нами к не слишком интересному для них стенду. С другой стороны – у нас завязывается интересный разговор на четверых: Мария, Акиэ-тян, Кешиширо-кун и я. Начали, понятное дело, с «Дзигоку Сёдзэ», в отношении которого мнения разложились с завидной полярностью.

Мария, как известно, считает, что всё это ужасно и если невозможно остановить Энму Ай, то надо останавливать клиентов. Акиэ-тян никак и ничего не аргументирует, равно как и позиции по морально-этическим вопросам не имеет. Все её реплики свидетельствуют о том, что она – фанатка Маленькой Госпожи чисто с эстетической точки зрения, а что там делается – ей наплевать. Кешиширо-кун же откровенно путает предположительные устремления Хозяина Ада с устремлениями Энмы Ай и считает, что вся суть в циничном лозунге «Больше душ для Ада!» – концепция достаточно распространённая, однако. Я уже говорила – слышала её ещё при жизни.. Ну, моё мнение вам известно, а в данном разговоре я высказываю его очень осторожно. Не только из-за Марии, вообще – люди же вокруг. Потом же мы как-то уходим от щекотливой темы и переходим к обсуждению других сериалов...

В результате, когда вечером мы, измотанные поездкой и прогулкой по павильонам, а так же грузом накопленного, падаем в ресторане – столик занимаем ровно вчетвером. Плюс пятая Рин. И

⁹⁵Рин (倫) – японский вариант произношения китайского мужского имени Люн, Кешиширо (ケシ白) – цветок белого мака.

⁹⁶Самый странный никнэйм. (厚板) – «тарелка» или «толстая доска».

⁹⁷Сендожохара (戦場ヶ原 ひたぎ – Хитаги Сендзёгахара) – главная героиня сериала «Бакемоноготари» (厚板) – «Истории чудовищ». Очень красивая и предельно цундеристая девушка, ради которой в классификацию под-типов «цундере» был введён термин «цундора» (возможно – игра звучаний со словом «тундра») – абсолютно холодная цундере. Впрочем, к последней серии она таки «оттаяла».

очень радуемся тому, что столики круглые. Потому что есть у меня подозрение: не смогли бы мы рассестся по принципу симпатии – друг напротив друга: за обедом Рин говорит в основном с Марией, Акиэ – с ней же (из-за чего незаметно цапаются между собой), а Марии, похоже, хочется пообщаться с Кешиширо-куном.

Единственное, что меня радует – это сам Кешиширо-кун. Очень умный и вежливый мальчик. Хотя он учится не то на историка, не то на лингвиста – у нас с ним оказывается достаточно много общих тем. И, похоже – ему со мной тоже не скучно. Хотя Марию немного жалко: он так увлечён разговором со мной, что на её робкие попытки вырваться из-под «давления» сразу двух девиц практически не реагирует.

А потом оказывается, что они тоже не коренные токийцы, и вдобавок остановились в той же гостинице, что и мы. Из чего мгновенно возникает концепция: закинуть покупки в номера и пойти продолжить веселье... Ах, юмешу!..

В баре всё продолжается, но начинает принимать уже пугающие формы. Мы мгновенно переходим на ты... Причём насколько я отследила – инициатива исходит именно в тех направлениях, что и за обедом: Акиэ и Рин активно сближаются с Марией, Мария заглядывается на Кешиширо, он, обнаружив что я жила за границей, вообще теряет интерес ко всему происходящему вне нашего разговора... А я всё больше и больше интересуюсь Акиэ.

Она такая... образцовая девушка. Не в том смысле, что красота или манеры (хотя и они есть). Меня завораживает её манера восприятия. Рафинированно-женская, если можно так сказать. «Хорошо всё, что красиво». Взаимностью мне она, правда не отвечает, чему я не удивлена: мало того, что я не единственная красивая девушка здесь, так ещё и манеры как раз у меня... гайдзинские, несмотря на все уроки Хоне-Онны. Раньше было на порядок хуже, конечно. И речь замусоренная... после третьего стакана.

После пятого у меня начинается приступ паранойи. Ухожу «пудрить носик», но вместо этого – стучу СМС Хоне-Онне. Что там дома происходит? Оказывается – ничего. Они втроём с Ваньюдоу играют в маджонг, Ичимоку Рен где-то шляется. То ли по приказу Маленькой Госпожи, то ли по своей прихоти. Но Энма Ай совершенно спокойна. А значит контрактов либо не ожидается, либо ожидается, но что-то совершенно банальное. Несколько успокоенная этим сообщением, возвращаюсь.

А вот в баре – беда. Рин и Акиэ оставили в покое Марию и общаются друг-с-другом. На первый взгляд – очень мило. Только я вижу, что между ними искры летят. Фигурально выражаясь. Фудзибаяси моя наконец завладела вниманием Кешиширо... Но глядя на его физиономию я понимаю, что отвечает он больше из вежливости. Что вообще странно: хотя Мария и не гайдзинка, как я, но о гайдзинской культуре за счёт своей веры знает предостаточно. Ан нет, скучно ему. Как интересно! Мне.

Впрочем, моё возвращение действует положительно. Поскольку я начинаю активно поддерживать и поддакивать своей подруге... Мы вообще достаточно неплохо развиваем мысли друг-друга. Ну, кроме одного предмета. Хотя под конец все всё равно становятся практически нечленораздельны и от «интересных ночных приключений» нас спасает только близость гостиницы.

День семьдесят восьмой

На утро – первым делом стучусь к Марии. Мне-то что: я при жизни это дело любила, а теперь – вообще не-мёртвая. А вот она пила вчера чуть ли не первый раз в жизни. Меня встречают томным стоном и несчастными глазами.

– Голова болит?

– Нет...

– В глазах зелено?

– Нет...

В общем, выясняется, что похмелья у неё нету. Это вполне нормально для «новичков». Но она до сих пор ещё здорово пьяна... и её организм начинает сей факт осознавать. Ну что же поделаться? Приступаю к спасению подруги. Благо опыт имеется. И первым делом – извлекаю утащенную вчера из бара бутылку сливового вина и хорошенько к ней прикладываюсь. Ага. Такого эффекта я и ожидала: Мария сбегает в соседнее помещение.

Возвращается потная и покрасневшаяся.

– Дзюн, как ты можешь?!..

– Спокойно. А ты – сначала душ прими. Холодный. Полегчает, гарантирую.

Мария снова уходит, предоставляя мне продолжить утреннюю попойку. Вскоре из ванны слышится её голос:

– Дзюн, а всё же, что же за гадость такая этот алкоголь?

– Это риторический вопрос? – интересуюсь я.

– Нет!

– Транквилизатор – раз. В больших дозах. Возбудитель и усилитель настроения – в малых. Думаешь почему пьют изначально по самым хорошим и самым плохим поводам? На праздниках – чтобы ещё веселее было. В трагические моменты – выплакаться и забыться. Ну, а с утра... Кто-то – не задумывается. Кто-то знает – на что идёт.

– А ты?..

– Я знала, на что иду. Знала, что будет плохо потом. Но считала, что это сделать было нужно.

Ого, какую я формулировочку-то выдала. Универсальнее некуда. Хотя под мою просьбу к Маленькой Госпоже в команду, хоть под некоторые контракты, хоть под пьянку с новыми друзьями базис подводить. Судя по молчанию подруги – она тоже подумала о чём-то таком. Мысли сходятся у дураков и гениев. Предпочитаю быть гением. Тем более, что джинн⁹⁸ – тоже магическое существо.

Ближе к полудню Мария таки приходит в себя и мы возвращаемся на фестиваль. Сегодня уже всё идёт по полной программе, поэтому мы облачаемся в костюмы и перекрашиваем волосы. Я радостно верчусь перед зеркалом. Фудзибаяси смотрит на меня то ли с неодобрением, то ли с подозрением. Ну да, глухое чёрное «экс-платье» с отъёмными рукавами и четырьмя разрезами до пояса плюс маленькие белые шорты – это по её мнению несколько черезчур откровенно. А по моему – прекрасно. Надо же ножками посветить! К тому же вокруг будет столько фриков, что я особо

⁹⁸Игра слов. Арабский джинн русифицировался как «джинн», а в английский язык проник как 'genie'.

выделяться не буду. Саму же Марию мы одели в форму солдат Зеро⁹⁹, заменив шорты на простую и стильную юбку до середины бедра. Ну, чуть пониже, Мария – девушка строгих правил.

В таком виде и выходим. Мои предсказания оправдались: мы, безусловно хороши, намного выше среднего уровня. Но народ и правда разрядился как мог. Всё же мы привлекаем внимание... И вот сейчас я уже раз десятый слышу брошенное в спину: «Няшечки». Нет, это уже не брошенное в спину. Это уже призыв: «Няшечки!» Причём на сей раз я определяю чётко: голос – женский. Интересно, сколько девушек сейчас обернётся? Минимум одна. Нохацу «С.С.» – до ужаса любопытная личность.

И обернулась я не зря. Поскольку это действительно относилось именно к нам. А исходило от Рин. Каковая в неопознаваемом брутальном костюме из чёрной кожи призывно машет нам руками. Кстати, у меня впечатление, что утром она занималась тем же, что и я: сливовым вином. Хотя нет, она, кажется, пиво предпочитает.

Дёргаю Марию за рукав: раз уж мы её заметили, то игнорировать нельзя. Рин догоняет нас и громко радуется:

– Няшечки, хоть вы живые, какое счастье! Эта школота¹⁰⁰ после вчерашнего шевелиться отказывается и повымерла в номерах!

Всё страньше и страньше¹⁰¹. Потому что ровно в тот момент, она это произносила – я увидела в толпе впереди «Нану Осаки»... фигурой и причёской до боли напоминающую Акиэ. Но... не моя головная боль. Может поссорились. Тем не менее подкальываю её:

– А может быть наоборот – убежали с утра пораньше?

Тем временем Рин берёт под ручку Марию (экая наглость... впрочем, Мария, кажется, не реагирует – как мы её не реанимировали – всё равно малость ошарашенная) и мы двигаемся в сторону фестиваля.

На самом деле, в какой-то мере я Рин чуть-чуть благодарна. Поскольку она безраздельно захватила внимание Фудзибаяси – я могу сделать очень важное дело, забытое с утра: проверить коммуникатор. А там, между прочим, email от Хоне-Онны. Контракт-то вчера предложен был. Мужу-рогоносцу. Команда готовится к трагедии «Отелло». Надо будет сегодня ночью всё же перенестись домой...

Но из этого вытекает ценный вывод: теперь я знаю, как «прикрыть» Марию от нежелательного контакта с Маленькой Госпожой. Будет пахнуть противным контрактом – тащить Фудзибаяси в бар. Ох, поменьше бы таких вот случаев. И сама я их не люблю, и подругу спаивать – жалко.

Эпизод 17. О верности

День семьдесят восьмой продолжается.

– Лунамария Хоук, гентей бан!¹⁰² – надрывается голос справа.

⁹⁹Зеро – «имя» Лелуша в организации японских партизан, которая под его руководством развилась практически до регулярной армии и в числе прочего обзавелась уставной формой одежды.

¹⁰⁰Как на самом деле адресовалась Рин к девушкам, а как – к своим товарищам по форуму установить достоверно не удаётся. В изложении Нохацу Дзюн использованы слова из слэнга русскоязычных поклонников анимэ. Слово «школота» вполне понятно и означает именно то, что и должно: пренебрежительное отношение к школьникам. «Малолетки».

¹⁰¹Снова цитата из «Алисы в Стране чудес».

¹⁰²«гентей бан» (限定版) – перевод дан самой Нохацу чуть ниже. Здесь – просто кандзи.

Посчитав, что сегодня первый и самый мощный наплыв покупателей спал – мы исследуем первый павильон. Тот самый, из которого вчера ретировались. Несмотря на все наши обстоятельства – он как раз более интересен Марии, чем мне. Ну да, тамплиер же Фудзибаяси. Вот сёнан и уважает. А я ещё при жизни слишком хорошо знала сопромат, чтобы всерьёз восторгаться всеми этими ОЧБР. Но от голоса справа у меня просто кровь вскипела и я отважно бросаюсь в толпу.

Вообще японцы страшно падки на «ограничительные» маркетинговые ходы: «limited edition» (тот самый «гентей бан»), «только на этой неделе» – всё. Стоит вам объявить нечто подобное – и можно скупать души оптом. Поэтому вокруг продавца – не протолкнуться. Но сейчас я готова уподобиться самым отчаянным натурально японским отаку, и прорваться к нему. Что поделаешь: после Сихо Мацури, Лунамария Хоук – моя любимая анимэшная героиня. А тут речь, кажется о фигурке с динамиком, которая ещё и говорит несколько фраз голосом Майи Сакомото (сейю¹⁰³ Лунамарии, тембр у неё не настолько обалденный, как у Мамико Нотто, но мне тоже ужасно нравится).

Как ни странно, протолкнуться выходит достаточно легко. И вовсе не потому, что я – девочка. Такие вещи, как уступать женщине место – в Японии не практикуются. Нет, это я неправильно говорю. То, что я девушка – играет роль. Но в дополнении с некоторыми другими аспектами. Вот, мне в спину шутят:

– Ой, народ, пропустите С.С.! Она себе новую подопечную нашла. Сейчас нам будет Лунамария с Геассом¹⁰⁴!

Парни впереди оглядываются, оценивают мою целеустремлённую физиономию и пропускают. Конечно, за это приходится расплачиваться прикосновениями к разным частям прекрасной меня... Но в толпе постоянно к тебе кто-то прижимается, мимо кого-то ты проскальзываешь впритирку, так что ощущения... не выходят за рамки обычного отвращения к толпе. С другой стороны, на рациональном уровне меня это даже радует: какая я привлекательная!

А вот обратный путь менее приятен: отступая от прилавка я же освобождаю место для других, поэтому меня пропускают охотно. Но лапают не меньше! Ксо. Теперь-то я не целеустремлённо расплачиваюсь за прорыв к вожаденной фигурке, а пропускаю их. А они всё равно. Так, Дзюн-тян, что ты там о рациональном уровне говорила? Вот и думай так дальше. Не порть себе настроение. Тем более, что фигурка действительно шикарная.

На относительно спокойном пяточке стоят Мария и Рин, ожидая меня. Я радостно подбегаю к ним и хвастаюсь трофеем. Он оценен, но как-то вяло. Я присматриваюсь к ним. Мария что-то напряжённая. Рин, кажется, чем-то недовольна. Охо-хо! Не чем-то, а кем-то. Так и мечет исподтишка молнии в моём направлении. Что бы это значило? На самом деле – у меня есть одна догадка. Но уж больно она... своеобразная. Как бы её проверить, не особо подставляя Марию?

О! Мысль. Надо попробовать разыскать Акиэ. Я уверена, что с утра это была она. И присоединить её к компании. Точно таким же образом – как заметит нас, так уже отвертеться не сможет. А сделать это даже легче чем я ожидала: обе мои подруги утратили интерес к фестивалю. Мария о чём-то усиленно думает, Рин – её грузит. Чего она там говорит, впрочем, мне подслушать не удаётся. Так,

¹⁰³ Это слово уже в тексте встречалось и вполне понятно: сейю (声優) – это артист, озвучивающий персонажа анимэ и видеоигр. Часто сейю являются так же певцами и даже снимаются в «классическом» кино, но могут быть и исключительно актёрами озвучивания.

¹⁰⁴ Отсылка на сюжет сериала «Code Geass», в котором С.С., преследуя свои личные цели, дала Лелушу особые способности – Геасс, и после чего старалась находиться рядом с ним, не особо вмешиваясь, но в какой-то мере опекая.

отдельные слова иногда выхватываю. С одной стороны – нейтральные и даже хорошие, приятные слова. «Красивая», «обаяние» и так далее. Но если Рин их говорит Марии – то последнюю можно понять. Как минимум – она должна быть смущена потоком комплиментов.

В любом случае, обе они настолько заняты собой, что позволяют мне вести всю нашу компанию в любом направлении. Поэтому я относительно быстро «сканирую» павильоны. И находим, наконец, Акиэ в зоне свободного обмена, где та насмерть торгуется, пытаюсь обменять несколько аксессуаров кофля Наны Осаки на очень красивый, явно ручной работы оби. Оби, надо сказать, вызывает у меня некоторые подозрения.

– Ой, Акиэ-тян! – радостно приветствую её. – Ты тоже нашла в себе силы подняться?

Акиэ недовольно смотрит на меня, переводит взгляд на Рин (при этом совсем мрачнеет), но тут из-за наших спин показывается Мария. Выражение лица Камии мгновенно меняется: теперь она рада... и одновременно обеспокоена. Ещё один момент в пользу моей догадки. Хотя Мария действительно очень милая девушка и обеспокоенность её настроением в общем-то вполне нормальное дело.

– Привет, привет! – здороваюсь, наконец, она. – Как вы тут?

Хотя вопрос обращён не ко мне – я всё же отвечаю. Это может немножко повредить нашим отношениям с Акиэ, она ведь гарантированно подумает что-нибудь вроде: «Не тебя спрашиваю!», но позволит Марии тоже сказать что-нибудь, сохраняя лицо: если ей захочется как-то пожаловаться – то уже не получится, что мы с жалоб и начали. Надеюсь, Акиэ поймёт этот момент через некоторое время – мне они обе симпатичны.

– Вот, смотри, какую я Лунамарию отхватила! – протягиваю ей фигурку. Акиэ безразлично смотрит на неё. Ждёт. Мария тоже молчит.

– А Мария с Рин как-то всё между собой. – пробую помочь Марии. Склоняюсь к «Нане» и шепчу. – Ваша Рин – ужасно общительная дама. Совсем бедную Фудзибаяси заболтала. А она от вчерашнего-то не отошла...

Ну, в одном моменте я теперь точно уверена. Акиэ смотрит на Марию с заботой... А вот на Рин – с достаточно неожиданной смесью зла и обиды. Кажется, я переборщила с сёдзэ, и мне тут видится запутанный треугольник. А может быть я таки права?

Тем временем Акиэ подходит к Марии и ласково спрашивает:

– Ты не устала?

Фудзибаяси с благодарностью глядит на неё и кивает.

– Хочешь, пойдём, посидим в кафе? Съедем по круассанчику, отдохнём...

А ну-ка я усугублю ситуацию?

– Рин-тян, ну, мы-то с тобой не такие дохлые, нэ? – пошли пока посмотрим на приставочные игры? А потом к ним присоединимся...

О, да. Перспектива оставить Марию на Акиэ её явно не вдохновляет. Ишь, как глазами сверкнула. Но весьма интересно – откуда же та обида? Тем не менее, Рин тоже не дура. И понимает, что отказаться она сейчас... не может. Ладно. Проверку я свою получила, за это придётся заплатить наличием рядом недовольной Рин. Ничего. Потерплю.

Впрочем, что-то я начинаю сомневаться в искренности её возмущения. В сторону игрового павильона она шагает весьма бодро, широким мальчишеским шагом, так что мне приходится чуть ли не бежать за нею. Нет, широкий мальчишеский шаг – это я тоже умею. Но вы представляете себе марширующую С.С.? Вот и я нет. Так что ноблесс оближ. А добравшись до цели – мы откровенно

меняемся ролями. Как я тащила их за собой в поисках Акиэ, так теперь Рин тащит меня в поисках каких-то игр. Похоже, любит она это дело...

... Хотя вкус её я не одобряю. Я ведь уже говорила – не понимаю я все эти махания мечами. При всём моём уважении к Ичимоку Рену, он – единственная мне известная живая, весёлая, горячая и шумная катана. Остальные какие-то холодные. То ли дело пулемёт! Вот они все – горячие, шумные и шевелются. Впрочем, к шутерам¹⁰⁵ я тоже равнодушна. Предпочитаю что-нибудь поближе к реальности. Эйрсофт¹⁰⁶ хотя бы. Кстати об эйрсофте – вот об этом я ещё не думала. Япония же – его родина. Ещё один удачный аспект моего положения! А из компьютерных игр я люблю что-нибудь поспокойнее и повдумчивее. Тактические игрушки, скажем. Желательно – с возможностью поставить на паузу и подумать.

Тем временем Рин в экстазе ломает джойстик на какой-то игрушке, кажется, по всё тому же «Бличу», но вместо того, чтобы извиниться и оплатить ущерб – устраивает скандал, плавно переходя с обличения недостатков китайских производителей на личности продавцов, ставящих такие хлипкие джойстики на тестовые консоли. Пока она скандалит – я глазами подзываю второго продавца со стенда и тихо спрашиваю:

– Сколько?

– Пять с половиной.

Ну, где-то понятно. Рин – явная студентка. И за так выкладывать двести с лишним дирхем (я по-прежнему перевозжу деньги в привычную мне валюту) ей не улыбается. С другой стороны – я-то человек рабочий, поэтому мне такая сумма не кажется ужасной. Передаю ему требуемое и за рукав утаскиваю Рин подальше. Будучи оторвана от объекта своих бурных эмоций, она как-то успокаивается, и мы идём дальше.

Наконец, она, кажется, удовлетворена. Мы присоединяемся к Марии и Акиэ в кафе. Потом некоторое время гуляем вчетвером, встречаем Кешиширо... В общем, день проходит своим чередом.

А меня что-то начинает давить. Какое-то предчувствие. Мне начинает хотеться заглянуть домой. Чем дальше, тем сильнее. И, подозреваю, скоро наш очередной клиент будет таки дёргать за ниточку. Поэтому я имею несколько отсутствующий вид. Что даже где-то на пользу. Видя, что я сегодня необщительна – Кешиширо во-первых вынужден больше внимания уделять Марии... А во-вторых – он начинает тянуть нас в бар в надежде меня немного развезать... и развязать мне язык. И это тоже прекрасно – если заключение контракта на подходе. В общем, надо проследить за кондицией Марии и по быстрому откланяться, сказавшись перебравшей. Так и делаю.

Интуиция меня не подводит. Хотя интуиция ли это? Я теперь уже не уверена. Контракт был подписан. Команда успешно отыграла «Отелло». Но какая-то там была деталь, видимо. Потому что фигурку Хоне-Онны я вижу вдалеке сидящей среди цветов. Ичимоку Рен вообще где-то отсутствует,

¹⁰⁵ «Шутер» – от английского shooter – «стрелок» – жанр компьютерных игр, в которых картинка на экране представляет собой взгляд глазами героя, а основное занятие одного – стрельба из разнообразного огнестрельного и фантастического оружия с целью «убить их всех»... В крайнем случае – «прорваться к...».

¹⁰⁶ Airsoft (английский, дословно «мягкий воздух») – командная военно-спортивная игра, в которой противники стреляют друг в друга пластиковыми шариками диаметра 6мм из игрушек, по виду, массе и габаритам максимально приближенных к образцам реального стрелкового вооружения. В отличие от пэинтбола (кроме вида и калибра оружия) – эйрсофт-шарики не красятся, поэтому игра идёт только на честность, что практически полностью исключает превращение её в спорт, а оставляет именно дружеской игрой.

равно как и «молодёжь»... Маленькая Госпожа сидит перед зеркалом и расчёсывает волосы. Сначала я тихонько замираю, чтобы не мешать ей. Но через минуту понимаю: она без остановки расчёсывает одну и ту же прядь. Чисто автоматически.

Что же там произошло такое? Я незаметно тянусь пальцем к сетевой розетке и подключаю себя к серверу. Ох, правильно я решила сегодня Марию тоже напоить. История-то редкой поганости. Клиент, конечно, рогоносец. Да только рога ему наставили... в качестве последнего средства вернуть – заставить приревновать. Он сам первый ушёл «налево»... причём, цинично так – и не скрываясь, и не разрывая отношений с женой. Тьфу, пакость какая. Причём раскопали мы это лишь сегодня утром. Тот Хоне-Онна грустит среди цветов, а Маленькая Госпожа – перед зеркалом.

И я не могу смотреть на неё. У меня сердце болит и сжимается. От сочувствия, от нежности. Ведь это не только отвратительный контракт. Он же ещё напоминает ей... её саму. А это всё инфантилизация, ксо. Раньше парни-изменщики к нам не обращались. Бедная Маленькая Госпожа¹⁰⁷...

– Ано...

– Красивая? – лаконичность Маленькой Госпожи меня всегда приводит в восторг.

– Да... – выдыхаю я. – И не только...

Мне страшно произнести то, что вертится на языке... но ведь оно никуда не денется. Я всегда это думала и хотела сказать. И вроде бы оно совершенно не к месту сейчас. Но всё равно почему-то говорю:

– Ты прекрасна. И умна. И на самом деле – нежная. Гомменасай. Я не могу воспринимать тебя как *девушку* – ни сейчас, ни тогда. Но я и правда люблю тебя. Не только как Госпожу. И но и как сестру...

– Почему бросают?.. – моё признание не замечено. Нет, зная Маленькую Госпожу – не так. Замечено. Записано в память. Но эмоциональный ответ будет когда-нибудь потом. Когда она сочтёт нужным (или возможным) дать его. Сейчас она получила подтверждение моей искренности и преданности. И задаёт волнующий её вопрос. Как confidentу.

– Честно – сама понять не могу. – я сажусь на колени и тянусь рукой к её затылку, но во-время отдёргиваю: конфиденциальность конфиденциальностью, а не положено. – Может я и ошибаюсь. И со стороны это выглядело иначе, не знаю. Но я сама – никогда не могла понять. Ты же знаешь мои пароли.

– Да. Ты – верная¹⁰⁸.

Пора хлопаться в обморок. И будь я не Нохацу Дзюн, а какой-нибудь милой воспитанной девушкой – точно хлопнулась бы. Такой комплимент не «дорогого стоит». Он бесценен. За такое душу продают. Впрочем, я свою уже продала. Именно Энме Ай.

– Но ты понимаешь лучше.

Спорить не приходится. Нынче я – воплощённое понимание. И мужиков понимаю, и девушек...

¹⁰⁷ Хотя подобный момент для девочки-подростка (каковой формально является Энма Ай) не слишком понятен или болезнен на первый взгляд – сотрудники особенно сочувствуют Энме Ай, зная её историю, рассказанную в первом сезоне сериала. Впрочем, у «взрослых» есть и свои личные причины переживать по поводу этого контракта.

¹⁰⁸ Это какой-то действительно конфиденциальный момент. Остаётся лишь предположить, что Нохацу Дзюн составляет пароли, отталкиваясь от каких-то имён собственных. То ли людей, которых любила и с которыми разошлась, то ли компаний, на которые работала и уволилась...

– Есть два варианта. Первый – отсутствие чувства страха. Плыть по течению. Делать – что хочется. Страх – это ведь чувство ценности. Ценишь что-то – боишься потерять.

– Ты не ценила жизнь?

– Ценила. Но ведь ко мне пришёл не демон с рогами, и не старуха с косой. А ты. Глупо, да? Впрочем, тут есть и другое: приди ко мне банда гопоты с битами – я бы старалась их обмануть. Прорваться с боем через них или наоборот – сделать вид, что отключилась, прикрыть жизненно-важные места и тихо уползти. А с тобой спорить бесполезно: ты пришла, значит – финиш. И остаётся лишь подумать о других. Не сшибить машиной пару грузовиков. Не доставить ненужных переживаний хорошей девочке в цветастом фурикодэ...

– А второй?

– Наличие страха.

Маленькая Госпожа через зеркало смотрит мне в глаза.

– Перед будущим. «И так будет всегда?»... Чтобы любить – надо не только поддерживать. Надо и менять что-то в себе, не «прогибаться», но и не позволять жизни свалиться в рутину. Знаешь – две самых страшных ошибки: мужчины думают, что их девушки будут такими всегда; девушки думают, что смогут изменить своих мужчин.... А есть ещё страх перед социумом.

– Поясни.

– Это тебе хорошо наша проблема пояснила бы. Мария, как христианка, должна неплохо понимать проблему Понтия Пилата. Но в целом – это когда сиюминутное сохранение чего-то застит глаза и не даёт понять более широкой перспективы. Когда ты сама вступилась за Такуму-куна или Юзуки-тян – ты ведь понимала, что даром тебе это не пройдёт. Что будет больно. Что по головке если и поглядят – то не сегодня, и далеко не факт, что поглядят вообще.

– Да.

– Но если ты не сделаешь этого – потеряешь нечто существенно большее. Но сиюминутно – ведь будет больно. Не все видят, что будет потом. У Херберта была потрясающая формула: «Страх затмевает разум. Страх – это маленькая смерть». А между нами, девочками, страх не только разум затмевает. Но и душу. Душу, как всё то, что мы любим: понятия о любимой (или любимом), о чести, о справедливости, о правде... заставляет предать идеал.

– Страх – предательство?

– Хай.

Маленькая Госпожа молчит. Я про себя завершаю фразу: «А предателей во все времена расстреливали». Мне кажется – Энма Ай слышит мою мысль и безмолвно соглашается с нею. Как жаль, что даже мы не в силах расстрелять всех предателей. Или – никто, а в особенности мы?

Некоторое время мы так и сидим, погружённые в свои невесёлые размышления. Потом, что-то меняется. Какая-то неуловимая нотка нашего общего настроения. Энма Ай поворачивается ко мне и пальцами касается моей ладони – как будто бы хочет накрыть мою руку своей, но не решается. И мысленно говорит: «Не бросай меня!» Или мне это кажется?

– Хай. – говорю я...

Всё плывёт у меня перед глазами. От всех этих эмоций, от её просьбы и доверия – я таки и сама собираюсь хлопнуться в обморок. Но если потеряю сознание – то ведь брошу её. Сразу же после обещания. Пусть не надолго, пусть это лишь мелкая слабость. Но с этого и начинается. До крови прокусываю губу и склоняю перед Энмой Ай голову.

«Я с тобой.»

Эпизод 18. Многоугольник

День семьдесят девятый

– Ой, Мария! Ты живая там?

Утро. Стучусь в номер подруги. Они-то вчера до полуночи зажигали, пока я дома была. Если не дольше. Вообще, «Канан»цы – крепкие ребята в этом смысле. Я с ними могу вполне на равных, а вот Мария... Надеюсь, она добралась до номера сама и без приключений.

– Дзюн?..

Жива. Уже хорошо. За дверью – нетвёрдые шаги. Щелчок замка. Да-а. Ох, не до полуночи. По всему видно, что Мария легла спать часа три назад.

– Суммимасэн. – говорю. – Если ты хочешь ещё спать – то спи. Я просто проведать – как ты.

Мария сумрачно кивает... Потом слабо улыбается и отвечает:

– Аригато, Дзюн-тян. Я... кажется жива. Но я бы действительно ещё вздремнула...

– Так всё! Иди спать! – машу я руками. – Нет меня больше. Спи и приходи в себя. Вот. Тебе чего-нибудь принести на ланч? Апельсинов?

– У!

Сама закрываю дверь и отправляюсь дальше фестивалить. Вот, кстати интересно: а чего бы я, совсем-совсем сама, не оглядываясь на Марию, новообретённых друзей и вообще кого бы то ни было – хотела бы сделать на этом фестивале? Самое время ведь. А хочу я, оказывается, странного. Во-первых – хочу записаться на конкурс костюмов. Ну, это не сложно. Это я прямо сейчас же с коммуникатора и сделаю. А ещё я хочу засесть в кафе напротив входа в первый (и самый посещаемый) павильон с чашечкой кофе и... возможно бутылочкой виски – подливать в кофе иногда... и просто смотреть на людской водоворот. На их лица – радостные, предвкушающие, разочарованные – любые.

По жизни что ли грущу? Да нет. Просто у меня такой характер. Созерцательно-аналитически-мечтательный. Люблю смотреть из тихого уголка на людей и придумывать про них истории. Вот этот только что вышедший мальчик, например, с некоторым смущением идёт в сторону павильона сёдзе и дзёсэя потому что обещал своей девушке привезти подарок... А вот этот растерянный бисёнан отбил от компании и решает – то ли искать товарищей, то ли «пуститьсь в свободное плавание», то ли подождать их здесь...

Стоп. Бисёнан называется Кешиширо. И поскольку он действительно рассматривал вариант заглянуть в кафе – заметил меня. Что и определило его решение. Ну, я – не против. Марии рядом нет, так что можно спокойно пообщаться с приятным человеком. Заодно узнаю, чего они вчера там навыворачивали. Улыбаюсь ему. Кешиширо подсаживается.

– Привет, Дзюн! Как ты? – интересуется он, присаживаясь рядом.

– Прихожу в себя. – говорю я и украдкой достаю из-за пазухи бутылку виски. – Айриш каху¹⁰⁹ не хочешь?

Кешиширо сначала шокирован моим асоциальным поведением: такое хулиганство, как распитие украдкой в его голове не очень укладывается. Потом он, видимо, вспоминает, что я по воспитанию – практически гайдзинка и успокаивается. А потом ему и самому становится интересно похулиганить.

¹⁰⁹Нохацу устроила полную кашу из произношений. Хорошо говоря по-английски, слово Irish (ирландский) она произносит вполне правильно, а кофе – на японский манер: каху.

Он ведь всё-таки мальчик. Да и предложенное вполне соответствует его желаниям. После такого *зажигалова-то*.

Он присаживается рядом, заказывает кофе и ждёт, когда я «облагорожу» его напиток. Ах ты ж стратег какой! Доставая бутылку – случайно ловлю его взгляд... Кешиширо смущается, даже румянец небольшой выступил. Красавчик. И стратег, стратег... теперь я понимаю, почему он уселся слева от меня. Ну вот тебе за это:

– Чуть больше единички, если тебя это так интересует. – невинно заявляю я.

Хи-хи. Совсем покраснел. Видимо – интересовало.

– Ладно. Пей каху. Я не обиделась. Девушкам приятно внимание. Хотя вообще-то – не такое откровенное. Расскажи лучше, чем всё вчера закончилось... что-то меня сморило же.

Кешиширо рад. Он явно ожидал куда более серьёзных последствий своего не слишком корректного любопытства. Поэтому он с энтузиазмом пускается в пересказ. Да, это и правда было *зажигалово*, я не ошиблась.

– ...А потом Рин-тян с Акиэ-тян вдруг встают обе, смотрят так друг на друга и выходят. Ну, как это ты говоришь «носик попудрить». Но вставали – как будто сейчас перчатками начнут кидаться.

Кешиширо знаком с европейской культурой, я вижу. Но не слишком хорошо. Перчатками не кидаются. Перчатку бросает один человек. Но интересно. При этом, из всего рассказа у меня чёткое впечатление, что эта парочка ссорится из-за... Фудзибаяси.

– Слушай, Кешиширо-кун, – добавляю я интимности в тон нашей беседы. – А Рин-тян и Акиэ-тян – кто они такие? Чем живут, какие они?

– Ну-у-у... – Кешиширо задумчив и смущён одновременно. – Они обе – очень своеобразные девушки. Обе – позёрки...

– Нет-нет! – он машет руками. – Я ничего плохого сказать про них не хотел. Позёрки – в хорошем смысле слова. Скорее – любят эпатировать народ. Немножко смеяться над людскими предрассудками. Вот Рин например...

Он снова смущённо спотыкается.

– Демонстративно показывает свои юрийные наклонности? – помогаю ему я. Типа – раз уж я сама это заметила, то чего уж ему скрывать?

– Ну, да... – кивает он. – Только я сам до конца не понимаю – насколько она эпатирует, а насколько действительно склонна к сёдзе-ай. Что первично – эпатаж или?..

– Хи-хи! Ну, если и ты не знаешь, то мне-то откуда? А что Акиэ-тян?

– Вот уж Акиэ-тян ты точно должна понимать лучше меня. – серьёзно заявляет Кешиширо – Она – стопроцентная женщина. Ты уж прости, Дзюн-тян, но логики там просто не ночевало. Стопроцентно эстетически-интуитивный склад ума. Я её не понимаю совершенно. А ты, как девушка – наверное и сможешь...

Усмехаюсь.

– Да, мне тоже так показалось. И, наверное, да. Могу понять. А у неё как с эпатажем и сёдзе-ай – где баланс?

– А фиг её знает! – машет рукой Кешиширо. – Но спасибо за разговор. Ты мне буквально глаза открыла. Они же долгое время были вместе... А теперь, видимо обе решили обратить внимание на твою подружку... и не поделили. Кстати, ответную любезность: А Мария-тян – кто она?

Я задумчива. Что же ему ответить?

– Ну, помимо того, что ты и так знаешь – что она христианка и моя однокурсница... Не знаю даже. Она очень честный, целеустремлённый и... заботливый человек. Нет, право слово – может лучше ты мне будешь вопросы задавать... а я постараюсь ответить?

– Да в общем-то у меня нет особых вопросов. – Кешиширо пожимает плечами и, откинувшись на спинку кресла, вытягивает ноги. – Просто мне вчера показалось, что она уж больно прониклась этим сериалом... «Дзигоку Сёдзе» который. Чуть ли не на полном серьёзе верит в существование всего этого дела... Вот я и подумал – почему бы её так зацепило. Хотел попробовать разобраться.

«Ох, Мария-Мария... чего ж ты им наговорила?» – вздыхаю про себя, но говорю совершенно другое:

– Ну, ты же интересуешься гайдзинской культурой. Поэтому и ответ тебе должен быть уже понятен. Мария, как христианка – верит в ад и рай. А сериал эксплуатирует именно эти, близкие ей концепции. Плюс, она действительно *верит* в христианского Б-га (вот тебе, кстати, информация чисто от меня: она христианка не только по воспитанию, но и по убеждению). Поэтому и в Энму Ай ей поверить легче. Есть Б-г – есть и дьявол. И его посланница. Всё просто.

– Да, наверное ты права. – задумчиво говорит Кешиширо. – Но я тебе рассказал о двоих. А ты мне только про одну. Хотя мне хотелось бы узнать так же про двух. Причём про вторую – намного больше.

Ого! Это прямо-таки завуалированный комплимент. Польщена.

– Это будет дорого стоить. – кокетливо отвечаю я. – тебе придётся добавить... про себя. Но я согласна на кредит.

Кешиширо смеётся.

– Хитрюга!

– Да, я такая. И что бы ты хотел про меня знать?

– Всё. Что любишь, что нет. Чем занимаешься. Как живёшь вообще...

Да уж. Апетитчик. Я безусловно польщена таким вниманием. Но и несколько озабочена: всё же я не совсем человек... Хотя при таких общих вопросах на самом деле – ничего сложного. Просто умолчать о некоторых аспектах.

– Знаешь, я не очень хорошо умею рассказывать про себя. Но попробую. Я люблю анимэ и мангу – что ты уже и так догадался. Из которых больше всего – сёдзе, дзёсэй (не удивительно для девушки, правда?), хорошую научную фантастику и космические оперы. Но желательно – чтобы и в них было бы хотя бы немножко про любовь...

Так в общем наш разговор и продолжается – сначала в кафе, потом мы идём немножко пофестивальить... Причём галантный Кешиширо без протестов тащится вместе со мной опять в девчочковый павильон и терпеливо ждёт, пока я выбираю себе несколько сериалов «на посмотреть».

В середине дня звонит Мария. Оказывается, Акиэ и Рин помирились (по крайней мере – с её слов похоже, что они таки перестали цапаться) и приглашают её просто погулять по Токио, посмотреть город. А она хочет к ним присоединиться... из собственного интереса провинциалки (тут она хихикает, явно вспоминая сцену в поезде), и ради примирения двух наших новых подруг. Я ничего против не имею.

Пересказываю наш разговор Кешиширо. Ему идея нравится. Как и мне.

– А давай мы тоже? Вдвоём? – предлагает он.

– Дэйто-дэйто¹¹⁰? – шучу я. – Не получится!

– Почему? – Кешиширо ощутимо снижает.

– Потому что если бы это была дэйто – я должна была бы приготовить для тебя обэнто. Или, хотя бы, тиском купить его утром. А раз мы решили только сейчас – то уже не получится. Шучу я. Поехали конечно!

Нет, похоже у меня интуиция работает как надо, что бы там Хоне-Онна не говорила. А может быть – просто развивается. Но и Рин с Акиэ я «выкупила» совершенно чётко... И, судя по тому, как просиял Кешиширо – его тоже. Хи-хи. Давно хотела попробовать...

Токио оставляет у меня очень странное ощущение. Пожалуй, попади я сюда сразу после смерти – была бы поражена. Поскольку это очень японский мегаполис. Но в мегаполисах я пожила немало. Практически – всю свою жизнь. И поражена была бы именно японскостью. А так – я уже получила могучую прививку японской культуры от Хоне-Онны, поработала в другом японском городе... в общем – Токио для меня лишь сочетание двух уже известных вещей. Интересное, безусловно. Но... не поражена.

А вообще – я люблю бродить по незнакомым городам. Одна, или вдвоём с хорошим человеком. И Кешиширо вполне подходит под такое определение. К тому же, в этом смысле он – такой же. В смысле – любит побродить. И вот мы гуляем, беспорядочно катаемся на метро и автобусах, не менее беспорядочно заходим в кафешки и бары...

Ближе к вечеру – оседаем в одном из них. Кешиширо мне рассказывает про археологические находки эпохи Камакура¹¹¹ (интересно рассказывает, кстати) и о влиянии монгольских вторжений на японскую культуру... Ох, будь на моём месте нормальная девушка – она давно бы заснула. Бедняга слишком напирает на культуру ведения боевых действий. Лучше бы про акваланги свои любимые рассказывал. Впрочем, Нохацу Дзюн – не является нормальной девушкой, что заметно даже невооружённым глазом: какая бы вменяемая японка отправилась бы бродить по Токио допоздна в наряде С.С.?!

Кстати, одновременно с рассказом рука его незаметно подбирается к моей... Наконец, накрывает. Кешиширо ждёт реакции. Отдёрну или нет? Реакция парадоксальная: я оборачиваюсь и подмигиваю. Он ошарашен. Я смеюсь и целую его в щёчку. Нет, на самом деле – мы же начали с утра, потом продолжали там и тут... Да и в этом баре сидим не первый час. Так что у меня драйв такой – море по колено.

В общем, всё заканчивается там, где и должно было – в лавотеле. Я вся дрожу. И не только от чисто физиологического предвкушения, но и от жгучего любопытства: как всё это будет? Мне правда – очень интересно.

¹¹⁰ «дэйто» – очередное японское заимствование из английского языка: «date» (дэйт) – это не только дата, но и свидание. Удваивание слова – вполне характерная для японцев манера подчеркнуть некий эмоциональный оттенок (например – восторга, или, как в данном случае – иронии) в том случае, когда предложение односложное.

¹¹¹ Японцы делят свою историю на эпохи по разным принципам, в первую очередь – по правящей династии. Эпоха Камакура – с 1185 по 1333 .

Оказывается, спонтанно разработанная концепция – смотреть как бы со стороны – была отличным решением. Она и не мешает получать удовольствие от тактильных ощущений... Ксо, что за канцелярит такой полез, ещё бы загнула чего-нибудь типа: «...за время участия в коитусе амплитуда зафиксированных ощущений варьировалась ...» На самом деле – я просто смущена, стесняюсь и от этого пытаюсь над собою иронизировать. Спрятаться за иронией.

Ох, нет... канцеляритом тут не поможешь, потому что это так... мощно! Да и сил на него уже нет... Пришедшая ко мне в самом начале всей этой истории мысль – смотреть как бы со стороны – была абсолютно замечательной. Она и чувствовать мне не мешает... «вот здесь... а-а-а.. кайф какой, но мягче, пожалуйста, мягче!» ... и не противоречит моим прижизненным убеждениям: всё воспринимается... Ну, как фильм. Не «вот *его* нежные руки касаются моей груди...», а «вот (чьи-то достаточно нежные) руки касаются (допустим даже моей) *красивой женской груди*». И всё проходит просто... заоблачно. Ха! Я теперь обладаю уникальным опытом. И доложу вам: то, что чувствуют девушки при хорошем партнёре – это нечто феерическое. И если сравнимое, то очень приблизительно. А Кешиширо оказался ещё и весьма *нетороплив*, поэтому я успеваю прочувствовать всё сполна.

Но когда всё заканчивается и я, в fullest восторге, ухожу в душ – что-то надламывается во мне. И я сижу под струями тёплой воды и реву. Толком не могу сказать даже – с чего. Наверное с того, что впервые получив (совершенно сумасшедшее) удовольствие от интимной близости как женщина – я окончательно осознала: назад дороги нет. Я – не-мёртвая Нохацу Дзюн, сотрудница Энмы Ай, «наёмной убийцы», отправляющей души в Ад. А кем я была – осталось в памяти, в привычках, в знаниях... Но я уже никогда не буду... тем, кем была. Никогда.

Кстати, за одну вещь я Маленькой Госпоже безумно благодарна. От некоего малоприятного аспекта женской физиологии я, получается, была таки избавлена. И это хорошо. И без того всё-таки травматический опыт первого интима получился...

Однако, это я правильно себе сказала. Я – не-мёртвая Нохацу Дзюн, сотрудница Энмы Ай. Что звучит гордо. Поэтому, как говорится – раз, два! Напряглись и ошетинились! Встаю, подставляю лицо под струи воды. Слезы – долой. Резким движением отбрасываю волос с плеч. Я отправила в Ад не одного человека. Я не первый день «работаю под прикрытием». А разревелась как девчонка. Каковой, вообще-то и являюсь. Вот и всё. Нужный настрой достигнут. Выхожу из душа и с мягкой улыбкой смотрю на посапывающего Кешиширо. Хи-хи. Какие же они все милые... когда спят.

День восьмидесятый. По часам

Тихонько иду по коридору нашего отеля. Мягкие ковры и без того глушат мои шаги, но мне дополнительно не хочется шуметь. Не знаю почему. Думаю – это какой-то отзвук стереотипа: возвращаться с поздно закончившегося свидания надо тихонько. Хотя кого я разбужу? И кого я опасаюсь встретить: администрация гостиницы была настолько любезна, что расселила мальчиков, девочек и парочки по разным этажам...

Ишь ты! А чего это тут дверь открыта, а в номере – темно? Кстати, я, кажется, даже знаю, чей это номер. Здесь живёт Рин. Ну, тогда можно и заглянуть. По-дружески проверить – всё ли с ней в порядке. Осторожно заглядываю. В первый момент – мысленно бью себя по затылку: постучать-то я забыла, несмотря на все объяснения Хоне-Онны о значении приватности и личного пространства в японской культуре. Хотя помимо всё-таки растрёпанных чувств и собственно любопытства у меня есть

и другое оправдание: специфика моей работы. Которая говорит: если ситуация нештатная – сначала разберись, а потом, если надо – выдавай своё присутствие.

А во второй момент – я обалдеваю. В самом прямом смысле. Стою, держусь за косяк двери и смотрю с открытым ртом. Потому что картина ровно такова: на кровати лежит Рин. В полном оцепенении от ужаса. И неподвижными глазами смотрит на ту, что перед ней. А перед ней – Маленькая Госпожа.

– Я не стала присылать к тебе своих помощников, – говорит она. – потому что хотела спросить сама...

Рин слабо перебирает пальцами, стараясь натянуть одеяло повыше. Пальцы её не слушаются. Что же происходит? Почему я ничего не знаю?! Я же проверяла коммуникатор – никаких сообщений о контракте, а полночь давно миновала!

– Думаешь ли ты, что любовь – это только слово?

Постойте. Минуточку. Уж кто-кто, а я-то уж знаю голос Маленькой Госпожи! Что-то он как-то не так звучит...

– Думаешь ли ты, что с чувствами можно играть так же, как и с компьютерными человечками?..

Мои глаза привыкли к полумраку. Ох, что-то тут не так... Да и великовата она ростом для Энмы Ай. Хотя и здесь разница не слишком заметна...

Подозрительная личность начинает поднимать руку в известном жесте Маленькой Госпожи... но постойте, завершающая формула «О, достойная жалости душа...» не была произнесена, задавать последний вопрос ещё рано! Рин визжит. Подозрительная личность вдруг останавливается.

– Подумай.

Резко разворачивается, и выбегает, не замечая меня. Впрочем, полумрак номера способствует. Я тоже её лица так и не разглядела. Под непрекращающийся визг выскакиваю за нею. В конце коридора мелькает подозрительно знакомый оби. Я со стуком откидываюсь спиной к стене и медленно сползаю вниз. Акиэ-тян... дура же ты дура... Насколько же ты совсем не понимаешь, какую опасную игру затеяла!..

7Хоне-Онна, Ваньюдоу, Ичимоку Рен

Эпизод 19. Углом меньше, двумя душами больше

День восьмидесятый. Всё ещё только по часам

Сижу это я значит, привалившись к стене и размышляю: «Что же теперь делать?» То есть — в первую очередь — делать ли чего-то вообще? Объяснять этой дурочке, что она поступила не только сомнительно с точки зрения этики, но и вступила на очень шаткую почву? Ну, хорошо, допустим — скажу я ей это. И где мои доказательства? Мало того, что всё, что я могу предоставить — сплошные галлюцинации, так и не положено. Да и просто глупо: Мария-то как раз во всё это верит (совершенно правильно делает), и если Акиэ чего-нибудь сболтнёт... Нет. Провальный вариант. Да и к тому же — где сейчас ту Акиэ искать? Учесала она куда-то по коридору, в направлении, противоположном своему номеру. И куда двинулась по пожарной лестнице или на лифте — поди пойми. В общем, Дзюн-тян, следуй мудрому совету тётеньки Скарлетт О'Хара и двигай спать. Завтра с утра подумаешь, может даже с Хоне-Онной посоветуешься...

И то верно. Возвращаюсь в номер и плюхаюсь на кровать. Можно, конечно, перенестись домой, но в гостинице вероятность того, что кто-нибудь засечёт моё отсутствие — крайне велико. Банально: проснётся Мария посреди ночи водички попить — а у меня — мёртвая тишина. При том, что она знает, как мало я сплю...

Наутро валяюсь у себя в номере, долблю по клавишам ноутбука (работу ведь никто не отменял), а сама в облаках витаю. Валяюсь по совершенно дурацкой причине: не надо было вчера с поддавшим мальчиком сексом заниматься. Оно круто, когда долго (впрочем, уверена, что тоже не всегда, а по

настроению, в некий момент может стать и неприятно)... но потом, оказывается, поясница болит. И не только она, как понимаете. В общем — лежать. Или ходить. Вот и лежу.

Стук в дверь.

– Входите, – кричу.

Заглядывает Мария. Довольная и бодрая: похоже, вчера она и погуляла хорошо, и не приключалась, как я. Что, конечно, не удивительно: из нас двоих это я девица... эт-та... скажем так: не самого тяжёлого поведения. Лёгкое поведение — всё-таки нечто иное. А Фудзибаяси — наоборот, девушка правильная.

– Ну как погуляли вчера?

– Ой, Дзюн-тян, просто замечательно. Столько всего посмотрели, везде побывали... Ну и вообще как-то очень здорово получилось. И весело. Мне ведь показалось, что Рин с Акиэ позавчера поссорились, но, кажется помирились. И чего ссорятся?

Святая простота... Похоже, Мария натурально не понимает, что поссорились именно из-за неё... Ну, а что не шибко-то помирились — это я и сама узнала совершенно случайно.

– Глупые потому что. – отвечаю я. Не могу же я ей всё рассказывать. Опять же доказательств у меня нету, да и зачем ей про всяких девочек-юрийщиц. Нет, я не хочу оставить Марию «чистенькой»... Просто для неё понять, что оказалась вершиной юри-треугольника будет потрясением. Хватит с неё, пусть хоть немного отдохнёт. Закрываю тему глотком юмешу. Вообще-то у меня и чай на столике стоит. Но чай нейтрален. А юмешу для Марии неприятно. Вот она и спешит перевести тему разговора:

– А ты чего делала?

– Ой, у меня очень смешно вышло. – я охотно переключаюсь. – Пошла с утра посидеть в кафешке перед первым павильоном. Совершенно просто так. Поглазеть на токийский народ вообще и на отаку в частности. И, представляешь, встретила Кешиширо!

То, что он Марии интересен — я знаю. И моё признание ей тоже будет не слишком приятно. Но здесь это уже вопрос честности между подругами: если она всерьёз на него глаз положила — ей надо знать, что Кешиширо парень без особых предрассудков. Не думаю, что он так уж склонен «бегать налево», но посматривать на других девушек точно будет. Уж больно просто у нас вчера всё вышло. Хотя, признаться, я сама к этому усилия прилагала: я же поставила себе целью закрутить на фестивале романчик? И попробовать. Вот и закрутила. И попробовала, н-да...

– ... в общем, когда ты позвонила, – продолжаю я. – мы как раз там сидели. И нам эта идея так понравилась, что мы последовали вашему примеру и поехали гулять.

– Как?! – у Марии глаза на лоб лезут. Всё-таки она очень хорошая девушка: другая бы на её месте уже заподозревала бы недоброе. А она — обо мне беспокоится. – Прямо так, в костюме С.С. и поехала?

– Да как-то не было времени заходить переодеваться. – пожимаю плечами. – Это же такое спонтанное решение было. Сразу — двигаться!

Мария удивлёно и несколько неодобрительно качает головой.

– Ну, Дзюн-тян, ты и даёшь... И как?

– Да просто потрясающе! Отлично погуляли. Не хуже вашего. А потом... Прости, Мария, ответь мне сначала честно: тебе Кешиширо нравится — как мальчик?

– Да... Но почему ты спрашиваешь?

– Гоменнасай, Мария. В таком случае мне очень неприятно, но я тем более тогда должна тебе признаться: после прогулки мы...

Ишь ты! А ведь я стесняюсь. И мне действительно неприятно и стыдно... по крайней мере — говорить открытым текстом.

– В общем, мы не сразу после прогулки в отель вернулись...

Мария смотрит с недоумением. Что внезапно меня раздражает и я выпаливаю:

– Спала я с ним!

Мгновенно остываю и извиняющимся голосом продолжаю:

– Ты имеешь право обижаться. Я ведь догадывалась, но всё равно сделала это... Я была не права. Ну хочешь я его при всех нафиг пошлю?..

Великий Ад, а мне ведь реально до слёз и до ломания рук стыдно и неудобно перед подружкой. А она улыбается мне (правда тоже глаза подозрительно блестят):

– Б-же мой, Дзюн, но ведь у меня-то с ним ничего не было! Да, он мне нравится... Да, я хотела бы оказаться на твоём месте вчера. Но ты же не увела его у меня! Потому что у меня его и не было!

Святая. А я всё равно реву от стыда. И она ещё садится рядом и утешает меня.

В общем, через где-то час мы, окончательно помирившись, проревевшись, накрашившись по второму кругу, под ручку двигаемся на фестиваль. Фудзибаяси газеет по сторонам, но я прямо чувствую её гордость. Удивительная девушка. Собственно — чем она мой рёв прекратила-то? Нет, это классическая технология: впавшего в истерику человека надо шокировать. Вот она меня и шокировала. Только сама этого не осознаёт. Потому что все мои признания и сомнительной этичности подвиги она возвела в достоинства. И заявила, что гордится тем, что у неё настолько отмороженная подружка, чтобы разгуливать по ночному мегаполису в откровенном наряде, за день соблазнить мужчину и суметь в этом признаться подружке. А оказывается ещё и выставить свою кандидатуру на конкурс костюма. Ну, в общем-то да. Я была существом достаточно отмороженным ещё при жизни... А с Кешиширо я всё равно поговорю.

На нас оборачиваются. Приближающийся конкурс заставляет окружающих уделять больше внимания одежкам... про себя пытаться понять — «а это конкурент»? Или «а вот это мы на подиуме увидим»? Интересно, кстати: собственно в сериалах всяческие конкурсы красоты и костюмов обычно характеризуются как нелюбимые мероприятия: главный герой считает их утомительными, а главные героини — смутительными... если можно так сказать. Стесняются они, короче. А в реальной жизни, похоже, всё наоборот: список конкурсантов огромен, впрочем первые несколько туров проводятся по фотографиям, и несмотря на всю спонтанность решения и фотографию, сделанную прямо в кафе тем недоразумением, которое почему-то называется фотокамерой и встроено в мой коммуникатор — я таки прошла до стадии живого показа. Короче — вышла в финал. Да и заинтересованность во взглядах предвещает отнюдь не пустой зал.

А вот мы и сами догоняем пару интересных персонажей. Один, впрочем, нам даже знаком. Это Рин в своей брутальной коже. Ничего, молодец девчонка. Идёт как ни в чём ни бывало, признаков вчерашней паники не выказывает. Впрочем, то, что Акиэ вчера именно убежала (а не исчезла, как это делает настоящая Маленькая Госпожа... да и все мы) — наверное навело её на правильные мысли. Кстати, а где, интересно, сама Акиэ? Если Рин её расколола каким-то образом — то наверняка старается на глаза не показываться. Ибо тогда скандалище там был ого-го между ними. Да и если не расколола — не светится, чтобы Рин не могла сравнить фигуру-голос-манеры по горячим следам.

Хи-хи. А граф Дракула (или какой-то другой эстетский вампир, я в этой тематике не разбираюсь, разве что Алукарда и Викторию Серас из «Хелсинга», да Лючию из «Магик Покаан» от других анимэшных вампиров отличу) – оказывается собственно Кешиширо. Надо сказать – я его не с первого взгляда признала... Ну что, испортить что ли день... или подождать? Нет, чем раньше, тем лучше. И после приветствий я отпускаю Марию (она, к тому же, явно хочет чего-то спросить у Рин) и касаюсь плеча Кешиширо, привлекая его внимание.

– Ано... Кешиширо?

Он удивлён. Конечно, я же не добавила «кун». Вполне сознательно. Киваю ему.

– Именно. Гомэ. Вчера всё случилось на драйве. И я сейчас сожалею об этом. Потому что ты мне нравишься... но как друг. Ты правда хорош... во всех отношениях. Но развития – не жди. Тем более, что есть девушки, которым ты нравишься... именно как молодой человек. Гоменнасай. Это решение окончательное.

Кешиширо в осадке. Потом он, как говорится, «подбирает с пола челюсть», качает головой и с трудом выжимает, тоже со смесью удивления, восхищения и неодобрения:

– Ну, ты даёшь!..

Готова спорить: ему очень хочется добавить: «натурально гайдзинка», но он сдерживается. Я пожимаю плечами и демонстративно возвращаюсь к Марии.

– Дзюн-тян, – встречают меня обе девушки чуть ли не хором. – А ты – не знаешь случайно, где Акиэ-тян?

– Понятия не имею, – совершенно искренне отвечаю я им. – Сто лет её не видела. Вообще я думала – что она с тобой...

Рин издаёт какой-то неопределённый звук. Ага, значит – не опознала. Иначе бы мы сейчас имели бы счастье выслушивать очередной монолог на повышенных тонах... сколь я себе представляю характер Рин. И так же значит – что после прогулки они снова поцапались. До этого идиотского розыгрыша. Уж слишком нейтральная и действительно «неопределённая» реакция. Ну и ладно. Подождём развития событий. Всё равно – как говорить с Акиэ я так до сих пор и не понимаю.

Что меня окончательно добивает – это то, что я обнаруживаю Акиэ в женской раздевалке за кулисами конкурса костюмов. Причём – завязывающей юката. И уже в длинноволосом угольно-чёрном парике. Спасает меня лишь наука Хоне-Онны. Я совершенно автоматически достаю пудреницу. Собственно – почти ради этого я и зашла – подвести брови, да подкрасить губы.

– Ано...

– Ой, привет Дзюн-тян! – как ни в чём ни бывало здороваются она. – Ты тоже? Классно! Но на первое место – не рассчитывай!

Она подмигивает.

– Ты думаешь... – спрашиваю я всё ещё пребывая в некоем ошалении. – что это хорошая идея?

Показываю на её костюм.

– А что тут такого? Обалденный персонаж, классный костюм... Эпик вин!¹¹² – делает она V двумя пальцами¹¹³ и кружится на одной ноге, раскинув руки. Рукава фурисодэ струятся... почти как у настоящей Маленькой Госпожи.

И главное – мне и сказать-то нечего. Ведь действительно Энма Ай – обалденная. Стала бы я ей «на верность присягать» не будь она такой? А вот кто меня знает – может быть и стала бы. Какая бы она ни была – но я её люблю... В общем, своя душа – потёмки, а я ещё кого-то учить лезу.

– Ну, ты всё же поосторожнее. – невнятно говорю я. – С такими вещами играть опасно.

– Да ну тебя, Дзюн! Наслушалась своей подружки-христианки и туда же... Хотя Мария – кла-а-асная!

Акиэ закрывает глаза. Она вообще-то сама классная. Но говорить я с ней не могу. Я всё-таки логик. А она – сто процентов интуиции и эстетики, как верно подметил Кешиширо. Мы говорим на разных языках. Просто общаться – очень интересно. А вот серьёзную мысль донести, да когда мысль в общем-то довольно мистическая по сути... Не судьба. Вздыхаю и начинаю подправлять контур губ.

– А теперь – номер 13, Code Geass, С.С.!

Зал аплодирует. Выхожу на сцену. Под слепящими лучами юпитеров не видно ни черта. Ну так – общий контур «языка»¹¹⁴. Ещё выше поднимаю голову и почти на ощупь иду по нему. Нет, со стороны этого не видно: я чётко ставлю одну ногу перед другой, как будто шагаю по бровке тротуара. Спина прямая, плечи расправлены. Дохожу до края, останавливаюсь в гордой позе. На секунду расслабляюсь и показываю залу другую С.С. – ту милую и беззащитную девочку, которой она была, потеряв память... Снова расправляю плечи и быстро разворачиваюсь, так, чтобы взметнулось моё «экс-платье». Ухожу. Уф-ф. Можно перекурить.

Кстати, Акиэ проходила тоже под вполне подходящим номером: шесть. Что С.С. Лелуш постоянно 魔女 (махо – ведьма) называл, что Энма Ай – Дзигоку Сёдзэ. А вообще это хорошо, что у нас конкурс костюма, а не красоты. А то бы как начали задавать вопросы! Нет, я не стесняюсь, как анимэшная героиня. Мне просто есть чего скрывать.

Подсаживается Акиэ.

– Умеешь. Хорошо вышла!

– Спасибо. – я как-то индифферентна.

– Кстати, я следила: все остальные – шлак. Наш Кешиширо был неплох, но во-первых он – в мужской номинации, во-вторых – нам не ровня всё равно. Но на первое место не рассчитывай! – повторяет она свою шутку.

Я, кстати, думаю, что из того, что я видела – на первое место пролезет совершенно третья девочка. Которая подошла к вопросу не эстетически, как Акиэ, и не прагматически (как я), а чисто

¹¹²Вряд ли Акиэ пользовалась именно этим слэнговым выражением. Но «эпик вин» – это в общем-то противоположение английскому epic failure – «чудовищный провал». Где «вин» – от глагола to win – побеждать.

¹¹³А вот этот жест японцы действительно очень любят. Указательный и средний палец, расставлены и направлены в небо, как латинская V – victory: виктория, победа.

¹¹⁴«язык» – выступающий в зал подиум во время показа моделей.

конъюнктурно: беспрюирышное сочетание – весьма откровенная фантазия на тему формы времён Второй Мировой. И заявляем как косплей «Со Ра Но Во То»¹¹⁵.

Между прочим, аналитик я неплохой. Та девчонка в «форме» и победила. И получила в качестве приза полную подборку подарочных изданий новинок прошлого сезона. Хи-хи, как она это всё домой потащит?.. Впрочем, японским девушкам не привыкать таскать всякие грузы. Не взирая на общее изящество и хрупкость. А второе место досталось таки мне, а вовсе не Акиэ. По той же причине. Ну, не совсем так. Помимо уровня откровенности костюма – есть ещё один аспект: известность персонажа. А тут С.С. явно выигрывает. Особенно с учётом того, что за девушек голосуют мальчики. (Ну, и наоборот, я просто мужской конкурс пропустила, объясняя догадавшемуся мне позвонить Тенджину, что если сервер видит только один диск, а в нём гарантированно работают шесть – это значит что там есть отдельный RAID-контроллер).

И в результате мы сидим всей компанией и отмечаем моё второе и «Энмино» третье место. Девчонки с форума «Канан» жадно косятся на коллекцию лучших сёдзе десятилетия, полученную мною и альбом постеров Акиэ. Я зарабатываю себе очки, с улыбкой разоряя свой приз и раздавая диски направо и налево. Что поделаешь, если там половина – это махо-сёдзе, а для меня оно – практически приговор сериалу. Люблю сёдзе. Вообще люблю анимэ про девочек. Но только без махо, без махо пожалуйста! Я сама – волшебное существо, мне главные героини-ведьмочки-колдуньи не интересны. Да и при жизни как-то не вдохновляли. Акиэ дуется, но держится. К сожалению, быстро наладить отношения, подарив ей что-нибудь – не получается. Из того, что я про её пристрастия знаю – мне ничего не перепало. Ладно. Вернёмся в гостиницу – презентую ей свой постер с Наной и Хачи.

А пока сидим, едим, пьём¹¹⁶. На улице уже ночь, но веселье в самом разгаре. Ой, бедная Фудзибаяси. Она опять уже краси-и-ивая. Но – счастливая. Похоже, после моего жёсткого отказа и не слишком тонкого намёка Кешиширо решил осмотреться... и сейчас общается именно с ней. Но на самом деле меня смущает Рин. После конкурса, естественно, Акиэ была раскрыта и Рин прилетела к ней подобно фурии, чуть кулаками не размахивая. Но мгновенно утихла, после того как Акиэ ей мило (действительно, вполне мило) улыбнулась и сказала:

– Рин-тян, но это же был всего лишь розыгрыш! Гомэ, мне надо было к тебе прямо с утра подойти и извиниться...

– Да ладно, – машет рукой Рин и уходит. Мне в этой сцене что-то не нравится. Хотя, конечно, Рин эмоциональна, но как заводится мгновенно, так и успокаивается разом. Всё равно – не нравится.

Ух. И не зря мне эта сцена ещё днём показалась странной. Смотрю, Рин с мобильником играет. И не успеваю это обдумать – как вижу: пропала на мгновение. Да, это хорошо, что Фудзибаяси пьяна. Знаю я, что означают такие исчезновения на секунду. А вот и у меня коммуникатор вибрирует. email с адреса admin@jigokutsuhin.net – одного из наших непостоянных доменов. Писала, конечно же не Энма Ай, судя по телеграфному стилю – либо Ичимоку Рен, либо Хоне-Онна. «Камия Акиэ. Заказчик,

¹¹⁵ Правильно – «Сора но Ото» (ソ・ラ・ノ・ヲ・ト). Сериал осенне-весеннего сезона 2009-2010 про группу девочек-военных на некоем условном фронте некоей фантастической постапокалиптической войны, почему-то сильно напоминающей Вторую Мировую по внешнему антуражу.

¹¹⁶ Почему Нохацу захотелось процитировать достаточно старый российский фильм «Гений» – не понятно. Хотя Смоктуновский даже в роли «крёстного отца» действительно прекрасен.

причина тебе понятны. Оставляем спектакль на тебя. P.S. Маленькая Госпожа недовольна профанацией образа.”

Ксо. Вот ты и доигралась, Акиэ. Не светит мне подарить тебе постер. Свет на мгновение меркнет и снова разгорается. Но это уже не настоящий бар. Остающиеся живыми запомнили, что у тебя зазвонил телефон и ты выбежала из бара – вроде как поговорить в менее шумной обстановке. Увы, я бы «спрятала концы» и получше, но наше внушение больше ориентировано на перемещение кусочков памяти в новую мозаику, чем для «показа живого действия». Вот и приходится компоновать: лёгкое отвлечение внимания – образ выбегающей из бара поговорить по мобильнку девушки – распознавание девушки как Акиэ.

Настоящая же Акиэ видит всех такими, какие они есть, но уже не может с ними контактировать. После развязывания ниточки объект попадает в странную реальность: она сколь угодно плотно переплетена с миром живых, но и сколь угодно отличается от него. На наше усмотрение. Единственное непреложное условие именно это – объект с живыми людьми контактировать не способен.

– И всё же, Акиэ. – говорю я, подливая ей вина. – Ты не находишь, что розыгрыш получился до крайности неэтичным?

– Это почему бы ещё? – щетинится она. Ну, не удивительно – резкая смена и тона, и направления беседы.

– Посуди сама: Рин напугала чуть не до инфаркта...

– Извини, Дзюн, это совершенно не твоё дело! И откуда вообще ты знаешь?! Подсматривала?!

– Как знать, как знать. Может быть и моё. И факт от этого не меняется: Рин было крайне не весело.

– А мне, думаешь, весело было – когда она полгода со мной романы крутит, а потом вдруг резко нацеливается на другую девочку. Да ещё на ту, которая мне самой нравится?

– Ох, Акиэ-тян, любовь – штука очень нежная, это я и сама понимаю. Но тем более – если вы были вместе, любили друг-друга... Разве можно так жестоко мстить любимому человеку?

– Можно! – твёрдо заявляет Акиэ. Мне грустно. Половину (да больше половины, на самом деле) шансов как-то улучшить своё положение она упустила.

– И с другой стороны. Тебе ведь нравится Энма Ай?

– О, да! – мечтательно улыбается Акиэ.

– Ну? И что ты учиняешь? Сначала пользуешься её образом чтобы мелочно напугать бывшую возлюбленную. Уже как-то некрасиво. Где ты видела, чтобы 女様 кого-нибудь мелочно пугала?

Акиэ замирает. Анализировать слова как я – не её сильная сторона, но она слышит новую и неожиданную ноту: то, как я назвала Энму Ай.

– А потом ещё и убегаешь. И не просто убегаешь, бегать – полбеда, хотя она никогда не бегаёт на работе. Но сам факт: Госпожа пришла в фурикодэ – значит смерть. Ты же его на нет сводишь! Это ты так Энму Ай любишь и уважаешь?

– Одзё... – сама? – запинаящимся голосом переспрашивает Акиэ.

– Что тебя удивляет? – равнодушно отвечаю я. – Именно так к ней обращаются её сотрудники... сколь я помню. Но всё же... Представь, что мне за неё обидно. И скажи: ты действительно *вот так* её любишь? Не заботясь о её, скажем, репутации?

– Так это всего лишь розыгрыш был!

Ох. Всё понятно. Увы. Мне ничего не остаётся, как произнести роковое:

– Вы слышали, Госпожа?

Напротив Акиэ возникает Энма Ай, в почти таком же фурикодэ, расшитом цветами. Только у Маленькой Госпожи цветы плавно перемещаются, поворачиваются, наползают один на другой...

– О, достойная жалости душа, смотрящая на всех свысока и причиняющая другим боль...

– Что это, Дзюн?! – взвизгивает Акиэ.

– ... шар кармы, погрязший в грехе...

– Это – Госпожа. А я – её помощница. – объясняю я то, что на самом деле в объяснениях не нуждается.

– 一遍死んで見る？

Акиэ сидит в лодке. Маленькая Госпожа у весла, я сижу у её ног, смотрю на бывшую подругу.

– Нам действительно было обидно. – говорю я.

– Вот как. – задумчиво произносит Акиэ. – Значит – всё правда?

– Да.

– Не знала... Я-то думала – всё это страшилки-пугалки... наверное потому всерьёз и не воспринимала... Зато... – она вдруг с улыбкой поднимает голову и смотрит на Маленькую Госпожу. – Зато я увидела настоящую тебя!

Не знаю. Может быть, сказанное в лодке на что-то повлияет... И то, что управляет Адом – закон это бездушный или Хозяин Ада... хоть немножко простит её. Мне бы хотелось... Дура она, но всё же хорошая. И искренняя. Хотя бы иногда.

– Эта лодка отвезёт твою душу в Ад.

Эпизод 20. Углом меньше и душой больше

День восемьдесят первый

– Охайо, Дзюн-тян!

Это Мария, не дождавшись моего ответа, зашла в номер (я не запиралась) и будит меня. Ситуация уникальная: обычно я встаю раньше её. Но сегодня особый случай. Отправка в Ад симпатичной мне Акиэ не давала уснуть (нет, я не ревела, как в тот раз, но и заснуть долго не могла), поэтому работала... что-то часов до четырёх что ли.. или до пяти? Попутно напилась «за упокой»... Хотя и знаю – никакого покоя Акиэ не светит. В общем, натуральный мой ответ звучит так:

– Утро добрым не бывает.

Мария ошарашена этой гайдзинской мудростью, но смеётся.

– Никогда тебя такой сонной не видела!

– Ну, вот так вот... – я сажусь на кровати и протираю глаза, одновременно поправляя бретельку ночнушки (какие у меня рефлексы развились, самой приятно). – Сколько времени-то?

– Уже восемь! А в десять в шестом павильоне будет фэнская постановка по «Кланнаду»!

Да... «Кланнад», конечно, не «Канон» и тамошний главгерой мне не шибко нравится... Но тоже очень достойный сериал. Пропустить такое было бы грешно: даже если постановка плохая – то хоть похихикаем. А если хорошая? Делать нечего. Тащусь в душ.

Мария тем временем расхаживает по номеру и что-то напевает. Каковой факт радует меня безмерно: значит вчерашние события пока ещё ей не известны. Но вообще интересно: первая, кого будут спрашивать: «где Акиэ» – Рин. Что она ответит? И в целом – что она думает о произошедшем?..

Через некоторое время мы сидим на постановке. Красиво, но так... Средненько. С другой стороны – от фэнов как-то великой драматургии не ожидаешь. В результате – и не жалею, и по сторонам поглядеть время есть. Вон, кстати, и «Канан»цы сидят. Украдкой машу им рукой. Девчонки, которым вчера от меня перепало подарков – узнают меня и машут в ответ. Что характерно – и Рин, и Кешиширо пребывают в задумчивости и не реагируют. Ну, Кешиширо-то ладно – он меня, возможно, игнорирует после вчерашних разговоров со мной и с Марией. А вот Рин – видимо, думает, как жить дальше. Ну-ну.

Что характерно – я сама не знаю, как бы себя чувствовала на её месте. Хотя мне на её месте оказаться сложно: мне бы просто в голову не пришло бы таким образом отомстить достаточно близкому человеку. А не близкому... а на не близкого мне, увы, наплевать. Я же яндере. От людей плохого не жду. Но если таки получаю – вычёркиваю обидчика из списка людей. Желательно, так же и из списка живых. И что с ним дальше будет – меня не волнует. Но это всё отвлечённые материи. И вообще, пора прекращать философствовать: действие закончилось и надо идти здороваться с друзьями.

Соответственно – подходим. И сразу же понимаю: нет, всё хуже, чем я думала: Кешиширо не реагирует не только на меня, но и на Марию. А значит – действительно в раздумьях. И раздумывать ему, увы, не о чём. Кроме как об исчезновении Акиэ. А вот Рин – встряхивается и приветствует нас наоборот – с большим энтузиазмом. Только всё равно я вижу – болезненный он. Надо бы понять: это её перспектива гарантированного попадания в Ад беспокоит или она всё же о подруге сожалеет?

Великий Ад! Ничего понимать не хочу. Если Рин такая дура – то я умываю руки. Это ж надо было догадаться – надеть кофточку с широким воротом. Печать¹¹⁷ же видно! Пусть не всю, только кусочек... Хотя... чего это я распереживалась? Ну – вычислят её. Поймут, что она кого-то в Ад отправила. Дальше что? Узнают, что мы – существуем и тоже обратятся? Ну, работы будет больше. Здоровенная часть работы будет мерзкая. Но ведь я уже привыкла к этому, нэ?

Вроде всё так. Но что-то мешает успокоиться на этом выводе и заниматься своими делами как ни в чём не бывало. О, ксо! Поймала... Ксо-ксо-ксо. Мария же! Если она заметит Печать – вот тут могут быть последствия. Как минимум – в виде её, гм, истерики. Поэтому – подхожу к Рин вплотную и, улыбаясь на публику – шепчу ей далеко не самым доброжелательным голосом:

– Ты с ума сошла – Печатью светить?!

– Что?

– Кофточки и купальники тебе теперь только закрытые подходят. Или ты хочешь, чтобы в тебя тыкали пальцами и называли убийцей?

До неё доходит, наконец. Однако если я ожидала, что она в панике закроется – я ошибалась. Рин вздыхает даже с каким-то облегчением:

– Да мне всё равно.

У меня было глаза на лоб полезли, но тут я догадываюсь. Читала же я про такое: пойманный преступник испытывает облегчение от того, что всё закончилось наконец. Ну ладно, Рин, очко в твою пользу: совесть у тебя ещё имеется. А значит – пойдём поговорим.

¹¹⁷ По исполнению контракта на груди заказчика возникает Печать, как татуировка, повторяющая эмблему «Адской Корреспонденции» – знак того, что эта душа обречена Аду за вполне конкретный поступок. Избавиться от неё невозможно, поэтому Печать является чуть ли не единственным материальным доказательством совершённого человеком убийства.

– Мария, – улыбаюсь я подруге. – Ты меня извинишь, если мы тебя на некоторое время покинем с Кешиширо: Рин-тян обещала мне показать одну игру для «Плэйстэшн»...

Конечно же Мария нас извинит: Рин ей более-менее приятна, но в свете её обильных комплиментов – Фудзибаяси в её присутствии смущается. Опять же – Кешиширо... Мы уходим.

Чутьё меня не подводит: бывшая женская раздевалка – стоит без дела и не запертая. Рин идёт за мной неохотно, но и не сопротивляется. Безвольно. Разительное отличие от её обычного поведения. Усаживаю её на кресло перед зеркалом, себе – поднимаю валяющийся на полу стул.

– Рин, послушай. Ты отправила человека в Ад. Формально – это убийство. Я могу поверить, что ты переживаешь по этому поводу. Хотя возникает вопрос – зачем ты это тогда сделала, но я его задавать не буду. Это твоё личное, а я тебе так... подруга.

Рин смотрит на меня тусклыми глазами. Впрочем, на дне – маленькая искорка интереса: конечно же, странно, что я так уверенно говорю о её «преступлении». Всё-таки это мистика, а нынче мистика – в моде. В неё играют, но не верят. И неожиданно не пытаюсь выяснить кого, когда и за что. Я продолжаю:

– Но юридически – нет. Поэтому ожидать, что тебя арестуют и накажут соответственно – не приходится. Чего ты хочешь добиться – демонстрируя Печать?!

– Не знаю... – это первые её слова с момента лихорадочного приветствия. Что же, прогресс. – Тошно мне.

Я хватаюсь за голову.

– Рин, ну ты пойми же: если тебе тошно – то не надо было этого делать в первую очередь. А теперь – ты уже сделала. Так или иначе – тебе с этим теперь жить. Да, тебе может быть настолько тошно – что и жить не хочется, но тогда вон – полный город небоскрёбов. Прыг – и всех делов!

Рин вздрагивает. Нет, не настолько ей тошно, чтобы «пораскинуть мозгами».

– А если нет – то надо жить с этим дальше. Раскаянием ты своей душе не поможешь – контракт необратим, и цену ты платишь в любом случае. Но прожить так, чтобы эта Печать хотя бы в жизни не была твоим проклятием – ты можешь. А для этого – в первую голову ею светить не стоит.

Рин криво усмехается:

– И как ты себе это представляешь?

– Что? – не понимаю я.

– Как жить, чтобы Печать не была проклятием. Вот она – на мне. Куда я от неё денусь?

– Это уже тебе решать. Но ведь и она от тебя никуда не денется – зачем заполнять ею все дни?

Рин пожимает плечами:

– Завтра или через пятьдесят лет... какая разница?

– Для тебя её нету?

– Есть. Хочется, чтобы поскорее всё кончилось.

– Я тебе предложила вариант. Ты на него не готова. Придумывай тогда свой. Но в любом случае...

– Скажи, – вдруг оживляется Рин. – я только сейчас поняла. Ты ведь не обо мне беспокоишься. Тебя волнует Печать. Почему?

Я невинно улыбаюсь.

– Ну, к примеру я не хочу, чтобы твоя Печать тут спровоцировала каскад вызовов Энмы Ай, как тебе такая версия?

Рин снова выдаёт кривую усмешку:

– Нет. Так себе версия. Удивительно, конечно, встретить аж двух взрослых девушек, верящих в это... Но вы верите по-разному. Это Фудзибаяси твоя – добрая и хочет всех спасти. Ты не такая. Симпатичная, немного смешная и немного замкнутая девчонка со странными манерами. Но внутри тебя есть жестокость.

Она вдруг резко протягивает руку и дёргает мою собственную кофточку.

– Нет, Рин. Печати у меня нету. Но в одном ты права: нету у меня и такого мотива. Но... если я скажу – что беспокоюсь о подруге, именно о Марии – поверишь?

– О подруге беспокоишься?.. – Рин подпирает рукой подбородок и смотрит куда-то вдаль. – Вот и я о подруге беспокоюсь...

Мне хочется сказать, что подруге, быть может – и не так уж плохо... Но нельзя. Но ведь хочется! И тут я снова удивляю сама себя. «Больше душ для Ада!» – говорите? Какая же я циничная, оказывается.

– Ну так проведай её.

Рин смотрит на меня расширенными глазами. Потом кивает. Не знаю, чего она себе там поняла – но кофточку запахнула наконец. Да и в движениях какая-то сила появилась. А то и целеустремлённость. Неужели таки решилась на самоубийство? Честно говоря – не хотелось бы мне на душу такой грех брать. Хоть я и так в Аду живу. Но, по-моему – она что-то другое себе придумала. Наверное – какие-нибудь спиритические штуки. А что – может быть и спиритизм настоящий бывает. Как Мария говорит: «Если есть Б-г – есть и дьявол.» Если есть мы – то могут быть и медиумы?

В любом случае – цели своей я добилась. Рин Печатью не светит и вообще выглядит намного живее.

– Ну что, пойдём?

– Угу.

На прежнем месте наших знакомых, конечно же не нашлось. Но – в наш-то век разве это проблема? Достāju коммуникатор, звоню Марии. Что к тому же мудро: мало ли там где она? Вероятность не велика, но нравится же ей Кешиширо – может уединились? Нет, не уединились. Сидят, ланч едят. Всей компанией. О как. А я и не заметила, что уже столько времени прошло.

Однако, насколько ожила Рин – настолько же приободрился и Кешиширо. Но если мои слова придали подруге целеустремлённость, то общество Марии буквально таки облагородило его. Вот, это уже тот бисёнан, в которого можно влюбляться. Впрочем, какую-то целеустремлённость я замечаю и в нём. Интересно, к чему бы это.

Выяснить, тем не менее, не удаётся. С нашим приходом все разговоры на какие-либо серьёзные темы (если они были вообще) – давно уже закончены и за столом происходит обычная болтовня. Ну, обычная – для этого времени и места. Всё-таки мы на фестивале анимэ и манги. Вот о них речь и идёт. Как ни странно – я совершенно выпадаю из дискуссии. Дело в том, что как-то не о чем говорить. Из того что я люблю – ничего не упоминается. Ну и ладно. Зато поем спокойно.

Потом разговор как-то переходит на печальную тему: ведь сегодня – последний день фестиваля. Хи-хи, я со всеми треволениями и забыла про это... Теперь понятно, почему Мария пыталась у меня порядок наводить: собираться же надо: ночным поездом возвращаемся. Но, как бы грустно расставаться ни было – закрытие фестиваля – это огромный праздник. Да и мы решаем это дело отметить. Мария, конечно же заявляет, что пьянство – это вообще вредно, «А для тебя, Дзюн, ещё

добавлю, что женский алкоголизм – не лечится» ...Пф! Никто собственно не заставляет её... Но, как ни странно – пожалуй, и я сегодня усердствовать не буду.

Ага. Сказала одна не-мёртвая девица. Ну, собственно на банкете, устроенном форумчанами, я действительно почти не пила и не шалила. Как та Машенька, которая не может больше. Потому что до того – пошла на последний круг по павильонам... И была угощаема неоднократно. Даже в цивилинном меня узнавали (впрочем, я же, в отличии от Марии, зелёную краску с волос так и не смыла!) В общем – получила свою толику славы, пофотографировалась с десятком парней... Нет, не жалею совершенно, конечно. Но можно было бы и поменьше. Например, лазать на модель гандама¹¹⁸, чтобы потом быть оттуда снятой секьюрити – было совершенно не обязательно.

В результате, вечер я провела тихо и относительно спокойно. И пришла в себя настолько, что в поезд грузилась не только совершенно самостоятельно (впрочем, до потери самостоятельности я и при жизни напивалась только один раз), но и будучи вполне трезвой и доброжелательной. Что несказанно радует Марию.

Ночь перед днём восемьдесят вторым

Так мы и едем, глядя в окно на ночную Японию и обсуждаем заканчивающееся приключение... как вдруг – мне даже не нужно смотреть на часы, и так ясно – ровно в полночь, Мария замирает. Приехали. Кто-то подал заявку на контракт. Ну, сейчас узнаем. Фудзибаяси возвращается к реальности. Вид у неё ошарашенный.

– Что? – спрашиваю я.

– Опять... – отвечает она и хлопает глазами.

– Что-то необычное? Ты совсем не своя.

– Понимаешь, Дзюн... Я уже почти привыкла видеть это. Даже думала, что это Б-г оказал мне милость и дал видеть как Энма Ай соблазняет на грех...

– Мария, я тебя очень люблю, – утомлённо перебиваю её я. – Но мы уже с тобой это обсуждали и даже согласились, что Энма Ай никого не соблазняет. Те, кто вводят имя на её сайте – уже готовы совершить грех убийства. И, в отличие от обычного убийства – за него гарантированно понесут расплату. Но... что же произошло сегодня?

– Да... собственно, я теперь и сама сомневаюсь. Ведь если это Б-г мне дал такую способность чтобы я могла попытаться отговорить их... Понимаешь – я лица не видела!

– Человек стоял к тебе спиной что ли?

– Да в том-то и дело, что нет. Я всегда вижу немного сбоку. Если бы я действительно там была – то стояла бы скорее почти рядом с Энмой Ай. И человек ко мне в полупрофиль.

«Ох, не Б-г тебе эту способность дал. – думаю я. – Подумай сама Мария, милая моя... рядом с кем ты стоишь? С человеком? То-то же. Как бы ей намекнуть-то? Ладно. Позже».

– То есть сейчас – вместо лица ты видела пятно?

¹¹⁸ Собственно упоминавшийся уже здесь сериал Gundam SEED (равно как и другие сериалы со словом «gundam» в названии) эксплуатирует устоявшееся название определённой стилистики Огромных Человекоподобных Боевых Роботов. В каждом сериале объяснение этого слова даётся по-разному, например, в SEED оно является аббревиатурой из первых букв полного названия типа роботов (обычно – совершенно безумного, как General Unilateral Neuro-link Dispersive Autonomic Maneuve system). Так что подвыпившая Нохацу, видимо, решила почувствовать себя Лунамарией и полезла в модель боевого робота.

– Именно!

– Н-да... Ситуация... «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...» А разговор-то хоть слышала?

– И разговора не было. Он всего лишь кивнул и сказал: «Да, я знаю, благодарю.» И всё.

Что за ерунда? Ну на самом деле: и зачем Марии показывать такое? Смысл в этом какой? Разве что – это был кто-то нам неплохо знакомый. И она через некоторое время узнает о произошедшем в деталях... чисто человеческими методами. Сложит, значит, два плюс два и получит новый кусочек понимания. Ну-ну. Вариант, конечно. А может быть – это побочный эффект. Но чего? Нет, должна быть какая-то связь между нечитаемым лицом клиента и самой Марией. Иначе это просто полностью алогично.

– Знаешь что... Я тебе, конечно, не могу сказать: «не бери в голову». Это будет совершенно не по-людски. Но раз такая странная и непонятная ситуация – ты бы лучше поспала часок, пока едем. Авось во сне твоё подсознание чего-нибудь и подскажет?

– Да, ты права... Остаётся только на него и положиться, – грустно улыбается Мария и действительно устраивается вздремнуть. А я прямо-таки слышу постукивание ногтей Хоне-Онны по клавиатуре. Сейчас придёт email и я-то буду знать, в чём тут дело.

Ага! Вот и письмо. Нормально так. Это Кешиширо. Заказал Рин. И уже развязал ниточку. Дальше – его разговор по возвращении в реальность вместе с куклой:

«– Так ты действительно беспокоишься за неё?

– Да... Я хотела бы с ней встретиться... Мы обе дуры были. И напорили совершенно ужасного. Но я всё же её любила.

– Хорошо. Тогда...

– Постой! Я ведь попаду к ней. Рано или поздно. Ты-то зачем это делаешь?!

– Я тоже любил её. До встречи!»

Ничего не понимаю. Он что – Рин-тян прямо у неё на глазах заказал? «Безумьем полон этот свет, полна безумьем Тьма. Иного объяснения нет. И я схожу с ума»¹¹⁹. Вот натурально – цитата в яблочко. И меня ждут. Ох. Ну, это где-то понятно. И обстоятельства я знаю (теперь – полнее кого-либо из нас), и вообще. К тому же Рин не только осознала, но и хочет... правильного. Поэтому издеваться над нею ни к чему, а наоборот – если «проводник» будет знакомый – может и ещё улучшится ситуация. Вообще, Ад, как говорит Маленькая Госпожа, «достаточно велик». Но я бы действительно хотела бы, чтобы они встретились. Вместе им будет... как минимум не так грустно.

Бросаю взгляд на спящую Марию и исчезаю.

Мы снова сидим в заброшенной раздевалке. Рин в растерянности – слишком резкая смена «декораций».

– Б-же! Это был сон? Дзюн-тян?

– Нет, Рин. Увы, это был не сон. Или к счастью.

¹¹⁹ Цитата из песни «Безумие», написанной Тимоти Хилсборо («в миру» – Дм. Протасов) и широко известной в русскоязычных ролевых и историко-реконструкторских кругах под названием «Дидли-Дидли».

– Но почему мы здесь? Ведь после того, как мы здесь поговорили – было ещё закрытие фестиваля, мы возвращались домой, я зашла к Кешиширо... – она мотает головой, пытаясь стряхнуть наваждение.

– Так и было. Просто так получилось, что наш разговор, оказывается, не закончен. Я на самом деле хотела спросить тебя, но не могла до сих пор: разве можно поступать с близким человеком?

– Так это было? – несколько непонятно спрашивает она.

– Да. Это было. И закрытие фестиваля, и всё... и Кешиширо пожертвовал собой, чтобы дать тебе возможность поскорее встретиться с Акиэ... и самому получить шанс встретить её. Позже.

– Значит это правда. – выдыхает Рин. – Ксо, никогда до конца не верила. Но что тогда здесь делаешь ты?

– Заканчиваю наш разговор. И составляю тебе компанию, пока ты ждёшь появления Госпожи...

Нет, определённо, когда люди друг-друга любят – они становятся похожи. Так и Рин – улавливает неожиданное обращение и дрожащим голосом переспрашивает:

– Одзэ... -сама?

Я немного грустно улыбаюсь и отвечаю:

– Да. Я – её помощница. Кстати, Акиэ-тян тоже переспросила меня, когда...

– Б-же! Я-то думала – отчего ты так всерьёз воспринимаешь Печать и вообще всё это... – восклицает Рин. Тут до неё доходит смысл второй половины моего ответа. Она заламывает руки. – Какая же я была дура! Нет, Нохацу-сан, нельзя! Это мой ответ, отныне и навсегда: так поступать нельзя!

Я улыбаюсь, теперь уже с удовлетворением и некоторой гордостью:

– Вы слышали, Госпожа?

Рядом появляется Энма Ай. Мне кажется, сегодня на её фуриходэ цветов больше обычного, оно как-то даже не воспринимается чёрным. И у меня чёткое ощущение, что она... как бы это правильно сказать?... Грустит, тоже гордится и капельку завидует.

– О, достойная жалости душа, смотрящая на всех свысока и причиняющая другим боль...

Рин слушает, затаив дыхание.

– ... шар кармы, погрязший в грехе...

– 一遍死んで見る？

– Да! – выдыхает наконец она.

Как же её... накрыло. Но, это – любовь, теперь я точно знаю.

Эпизод 21. Больше душ для Ада?

День восемьдесят седьмой

– При использовании инструментов, оперирующих образами дисков, на системных разделах – следует обращать особое внимание расположению партиций и назначенным буквам дисков...

Вот и кончилась эта сумбурная, тяжёлая и странная, но всё равно очень приятная поездка. Я снова сижу на лекции, краем уха слушаю (о, да, ещё при жизни я один раз феерически налетела ровно на эти самые грабли: бардак с партициями и буквами, еле прорвалась тогда...), но в общем-то всё равно бездельничаю. К моей великой радости – у нас затишье. Хоне-Онна, правда, отмечает усиление слухов об «Адской Почте» в «Канри», но заказов нету. Вообще странно – не подпитываемый слух

должен был бы затихнуть. А он наоборот – циркулирует всё сильнее и сильнее. Попробовать что ли вычислить источник, нагнетающий обстановку?..

Мария, кстати, тоже как-то угомонилась. Хотя она и пытается найти этого человека без лица, но не очень преуспевает пока. Да и, как мне кажется – не слишком старается. Что тоже не удивительно: то, что контракт уже исполнен – она знает. А миссию свою видит в предотвращении контрактов, а не в утешении «убийц».

В общем – единственная наблюдаемая вокруг моей основной работы активность – это некий полицейский, за которым присматривает Ичимоку Рен. Подал, оказывается, на одного якудзу средней руки... Пардон, для нашего города – практически одного из главных боссов. Это в общепонском масштабе – средняя рука. Уже неделю назад подал. Но Маленькая Госпожа отвечать не торопится. Отклонять контракт причин нету. Но и уверенности в намерениях потенциального клиента – тоже. Ну правда же: для современного полицейского вполне естественно не любить якудзу. Но до смерти ненавидеть... с чего? А если это он так, минутную вспышку гнева утолял (о чём косвенно свидетельствует и то, что с тех пор он на наш сайт не заходил) – то зачем нам жертвовать сотрудником, чтобы он невесть сколько времени пылился где-нибудь в тумбочке?

Так и живём. Спокойно. Рен следит за полицейским, Хоне-Онна работает в «Канри», я – делаю вид, что учусь... Кикири наматывает круги по городу, Ямаваро бегаёт за ней, ибо завод у неё кончается быстро, а голос при этом не выключается... И она вопит, требуя завести обратно. Чем занимается Маленькая Госпожа днём – я не знаю, а вечерами – играет со мной, Хоне-Онной и Ваньюдоу в маджонг. Кстати, Ваньюдоу отколол. Он теперь тоже делает вид, что учится. После того, как он поработал спорткармом в моих руках – сам решил попробовать поуправлять такой машиной. И хочет получить права. Я мечтаю посмотреть, как он площадку будет сдавать: за пять секунд или за десять?..

8Ваньюдоу, Хоне-Онна

На перемене мне звонит Ичимоку Рен.

– Дзюн-тян, что-то я упираюсь в тупик. Совершенно не вижу никаких зацепок. Да и по компьютерам ты вроде ничего не нашла?

– Нет, Ичимоку Рен-сан. Ничего...

– Значит, надо входить в контакт. Хоне-Онна согласилась пособлазнять Сахашу-сана (это наш якудза)... я, конечно, поработаю рядовым в линейном отделе – но это далековато от Асакура-сана. Давай мы его с тобой как-нибудь познакомим?

– Рен-сан, но ведь он – взрослый, почти пожилой уже мужик! Нет, я ничего против зрелых мужчин не имею, не думай. Но он-то! Или ты вычислил, что он любит юных девушек?

Рен усмехается:

– Юных девушек любят мужчины любого возраста, поверь мне. Только некоторые – скрывают. Но я думал о чём-нибудь, будоражащем его не мужские, а отцовские чувства.

– Эт-та... о таком я не подумала... Интересная мысль...

– Дзюн-тян, у тебя там что – гормоны играют? Так соблазни себе однокурсника!

– Суммимасэн, Ичимоку Рен-сан, но Вы – пошляк некуртуазный!

Рен заходится в хохоте.

– Ладно, к делу. – отсмеявшись, говорит он. – Есть варианты?

Я размышляю. И муж, и отец в общем-то имеют сходные мотивы: защищать и поддерживать. Но муж защищает в первую очередь материально (деньгами и кулаками), а поддерживает – морально. Отец же делает и то, и другое с позиции умудрённого опытом. Он скорее поможет советом. Или, если уж говорить о материальных вещах – то с тем, что априори недоступно ни одному сверстнику. И чем же умудрён наш полицейский? Ровно так полицейскими делами.

– Ну, я вижу два варианта: либо писать диплом по развитию криминалистики в Японии... Либо...

Теперь мой черёд хихикать.

– Суммимасэн, Рен-сан. Вы не против несколько неэтичных методов работы?

Рен озабочен.

– Смотря насколько неэтичных. И смотря насколько неприятных. Что ты задумала?

– Ано... Рен-сан, вот Вы говорили, что юных девушек любят мужчины любого возраста? Как насчёт трёхсотлетних цукумогами¹²⁰?

– Дзюн-тян, ты мне конечно нравишься... Но скорее как племянница. К чему ты клонишь-то?

– Вы не могли бы сыграть сталкера?

Я прямо так и вижу, как он чешет в затылке. Потом усмехается.

– Ладно. Но за это... сходишь со мной на дэйто. Потом.

Замираю.

– Рен-сан... Вы же сказали – как племянницу?..

– ... на стрелковый полигон! Никогда я эти громогласные штуки не понимал – объяснишь мне немного. А я, так и быть, покажу тебе пару приёмов для палки или катаны.

Уф-ф! Нет, Рен мне правда очень нравится. Но вот действительно – я-сейчасняя воспринимаю его как старшего брата или действительно дядюшку. А встретиться с ним при жизни – были бы друзьями. И вообще, если уж думать о подобного рода вещах – то, мне кажется, у них с Хоне-Онной... непростые отношения.

¹²⁰ цукумогами (付喪神) – демон, в которого превратилась очень старая вещь с богатой историей. Ичимоку Рен – цукумогами однозначно, да и Ваньюдоу тоже достаточно близок к этой категории.

Чем ещё хороша возникшая у меня идея – что её можно осуществлять параллельно со всеми нашими текущими занятиями. Сталкер – он же формально не мешает течению жизни своей жертвы. Просто изводит преследованием. Подарками, письмами, звонками... и просто – слезкой.

День девяностый, блин

... И, должна вам признаться – не знай я, что это Ичимоку Рен, я бы действительно была в панике и в бешенстве. Достал! Достал!!! Честное слово: какое счастье, что феномен сталкерства за пределы Японии практически не «экспортируется»! Европейские или среднеазиатские мужчины более прямолинейны и в тени не прячутся. Поэтому, в крайнем случае – их можно громко послать в лицо. А то и расцарапать оное. А тут – вертится кто-то расплывчатый на горизонте... Короче, я уже через два дня Реновской «атаки» была совершенна готова для контакта с потенциальным клиентом.

Дожидаемся момента, когда Асакура-сан обедает в переполненном ресторанчике (он одинок). В панике влетаю в зал, затравленно осматриваюсь – и падаю рядом с ним.

– Суммимасэн! – шепчу я сквозь слёзы. Слёзы, кстати, самые настоящие. Давая «отмашку», Рен мне в напутствие сказал кое-что... очень обидное. И хотя я понимаю – что сказал именно чтобы я расплакалась и всё было натурально. Но больно всё равно. Мог бы что-нибудь и помягче сказать. Я знаю – это он мне мстит за неприятную роль.

– Суммимасэн... – повторяю я. – Можно я посижу немножко с Вами? Хотя бы пять минут...

– Конечно садись. Это место свободно... – Асакура-сан делает приглашающий кивок. Потом поднимает глаза на меня. Я в это время судорожно извлекаю из сумочки платочек – промокнуть глаза.

– Что с тобой, девочка? – теперь в его голосе звучит неподдельное участие. Вот поэтому я и говорила о неэтичных методах: он-то сочувствует мне искренне!

– Суммимасэн... – в третий раз повторяю я. – Мне неудобно впутывать незнакомого человека в свои проблемы...

Тут бы наш разговор и закончился бы... Плохо я ему ответила. Но моя физиология приходит на помощь и я издаю мощный и очень жалостный хлюп.

– Девочка, я ни в коей мере не хочу лезть в тебе в душу. – говорит Асакура-сан. – Но на мой взгляд твои проблемы – не из тех, которые должны оставаться интимными. Поверь уж моему чутью старого полицейского офицера...

– Вы – полицейский? – смотрю на него с надеждой... надеюсь – убедительной.

– Да... Так что тебя так напугало? Хулиганы? Или?..

– Или... – хлюпаю я и «ломаюсь». – ходит за мной. Звонит. Письма шлёт. Как сталкер! Достал уже! А вот последнее – абсолютно искренне.

– Охо-хо... – вздыхает Асакура-сан. – И ты, конечно же, никому не говорила...

Теперь я могу лишь согласно хлюпать. Всё остальное он уже додумает сам. Но вообще да. Будь это чистой правдой, а я – *не* Нохацу Дзюн – никому бы не говорила. Это не европейская модель «если у тебя проблемы – значит ты лох». Это Япония. Где во-первых, у нижестоящих не может быть проблем для вышестоящих. Как факт. И где «сталкеров» быть не может. Он ведь ничего предосудительного не делает! Вот и терпи, женщина!

А расчёт был правильный: действительно, всё моё участие в дальнейшей беседе свелось к двум звукам: «хлюп!» и «у!». Асакура-сан провожает меня домой (ох, не зря мы сняли эту квартиру!) и оставляет свою визитку. Чтобы я звонила, если что.

Вхожу с замиранием. А как там Рен ждёт доклада?.. Нет, всё же он умница и лапочка. Нет его. Есть только Хоне-Онна, которая встречает меня сообщением:

– Ичимоку Рен очень извинялся за сказанное и просил передать, что действовал исключительно в интересах дела. Но поскольку его слова были действительно обидны – он просит прощения и не хочет досаждать своим видом «милой племяннице».

Потом переключается с официального стиля на дружеский и спрашивает:

– Что он тебе ляпнул-то, дурак эдакий?

– Хоне-Онна-сан. – немного через силу улыбаюсь я – всё-таки он меня крепко задел. – Если я это расскажу Вам – Вы на него обидитесь. А он, на самом деле и правда очень хороший.

Ха-ха! У меня сегодня снова два хвостика! Что ж они все так тянутся меня по голове потрепать? Хотя я и сама, помнится, к Маленькой Госпоже тянулась. Какой-то стереотип. А вообще – ласка Хоне-Онны мне приятна.

– Чоу! – произносит Энма Ай.

Сказать, что мы в шоке – это не сказать ничего. У неё уже выложена четвёрка в бамбуках... и она берёт Чоу в «людях», да ещё и «неблагородную». То есть которую не используешь для... Ксо, всё время забываю, как правильно этот маджонг называется. Ну, который типа «стрит». Всё. Масти у неё не будет, удвоение за «без Чоу» – тоже... Маджонг-брандахлыст, как я его называю. Да что же это такое с нашей эстеткой?

– Четыре человека. – выучено-бесстрастно произносит Хоне-Онна.

А я вдруг краснею и говорю:

– Восток.

Потому что понимаю: Маленькая Госпожа сделала этот некрасивый ход... для меня. Не для игры. А чтобы я поняла нечто БОльшее. Это упрёк в нечистой игре с Асакуро-саном. И я отвечаю единственно возможным образом: уже давно понятно, что мы столкнулись парами Восточных ветров. У неё пара и у меня пара сидит. Также неплохой вариант на самом деле – на «закрытие» маджонга. Но после этого упрёка я разрушаю свою. Потому что всё, что мы делаем – это для неё. Ваньюдоу смотрит... нет, не *на* меня. *Сквозь* меня. Каким бы штампом это не звучало. И, кажется, понял – и ход Маленькой Госпожи, и мой ответ. Он с одобрением кивает мне.

День девяносто третий

– Асакура-сан! – реву я в телефон. Если честно – реву я потому, что пребольно ударились голенью о сервер, оставленный Тенджином на самом проходе. Но повод позвонить у меня есть: Рен, похоже, решил «оторваться» на этой роли «по полной» и сыграть того, кем он никогда не был и не будет. Полного извращенца какого-то. Вот и сейчас я звоню Асакура-сану потому что наблюдаю у себя на рабочем столе коробку от DHL, заполненную... полосатыми панцу¹²¹. Кстати, это вдвойне обидно, потому что полосатые панцу – признак цундере¹²². А не яндере вовсе...

¹²¹Панцу – и снова заимствование. Правда в Японии английские «pants» (брюки, штаны, кальсоны, трусы) – означают именно трусы, а чаще всего – именно женские трусики.

¹²²Если можно так выразиться – закон жанра сёнэн: если девушка мелькнула полосатыми трусиками – она почти гарантированно относится к архетипу цундере. Впрочем, в сериале «К-Он!», как минимум, этот закон был нарушен.

Мы встречаемся. Он выслушивает мой сбивчивый рассказ, односложно утешая меня. В паузах – рассказывает, что предпринял для поисков моего «сталкера». И я даже не знаю – сбивчива я исходя из роли и общего настроения (всё же Рен давит на меня нешуточно)... или от того, что слышу.

– Нохацу-сан... – говорит наш потенциальный клиент, – Не поймите меня как если бы я прячу некомпетентность. Но преследующий Вас сталкер... боюсь, он не человек. Или человек, обладающий сверхъестественными способностями. Потому что на рациональном уровне...

Ксо. И ещё раз ксо. Ичимоку Рен заигрался и почти спалился. Аргументы Асакура-сана – непрошибаемы. Значит игру надо скорее сворачивать. Но мы так и не сдвинулись с мёртвой точки: почему сам-то Асакура-сан?.. Попробую сыграть ва-банк.

– Значит – мы бессильны? Мне никто не поможет, даже Дзигоку Сёдзэ... если она есть?.. Я должна терпеть?

Есть контакт. Его прорывает.

– Бессилие. Самая страшная вещь. Прости, что я тебе это рассказываю... Но я не просто так старался тебе помочь. Один мерзавец обесчестил дочь моего брата. И я – полицейский офицер – ничего не смог сделать. Ни чтобы защитить её, ни хотя бы отомстить. Потому что слишком сильные у него были покровители. Ты будешь смеяться – но я, я! Пытался обратиться за помощью к Адской Девочке. И тоже не получил ответа. И тогда я решил – что постараюсь защитить хотя бы других... Но и тут ничего не могу сделать...

Он вдруг дёргает подбородком. Глаза сузились в какой-то бешеной решимости.

– Гоменнасай, Нохацу-сан. Я не могу Вам помочь. И вынужден Вас покинуть. Пожалуйста, забудьте обо мне.

– Асакура-сан! – я буквально висну на нём. – Стойте!

И тихо, почти шёпотом:

– Вы решили убить этого человека сами. Зная, что у него сильные покровители и Вам отомстят?

Он смотрит на меня с удивлением: не ожидал такого быстрого... ну, что я так быстро пойму его действия.

– Да.

– Если Вам никто не поможет – Вы всё равно сделаете это сами?

– Да.

Отпускаю его.

«Вы слышали, Госпожа?»

Мы стоим под огромным деревом. Кроваво-красный закат играет с нашими лицами. Я – всё ещё рядом с Асакура-саном. Напортив нас – Энма Ай и Хоне-Онна. Но кто из нас – мечь, кто орудие её? Он ли мстит? Или она, Хоне-Онна? Закат связывает нас. И это правильно. Клиент дёрнет нить очень скоро, выбор Маленькой Госпожи обоснован и логически: главному заданию моей старшей подруги это не помешает. А на самом деле – все мы в закате. Хоне-Онна любит мстить тем, кто обижает девушек.

– Хоне-Онна. – произносит Маленькая Госпожа.

Та склоняется и закидывает за шею шнурок своего оби, превращаясь в красную соломенную куклу. Кукла опускается в протянутую руку Энмы Ай.

– Бывает так, – говорю я, – Что истинные намерения человека непонятны. И тогда Маленькая Госпожа посылает своих помощников понять – насколько сильно желание мстить...

– Возьми это. – произносит Энма Ай, протягивая Хоне-Онну нашему клиенту. – Потянешь за красную нить – тем самым ты формально заключаешь контракт со мной. Душа твоего обидчика будет немедленно отправлена в Ад.

Асакура-сан держит Хоне-Онну двумя руками. Я уверена – он знал, он был готов... Но всё равно поражён. Не верит.

– Однако, заключив контракт – ты должен заплатить. Прокляни кого-либо – откроются две могилы. И твоя душа тоже отправится в Ад. Неспособная уйти в Небеса, она вечно будет скитаться по Аду в тоске и одиночестве. Впрочем – это когда ты умрёшь сам...

Мы стоим на улице. Хоне-Онна в его руках. Едва слышным шёпотом – последние слова формулы введения в контракт:

– Остальное – решать тебе.

Асакура-сан ошарашен. Я мягко беру его за руку и опускаю их (руку и Хоне-Онну) в карман его пиджака. Не надо светить, не надо. Это моё действие возвращает его к реальности:

– Ты видела. – он утверждает. Не спрашивает. – Ну, тогда пойдём. Досмотришь до конца. Может быть тебе будет легче от того, что не все стalkerы остаются безнаказанными.

Мы стоим в переулке, выходящим на «наш Синдзюку¹²³» – кусок проспекта и прилегающих к нему улиц, отведённые в нашем городе под казино, бары... и другие заведения. Несмотря на вечернее время – трафик достаточно плотный. И даже несмотря на откровенно наглое поведение и расступающийся перед ними поток – три леворульных чёрных «Мерседеса»¹²⁴ продираются через него медленно и с трудом. Проходит минута – и вот они уже напротив нас.

Асакура-сан опускает руку в карман и изменяется в лице. Рядом возникает Маленькая Госпожа.

– Контракт отозван.

– Что?! – Асакура-сан чуть не кричит.

Стоящая рядом Хоне-Онна, снова – как девушка-гейша (когда только появилась?) объясняет:

– Контракт отзывается если объект контракта покидает мир живых по иным причинам.

– Но они же едут! Что же вы мне!...

Асакура-сан в ярости лезет под пиджак и достаёт пистолет. Ну да – он же полицейский офицер и табельное оружие ему положено. Хоне-Онна цепенеет. Маленькая Госпожа... не знаю. Возможно – тоже оцепенела. Всё же она девочка. А может быть просто наблюдает развитием событий. Только вот мне оно не нравится. Потому что я – не обычная японка. И потому что я знаю: Хоне-Онна сказала правду. Нет объекта в мире живых. Совсем другая женщина, мать другой девушки развязала ниточку на шее Ваньюдоу. И если он сейчас начнёт стрелять – не добьётся ничего: бронестёкла выдержат несколько пуль. Охрана, ещё не знающая, что случилось – изрешетит его. А смысл?

И реакции у меня прижизненные ещё прорываются. Резкий удар ребром ладони под кистевой сустав, правая рука сверху накрывает ствол пистолета. Пальцы Асакура-сана рефлекторно расслабляются и, ударившийся о мою руку пистолет летит на землю.

– Стой же ты! – зло шиплю я.

¹²³ Синдзюку – квартал развлечений в Токио

¹²⁴ Современные якудза обожают европейские автомобили с левым рулём – за ввоз их приходится платить большую пошлину, поэтому такая машина с первого взгляда определяется как стоящая дороже, чем её «собратья» по классу.

Кортеж останавливается посреди проспекта. Из передней и задней машин охраны выскакивают парни, открыто держащие автоматы («пистолет-пулемёты, дура!» – подсказывает мне прижизненная-я) в руках и готовые вести круговую оборону. Разные мальчики, но в чём-то одинаковые. Клоны бездушные. Один из них распаивает дверцу пассажирского купе среднего «Мерседеса». Там пусто.

– Гоменнасай, Асакура-сан. Мы вынуждены покинуть Вас. Пожалуйста, поскорее нас забудьте.

Хоне-Онна недоумевает:

– И зачем ты его останавливала? Мало того, что опасно, так ещё и бессмысленно – ничего бы своей пальбой он бы не изменил!

Я чувствую тепло на предплечьи. Это рука Маленькой Госпожи.

– Вот именно. Ничего.

Эпизод 22. День рождения Фудзибаяси

День девяносто пятый

– Дзюн-тян, а Дзюн-тян! – Мария шепчет мне только я успеваю плюхнуться за парту: кое-какие привычки я никак изжить не могу, и даже не смотря на то, что просыпаюсь куда как заранее – всё равно на первую пару опаздываю permanently. На две-три минуты, но опаздываю. А Марию, видимо, настолько не терпится поделиться какой-то новостью, что она до перемены подождать не может.

Впрочем, я даже знаю, что это за новость. И отвечаю на её шёпот:

– С днём рождения, Мария!

Та просто расцветает.

– Ты запомнила!

– Мы же подруги, как я могла! – улыбаюсь я. – Подарок вручу на перемене, подождёшь?

В качестве подарка – юката¹²⁵. Лёгкое и очень красивое. Подбранное совместными усилиями меня и Хоне-Онны. А потом – продемонстрированное Маленькой Госпоже. Которая даже удостоила нас одобрительного кивка. Ну, действительно – дарить же надо то, что самой нравится. Вот и мы подобрали такое красивое... С нехарактерным в общем-то рисунком – эдакие цветы-вьюнки по всему полю.

– Подожду, конечно! Но тебе сразу скажу: я вечером устраиваю небольшое празднование. Поскольку вместе с родителями – то в традиционном стиле. И ты – приглашена.

Я обрадована и смущена. Дело в том, что у меня нет ничего подходящего. Вопрос одежды перед нами не стоит, мы, так сказать, создаём одежду по необходимости. Как Хоне-Онна может из девушки в брюках, маечке и причёской «конский хвост» мгновенно превратиться в гейшу при полном параде и соответствующей причёске... Так и все мы. Но, не знаю, как у мальчиков... А у меня постоянная проблема: одежду-то я создать могу. Но не могу придумать – что конкретно создавать.

На самом деле здесь я вижу какую-то пугающую корреляцию с христианскими убеждениями Марию. Ведь её религия утверждает, что дьявол не может ничего самостоятельно создать, а лишь перемещает и перемешивает. И всё, что мы умеем – это перемещение и перемешивание.

¹²⁵ Юката – лёгкое хлопчатобумажное кимоно

Перемешиваем и создаём новую мозаику из людских воспоминаний... А я ещё и костюм сама придумать не могу. Такие дела.

– Гомэ, Мария... А когда?.. Понимаешь... у меня нет юката... А днём я работаю. Я успею купить после работы?

– Конечно! – Мария готова «протянуть мне руку». – Давай я к пяти подъеду к «Канри Сольюшенс» и мы всё купим! Потом забежим к тебе, переоденемся и...

Ух ты! Целый план разработала. Хотя, подозреваю, так оно и было: отсутствие у меня юката вполне легко просчитывается исходя из моей «легенды». Так что Мария вполне возможно продумала этот момент заранее.

– Аригато гозаймошта¹²⁶ – заливаясь румянцем, отвечаю я.

Ну и ладно. Потрачу кусок зарплаты и куплю настоящие юката, оби... И гэта¹²⁷ тоже куплю, вот. Они прикольные. С двумя вертикальными «стоечками». Очень смешные сандалии.

А в «Канри» мне поработать не дают. Стоит только появиться – вызывают «на ковёр». Я в панике. Перебираю свои прегрешения, но ничего кроме неожиданной поездки на фестиваль вспомнить не могу. И поскольку я всё же «сдельная» работница – не такая уж это великая проблема. Наоборот, последние дни (особенно после возвращения) – я сворачиваю горы и... эт-та... разравниваю реки? Кстати вот действительно: в СССР были проекты разворота рек и срытия гор. А если горы сворачивать – то реки же надо разравнивать?..

Дурь всякая в голову лезет. Потому что я паникую. Сколько меня Хоне-Онна не упрекает за излишне серьёзные отношения работы-прикрытия – всё равно начальства трепещу. Хотя, как там Коровьев говорил: «Я имею честь состоять в свите того, чьи возможности...»¹²⁸ Не помню. Смысл помню, саму цитату – нет.

«На ковёр» же меня, оказывается, вызывают по совершенно обратной причине. После недавней установки ISA-сервера одному клиенту, страдавшему от перегруженного канала (как выяснилось, там некоторые сотрудники ничтоже сумняшеся торренты качали как из пушки)... Короче – клиент прислал благодарственное письмо, где всячески расхваливал «Канри» в общем, и Нохацу Дзюн в частности. И начальство решило, что это хороший момент устроить мне обещанный ещё при найме карьерный скачок. Немного обидно: у меня есть чёткое ощущение – что вся история уже близка к завершению. Не думаю, что за день-два, но всё же. Интуиция подсказывает мне: я здесь отработала больше половины отпущенного срока. Но и упражнения на сей раз получают только для поясницы. Потому что улыбку изображать не приходится. Она у меня вполне натуральная. Правда, помимо того, что «радостная» – ещё и «злая». Всё же я успею немножко отомстить за «кота без улыбки».

Возвращаюсь в наш кабинет с красивым пенальчиком, в котором свёрнут приказ о повышении. Первым делом – заглядываю к Хоне-Онне. Она мгновенно оценивает ехидную ухмылку на моей физиономии и радостно шепчет:

– Ну, Дзюн-тян, показывай, что у тебя там?

¹²⁶ Аригато гозаймошта (ありがとうございました или 有難うございます) – формальная и очень вежливая благодарность. «От всей души благодарю Вас за ваше участие» – примерно так.

¹²⁷ Гэта (下駄) – деревянные сандалии для ходьбы по грязи: на двух высоких «каблукках», напоминают скамейку. В современной Японии носят и просто так, в сочетании с традиционным костюмом.

¹²⁸ Нохацу пытается процитировать из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова.

– О! – говорю я и разворачиваю перед ней свиток.

– О! – отвечает Хоне-Онна. Смешно – один-единственный звук, а сколько разных эмоций: я произносила это как «ха! Смотри, какая я крутая!», а Хоне-Онна – с одобрением и... уважением.

– Ну, что, Нохацу-сан, – говорит она уже в полный голос. – В свете вашего вступления в должность начальницы отдела вам следует провести собрание среди сотрудников... Раздать задания... Возможно – организовать вечер для неформального общения и празднования вашего назначения...

За перегородкой что-то падает. Я даже знаю – что. Это Аруно-кун роняет отвёртку, которой он курочил очередной сервер. Бе-бе-бе! Кстати, вообще это очень хорошо, что меня наконец продвинули. Потому что мне постоянно приходится заниматься каким-то чудовищным тупняком. К тому же, Аркно-куну (и ещё нескольким мальчишкам, с которыми у меня контакт чисто рабочий) – наоборот часто сваливаются задания, которые я бы сделала быстро и правым мизинцем, а они ковыряются часами и по стоицот раз звонят мне с вопросами. Теперь же я «сiju» на потоке заданий и раскидывать их буду умнее. Хи-хи. Так и чувствую ироничный взгляд Хоне-Онны мне в спину. Опять я слишком серьёзно к «прикрытию» отношусь. Ну... вот такая я зануда!

Вот и славненько. Произнесла речь. Мальчишкам очень понравилось, а Хоне-Онна смотрела укориженно: я ведь не умею формальные речи произносить, а потому сразу взяла шуточный тон. И вплела в спич кучу гайдзинских армейских шуточек. Типа «сапоги надо чистить вечером, чтобы с утра надевать на свежую голову». Ну, эта была к тому, что деятельность надо планировать заранее... И в пятницу – пьём сакэ. Что-то я даже устала. Но тут уж – надо. Традиция же.

А сейчас я вышла из офиса и вижу – Мария уже дожидается. Мне тепло на душе: она в моём юката. В смысле – том, что я ей подарила. Вроде мелочь – а как приятно, что твой подарок так принят. И... не зря я привлекала Хоне-Онну. В этом кимоно Фудзибаяси просто прекрасна. Идеально ей подходит, ничего сказать не могу. Сама я бы так не выбрала, сто пудов.

– Привет, Дзюн-тян, – машет она мне рукой. – Ну, что, освободилась? Поехали по магазинам?

Я радостно киваю.

Поездка получается несколько дольше, чем я ожидала. Дело в том, что Мария – не Хоне-Онна. И отточенного за двести лет вкуса у неё нет. Поэтому юката для меня мы выбираем из трёх «прошедших первичный отбор» в одном магазине, потом едем в другой, там рассматриваем ещё четыре других, потом возвращаемся в первый... Нет, мне всё это ужасно нравится, и я получаю от этого огромное удовольствие. Я, как говорится, не жалею, я просто констатирую факт: было классно, но времени заняло больше ожидаемого. Наконец (и как всегда – внезапно) – мы натываемся на совершенно потрясное юката в третьем магазинчике, который вообще замечаем совершенно случайно, проходя мимо. Такое, ух, прям такое! Чёрное, и по всему полю – синие и лиловые цветы вроде колокольчиков. А я ещё при жизни от колокольчиков теряла разум. Обожаю!

После выбора юката с оби проблем уже не возникает: понятно, что нужен голубой, либо вообще без рисунка, либо с серебристым или оттеночным цветочным узором. Каковой мы и находим достаточно быстро. Но в результате, когда мы выходим из моей квартиры – на улице уже темно. Марии это не повредит – до начала празднества время ещё есть, её родители работают допоздна, да и некоторые приглашённые – тоже. Поэтому мы планировали просто посидеть у неё дома до прихода гостей. Но вот задержались. А для двух юных девушек в красивых юката – сейчас всё-таки уже поздно. И Мария ещё (ох, у неё от чувства ответственности перед гостями и предвкушения

праздника совсем голову отключило!) – тащит меня срезать дорогу от автобусной остановки до её дома через переулки...

Ксо. Не успеваю это подумать – то чего я и опасалась. Четыре парня преграждают нам дорогу.

– Девочки-красавицы! – начинает один из них, явный лидер. – У вас праздник? Как здорово! Может быть вы поделитесь им с несколькими обаятельными юношами?

Не знаю, гоп-стоп это или чего похуже. В любом случае – ничего хорошего нам с Фудзибаяси не светит. У меня образуется пустота в коленках. Судя по захлёбывающемуся вздоху Марии – она тоже испугана почти до обморока. И вот это меня и выводит из ступора. Ксо, я же... не обычная японская девушка! Натягиваю на лицо доброжелательную улыбку... впрочем, доброжелательная она лишь на первый взгляд: придя в себя и почувствовав страх подруги – во мне просыпается злость. Вообще – ненавижу гопоту!

– По слову «поделиться» – беги! – шепчу ей, и подхожу к главарю. – Верно, мальчики... И как же мы можем поделиться радостью?

Слышу топоток убегающей Марии.

– Ой. Кажется, моя подруга что-то не то подумала... Но...

Гопнички мои сначала напряглись, увидев бегство Фудзибаяси, но я-то ещё тут. А мои слова, спокойные достаточно и неопасные – заставляют их расслабиться. Типа я-то ещё в их руках. Козлы! Но... just as planned. Я всё ближе и ближе подхожу к ним... И даже кладу главарю правую руку на плечо. Ну, понеслась! Сейчас вы узнаете, что среди девушек попадаются Нохацу!

Из моего левого плеча выстреливает кабель шестой категории, я ловлю его правой рукой и захлёстываю вокруг шеи главаря. Одновременно с этим смещаюсь вбок и почти за его спину – закрываясь его телом от двух его дружков. Оставшемуся за моей спиной достаётся отличный пинок в грудь. Как чувствовала, что надо гэта, а не дзори покупать: судя по звуку, «стоечки» ломают гопничку пару рёбер.

До оставшихся доходит, что дело пошло несколько в разрез с их планами. И что их численное преимущество сократилось практически вдвое: главарь ещё пытается достать меня левой рукой (а он правша, до кучи), но я успешно блокируюсь... и жду, пока не придушу его. Убивать я его не собираюсь, но отключить – хочу.

– Сучка! – кричит один из двух «не охваченных» и достаёт «складень».

Ну, сам напросился. Я – вполне честная девушка. Но отмороженная, да. Не надо на меня ножиком махать. Я и сама это неплохо умею. Мизинец моей свободной левой руки превращается в ещё один патчкорд, которым я захлёстываю его руку с ножом и дёргаю его на себя. Парень теряет равновесие... и получает то, что я больше всего люблю в отношении мужчин, «позволяющим себе» в отношении девушек: добрый удар деревянной сандалякой промежду ног.

Ксо, а последний-то – не дурак. Обходит уже хрипящего главаря спереди и готовится приласкать меня... Не успеваю заметить – обрезок это водопроводной трубы или чего-то вроде... В общем – короткая дубинка весьма впечатляющего вида.

К счастью, я при жизни ещё была той ещё драчуньей. И регулярно махалась (по сходным поводам, что характерно) со всякими ливанцами и египтянами. Поэтому решение приходит мгновенно: смещаюсь ещё дальше за спину главаря, выигрывая себе несколько мгновений. Одновременно – подтягиваю скорчившегося парня с ножом, сокращая длину трансформированного мизинца. Отлично, ему совсем не до того, пальцы слабые. Вынимаю нож из руки. К сожалению, в силу понятных обстоятельств сейчас я трофей могу держать только «по пиратски» – лезвием вниз. Впрочем, так

блокироваться и легче. Поэтому один удар дубинки я принимаю на тыльную сторону «складня», а второй – на голову главаря.

Отлично. Просто прекрасно. От этого удара он окончательно отключается и больше не стесняет меня. Потанцуем, мальчик?

Перекидываю нож в левую руку. И теперь он смотрит вверх. Это не пиратский хват, которым можно разве что плечи резать. Это уже серьёзно. Да и оппонент, кажется, догадался, что я не только не дура подражаться, но и левша. А от моей кровожадной ухмылки паникует ещё больше. А я действительно в кровавом тумане. «Соблюдайте чистоту, убивайте гопоту!» Только слабо тлеющая искорка жалости – я же буквально вся – преимущество: и драться умела мала-мала; и не-мёртвая я, что мне его дубинка на самом-то деле?.. Да и просто психологическое преимущество: они «поехали» на девчонку в юката... а получили отмороженную фурию. В общем – он явно паникует и стремится покончить со мною одним ударом. Решение верное... Но опасное. Прямой вертикальный в голову меня бы, наверное, выкинул из реальности живых на некоторое время и позволил бы ему смотаться (а о другом он уже и не думает). Но это удар «ва-банк». Нанося его – он весь открыт. А реакция и скорость у меня далеко не человеческие. Помноженные на ненависть.

Поэтому я легко ухожу от удара, хлопаю его по затылку – он и так весь летит вперёд, надо только помочь... И насаживаю его на ножик приятеля. Удар в правое лёгкое – не смертелен. Через пару минут его дружки придут в себя и отволокут его в реанимацию.

Так. А теперь надо сообразить. Главарь придушен и получил удар по голове. Минут пять потери памяти гарантировано. А вот остальные – запомнят вылетающие из меня кабеля. Нет, это не есть хорошо. Добавляю с ноги Ломаным Рёбрам и Евнуху по голове. Теперь и у них сотрясение. Последнего жалею. Всё же и дрался он лучше всех, и пострадал сильнее. Поэтому ему я лишь перемешиваю память и рисую воспоминания.... о совсем уж крутой, но без абнормальностей девушке.

Уф-ф... Вроде разобралась. И на душе как-то легче. Я правда ненавижу таких молодчиков. Ещё когда жива была – ненавидела. Остаётся одна проблема: Фудзибаяси. Что я ей буду говорить? Да ну, право... Скажу, как всегда – не солгав, но и не говоря всей правды. Имела я же опыт драк там, где жила до Японии? А что реагирую «неадекватно» и вместо паники (которую, кстати вполне соответственно образу испытала в первый момент) – так я же почти гайдзинка. Всё. Не забивай себе голову, Дзюн! Пора догонять Марию.

Что оказывается сделать даже легче, чем я полагала. Мария добежала до ближайшей освещённой и более-менее людной улицы, упала на ступеньки какого-то магазинчика и плачет.

– Ой, Мария. – говорю я, чуть касаясь её плеча.

Она поднимает голову и глядит на меня радостно... и с недоверием.

– Дзюн... Ты... – хлюпает она.

– Жива, здорова. И бодрее чем раньше. А вот у тебя – тушь потекла. – заявляю я.

– Но...

– Мария. Ты забыла, что хотя меня зовут Нохацу Дзюн – я не совсем японка по сути. – меня переклинивает. – Ненавижу этих тварей. И если тебе будет легче, скажу: я никого не убила.

Фудзибаяси смотрит на меня сквозь слёзы как на какое-то нереальное существо. Ну, да, я не совсем соответствую понятиям о рациональной реальности. Но... Я сажусь перед нею, достаю из

сумочки-мешочка-кошелек (ну, знаете, такой, на завязочках, который девушки с традиционными кимоно носят) платочек и привожу её в порядок.

– Ну, не плачь уже. Всё хорошо. У тебя сегодня день рождения. Скоро придут гости и будут тебя поздравлять. Они тебя любят...

Мария вдруг утыкается мне в плечо и ревёт с новой силой.

– Но ты!...

Я мгновенно понимаю её.

– Мария... А я могла поступить иначе?

– Нет... Но ты...

Перехожу на ёрнический стиль.

– Ога. Появилась аки принц на белом коне, раскидала врагов и вообще исправила кривду. Мария, пойми наконец: ты моя дорогая подруга. Я просто не могу иначе. И, к счастью, таки очень могу.

Я тоже не слишком понятна. Но Мария мысль ухватывает.

– Почему? Почему ты меня спасаешь? Я тебе так нужна?

А вот на этом моменте я малость выпадаю в осадок. В общем-то вопрос закономерный. Но чувствуется в нём какая-то странность. «Никогда ещё Штирлиц не был так близок к провалу» – вспыхивает в моей голове цитата. Но ответ не меняется.

– Нужна. Ты – моя любимая подруга. Забудь о юри. Просто – я не могу себе позволить потерять тебя. Даже ценой доверия.

Палево, палево и ещё раз палево. Мария умна, наблюдательна и голова у неё работает как надо. И логика, и интуиция. Если она видела (или увидит в ближайшем будущем) историю с Асакура-саном – я сгорела. В смысле – спалилась. И она поймёт, что я есть на самом деле. Но... мне вот пофиг. Потому что я действительно не могла иначе. Потому что она – моя любимая подруга. Вот так. И иного ответа я не приемлю.

Эпизод 23. Странный союз

День девяносто девятый

– Хаканаку чи-итта хикари га...– напеваю я любимую песню группы «High and Mighty Color»¹²⁹, разбираясь с нашим сервером. Песня действительно хорошая, плюс к тому же – была первым непопсовым опенингом в сериалах Gundam SEED и Gundam SEED Destiny. Да и мою любимую Лунамарию в той заставке показывали много. В общем – по всем статьям приятная песенка.

А вот с сервером история как раз *не* приятная: как-то мало на дисках места осталось. Ну, кое-что я, положим, заархивировала, но всё равно. К тому же не понимаю – что, собственно говоря, отжирает такой кусок дискового пространства – база данных-то наша не так уж велика, я это первым делом проверила. В общем – нудно считаю объёмы каждой директории.

Ого! Вот оно, кажется. Где-то в профилях пользователей живёт что-то... крупное. Интересно, у кого? Посмотрим... epma.ai – практически пустой. None.opna – великоват, но без фанатизма... Всё равно гляну... А, ну, коллекция фотографий кимоно. Лишать подругу такой красоты я не могу... Наоборот, попрошу показать мне её. Конечно, я и сейчас, как администратор могу это сделать – но

¹²⁹ Имеется в виду песня «Pride».

неэтично. Едем дальше. Ichimoku.ren – тоже без фанатизма. Смотреть что там – не тянет: вдруг там хентай¹³⁰ какой? Мальчик всё же. Nohatsu.jun... Мамочки! Что это? Что это у меня такое огромное? Это, получается, мой профиль и виноват... Так. Рабочие директории – в порядке. А в одной из служебных – ну-ка, ну-ка... Огромный файлище с ничего не говорящим названием stream.dat И что там внутри?

Хи-хи-хи! Всё, больше не буду вести полевые записи. За ненадобностью. Оказывается – этот stream (поток) – натурально поток. Поток моего сознания. Начинающийся с первого включения нашего сервера, и заканчивающийся... Перехожу в конец файла и наблюдаю, как он обновляется словами: «Перехожу в конец файла...» Стоп! Надо выходить из рекурсии. Прыгаю обратно в начало и размышляю – что же с ним делать? А, хорошая мысль, кстати возникает: сейчас я из него вырежу кусок примерно до сегодняшнего дня в отдельный файл, поудаляю не интересное (которого, конечно же гораздо больше) и можно будет держать его как эдакий дневник. Да, и не забывать регулярно чистить собственно исходный stream.dat... Но смешно, реально смешно: никогда бы не подумала, что у меня с серверами *настолько* тесная связь! А вот в базу данных куски этого файла тупо класть не получится: оказывается, думаю я до сих пор по-русски. Так что рабочие части надо будет переводить.

А кто это стоит у меня за спиной и нахально таращится в эту кириллицу? Оборачиваюсь. Ну конечно – Ичимоку Рен. Ксо, совсем забыла же с этим сервером! Я ведь ему пообещала дэйто на стрельбище. Вскиваю:

– Гоменнасай, Ичимоку Рен-сан. Я готова!

Тут в мою голову влезает ехидная мысль и одежда на мне меняется: теперь я одета в женскую форму регулярной служащей ZAFT (из того самого «Гандама»). Заколкой-невидимкой креплю на голове пилотку и поправляю два хвостика. Рен смотрит на меня с удивлением.

– Что это?

– Я, хи-хи, подумала, что так у нас будет забавная инверсия одной сцены из сериала!

– Какой это?

Я открываю свой лаптоп и показываю ему эпизод, где Асланчик учит Лунамарию стрелять из пистолета. Действительно же инверсия получится: в сериале мальчик в цивильном учит девочку в гвардейском мундире стрелять... А у нас – девочка в регулярном мундире (если бы не цвет волос – я была бы полной копией Мэйрин¹³¹) будет учить мальчика в цивильном. Рен, кстати, шутку оценивает и копирует одежду Аслана. Ему тоже идёт... Ну, Рен вообще парень красивый.

Переносимся в нашу квартиру: увы, сразу на полигоне возникнуть нельзя – люди же ошалеют! Но, поскольку сегодня выходной – добираемся мы быстро. К тому же, мне в «Канри» ведь с повышением – машину дали для развозов по клиентам. А права я... сделала. Как будто они у меня уже были. Ибо учиться нормальным образом – лень. Я и так на права дважды сдавала: в России и в Эмиратах. Ну, а раз за рулём Дзюн – значит едем рациональным маршрутом на предельной разрешённой скорости:

¹³⁰Хентай – анимэ– или манга– порнография. На самом деле «хентай» (変態 или へんたいい) означает «странный/ненормальный» и может употребляться как характеристика: «ты – хентай!», причём не только по отношению к мужчине, подглядывающему за купальщицами из кустов, но и по более невинным поводам.

¹³¹Мэйрин – служит диспетчером (CIC) на том же линкоре, к которому приписан гандам её старшей сестры Лунамари. Аслан (Зара) – персонаж обоих сезонов SEED, один из двух самых главных героев сериала – умный и тактичный парень, типичный офицер и рыцарь. Обе сестры в него влюбляются, но в силу определённых поворотов сюжета (далеко не полностью зависящих от этих трёх) – Аслан достаётся таки Мэйрин.

нарушать я не люблю, но и медитативно тащиться в левом ряду¹³² – тоже. В колонках играет всё та же «Pride».

Что интересно – Рен натурально делает те же ошибки, что и Лунамария: изгибает кисть, дёргает спусковой крючок...

– Рен-сан, – терпеливо объясняю я. – Как бы Вам не обидно это было слышать, но и огнестрельное оружие – тоже оружие. А значит – продолжение руки. Поэтому – держите пистолет прямо, указывайте им на цель, как указывали бы пальцем!..

Рен внимает. И у него начинает получаться, причём практически моментально. Всё-таки он и сам – был оружием.

– Отлично. Теперь переходим к менее интуитивно-понятным агрегатам. Вот штурмовая винтовка «Тип 89»...

С «двуручным» автоматическим оружием дело идёт туже. Но тоже продвигаемся. Пока Рен осознаёт эти штуки, отстреливая несколько магазинов одиночными и короткими очередями, я, ради собственного удовольствия всаживаю в мишени ленту из пулемёта «Тип 62». Хоне-Онны рядом нету, упрекать меня в любви ко «всевыпиливающим машинганам свинца» некому.

– Ичимоку-сан, Вы слишком фокусируетесь на технике. Оно правильно, конечно, но это ведь тоже оружие, простите за повтор. Значит – его нужно прочувствовать. Посмотрите на него. Оно ведь тоже обладает своим характером: шумным, подвижным... вот мой пулемёт: видите, как он радостно шевелит деталями, когда стреляет?

– Хм... Интересная концепция...

Нет, всё-таки Рен – это Рен. Куда мне до него. Он минуту смотрит на свою штурмовую винтовку... Красивым и расслабленным жестом прикладывает её к плечу – и за несколько секунд опустошает магазин. Короткими очередями «с отсечкой по три». По очереди на мишень. И каждая пуля – не больше трёх миллиметров смещения от центра. Это на сотне метров! Я восхищённо вздыхаю... И мелко мщу:

– Класс! Но, Рен-сан – это вы поберегите для «внутреннего использования». Будете так стрелять на глазах у людей – опять поймут, что Вы не совсем человек.

– Опять? – удивляется он.

– Да, опять. Асакура-сан Вас раскусил, между прочим.

– Ксо. – Рен чешет в затылке.

– Ладно, не обижайтесь на меня. Вот... поскольку у нас всё же дэйто – я вам обэнто приготовила. – я ведь не злопамятная. Так, мелкую шпильку ему вколола и успокоилась...

Мы отходим в укромный уголок.. Как оказывается – до крайности вовремя: мне звонит Хоне-Онна.

– Кстати, об Асакура-сане, – говорю я, выслушав её рассказ. – Похоже, придётся напомнить ему о нас.

Ичимоку Рен вопрошающе смотрит на меня. Есть, правда, не прекращает... что мне лестно: я и правда сама готовила этот бэнто.

– Помните недавний наплыв заказов на известных террористов и криминальных авторитетов? Станным образом исходящих от сотрудников «Канри»?

¹³² В Японии – правостороннее движение. Поэтому левый ряд – самый медленный.

– И? – с набитым ртом спрашивает Рен. – Маленькая Госпожа ведь отказала им?.. Это же не серьёзные заявки, чувства там ведь нет!..

– Так вот – продолжаю я. – Хоне-Онна пыталась найти – кто постоянно муссирует слух о нас. И вышла на одного человека... А человек оказался связан с контрразведкой. Есть мнение, что эти достойные джентльмены решили попробовать чужими руками решить кое-какие собственные проблемы.

Рен кривится. Ему такие методы не по душе, конечно.

– И чем нам поможет Асакура-сан? Наша деятельность ведь вне человеческой юрисдикции!

– Вне-то вне... – говорю я. – Но если вы вспомните эпизод с Такуму-куном, то... видимо, какую-то базу подвести можно. А здесь и думать даже нечего: этого господина же не за неverified убиство с нашей помощью надо прижать... А за подстрекательство. Не важно – как он предлагает это сделать. Важно – что.

– Гм. Интересная мысль. И пожалуй – верная. Но как ты собираешься это сделать? С чего он нам поверит? И с чего будет помогать?

– Помогать-то он нам будет по простой причине, – объясняю. – Даже двум. Первая: он принимал во мне участие, пытаясь спасти хоть кого-то. Вот ему повод спасать. Вторая: за выбитый пистолет он мне обязан жизнью. И, поскольку дяденька неглупый – должен был это уже понять... Когда успокоился немного.

– Логично.

– А поверит он – опять же по двум причинам. Первая: он-то как раз в нашем существовании не сомневается. Поэтому отправку в Ад с нашей помощью воспринимает как реальную угрозу. Вторая: мы ему докажем, что мы – это мы.

– Маленькая Госпожа этого делать не будет. – сразу отмечает Ичимоку Рен. – это слишком близко к нарушению её договора.

– Верно. Поэтому я и рассказываю это всё Вам. – упираю руки в землю, склоняясь перед ним. – Понадобится Ваша помощь. Это мы с Вами должны прийти к нему. И рассказать про то, как «расследовали» его. А если Вы ещё *глазом поморгаете* – будет совсем убедительно.

– Несколько рискованно. – резюмирует Ичимоку Рен. – но поскольку это может избавить Маленькую Госпожу от лишних беспокойств – я согласен.

Я про себя усмехаюсь: «И на что мы только ради неё не пойдём!».. А ведь – на что угодно. Мы все её любим. На самом деле – любим.

– Комбан-ва¹³³, Асакура-сан! Это вас некая Нохацу Дзюн беспокоит. Гоменнасай, мы думали, что продолжать наше знакомство будет некорректным... Однако возникли некоторые обстоятельства... Не могли бы ли мы с Вами встретиться в удобное Вам время?

Асакура-сан, конечно же удивлён. Насколько я поняла – в отличие от Рена – меня он до конца не раскусил, даже несмотря на то, что объяснение про задержку с предложением контракта давала ему именно я. Подозреваю – это вопрос менталитета. И тех самых отцовских чувств, на которых мы так неэтично сыграли. Удивлён – значит заинтригован. Поэтому предлагает встретиться буквально через час. Отлично, как раз доедем... и тем более отлично – что я в ЗАФТовском мундире: необычность

¹³³ Комбан-ва (こんばんは или 今晚は!) – стандартное вечернее приветствие.

моего вида поможет ему поверить. Кстати, для вящей убедительности можно будет перед ним «переодеться»... в юката, скажем. Тьфу, Дзюн! Дурочка. Нельзя переодеваться – встречаемся же в кафе, люди вокруг будут... Охо-хо, а значит глаз Рен открывать будет... скорее всего – у меня на груди. Ксо. Это же некрасиво!.. Но ради дела – придётся.

Наш визави, оказывается – уже на месте. И место – действительно удачное. Я не бывала в этом кафе... хотя это скорее даже ресторан. В общем – выбор действительно разумный: отдельные кабинеты, звонки на дверях... Совершенно точно они ориентируются именно на конфиденциальные разговоры. То-то он нас сразу предупредил: «скажете, что место для вас бронировал господин Юуки». Это имя его – Юуки.

При моём появлении глаза его округляются (насчёт костюма – это я правильно просчитала), а при появлении Ичимоку Рена – просто становятся квадратными. Ну да, он же, помогая мне – Рена видел куда лучше, чем «преследуемая сталкером» я: это объекту своему сталкер не показывается, а с другими-то людьми он ведёт себя нормально!

– Комбан-ва! – ещё раз здороваемся мы. Дожидаемся приглашающего жеста... но садиться ещё рано.

– Асакура-сан, – начинаю я. Собственно, поскольку это моя идея – то мне её и «двигать». Ичимоку Рен разумно самоустраняется: и по этикету так положено, да и в крайнем случае – выгоднее. Я могу списать «нежелательную активность» на то, что я – новенькая в команде Маленькой Госпожи, а он ведь ничего особого и не делал!

– ... перед тем, как мы перейдём к сути, мы хотели бы попросить у Вас прощения. Гоменнасай. – склоняюсь. Кстати, сейчас слово «гоменнасай» не просто подходит для ситуации, как просьба извинить нас, а используется в полном смысле: «[нами] была допущена бестактность».

– ... когда я сказала вам, что в некоторых случаях Маленькая Госпожа проверяет потенциального клиента перед тем, как предложить контракт – я не указала деталей. Это было очень неэтично по отношению к Вам, но для такой проверки было необходимо выяснить Ваши мотивы... а для этого – как можно скорее сблизиться с Вами.

– ... это была моя идея – некорректно сыграть на Ваших чувствах и предстать перед Вами жертвой сталкера. Мне действительно стыдно, гомменнасай! И если Вы не захотите выслушать меня – я Вас пойму, хотя и рассчитываю на Ваше снисхождение.

– Ладно... девочка – последнее слово звучит неуверенно. С одной стороны – он так ко мне обращался «всю дорогу». С другой – теперь я уже совсем недвусмысленно указала на своё настоящее положение... И следовательно не совсем понятно: насколько я на самом деле девочка (помимо того, что выгляжу так... вон, Энма Ай пятую сотню лет работает)... и вообще – уместно ли такое название по отношению к не-мёртвой демонице. Уместно, уместно. Маленькая Госпожа ведь тоже называема «сёдзе»!

– ... в конце-концов – ты меня и спасла. Хотя и не знаю – почему. Так что садитесь – и рассказывайте.

– Аригато гозаймошта. Вы действительно тот человек, на доброту и понимание которого можно положиться.

Мы садимся.

– Чтобы исключить недомолвки – скажу прямо: Ичимоку Рен-сан и я – помощники Энмы Ай, которая для нас является Госпожой, а Вам известна как Адская Девочка.

– Хорошо... Но чтобы исключить недомолвки – во-первых, я хотел бы знать, как к вам обращаться (имя вашего партнёра вы уже назвали, но я хотел бы знать и ваше). Во-вторых, было бы нелишним как-то подкрепить ваше утверждение.

– Не могу с Вами спорить. Моё теперешнее имя – Нохацу Дзюн, которое Вам и известно. То имя, которое я носила пока была жива – я полагаю, значения не имеет?

Асакура-сан кивает. Имя он спрашивал не столько для проверки, сколько для удобства общения: надо же как-то ко мне обращаться!.. что называется – см. выше.

– Подкрепить же своё утверждение...

По сдавленному криканию собеседника понимаю, что уже не нужно. Ичимоку Рен свою роль отыграл... Кстати – тактично: глаз у меня не на груди, а на плече. Ох, Рен-сан, аригато... всё-таки девичья грудь... место интимное.

– Н-да... – собирается с мыслями Асакура-сан. – Убедительно...

Тут у него возникает третий... в общем-то закономерный вопрос. Признаться, я надеялась – что он действительно возникнет, потому что от него суть нашей просьбы описать легче всего:

– Но и тем более непонятно тогда, почему вы выбили у меня тогда пистолет из рук? Казалось бы, вам... – тут он запинается: понимаю, хотел сказать «убийцам», но невежливо же! – ... в силу вашей деятельности...

Каков дипломат! Помогаю ему:

– К сожалению, люди склонны видеть в Маленькой Госпоже и её помощниках бездушное орудие. И уж совсем не склонны анализировать суть нашей деятельности. Между тем – мы тоже имеем этические установки и, как, возможно, Вы можете вспомнить, не слишком радуемся, когда работа требует их нарушать. К тому же – люди обычно не понимают главного фактора, о котором я уже упоминала: Маленькая Госпожа – не... «Тетрадь Смерти»¹³⁴. Она не предлагает контракт, если обращающийся к ней не готов на убийство. Она – предлагает честную сделку: либо человек отправляет в Ад своего обидчика, гарантированно не несёт наказания за это от властей земных, но гарантированно получает его от... «небесных». Либо человек делает то же самое – сам. И, возможно, получит наказание от тех и других... или какой-то одной. Или ни одной – если будет достаточно добр и праведен. Её работа – лишь исключение неопределённости.

Асакура-сан грызёт ноготь как мальчишка.

– Однако... – наконец произносит он. – С такого ракурса мне посмотреть в голову не приходило. Да. Исходя из того, что мне известно... Нохацу-сан, ваши аргументы звучат вполне убедительно. Хотя на первый взгляд нельзя исключать возможность откровенной лжи с вашей стороны... Суммимасэн, но вы всё-таки посланница Ада, это уже бесспорно. А Ад... лжив.

Я склоняю голову. Это и просьба верить мне, и знак: «я слушаю внимательно, Вы не закончили излагать цепочку своих умозаключений».... Да и просто, сказать мне нечего: специальных доказательств того, что я говорю правду – у меня нету. Собственно, я ведь вообще изложила ему результат своего собственного анализа, я могу аргументировать на уровне логики и перечисления фактов. Но «договора» между Маленькой Госпожей и Хозяином Ада я не видела и сама!

– ... Но ваше желание получить от меня некую помощь (не отрицайте, других мотивов для нашей встречи быть не может) гарантирует – либо эта ложь так велика, что я не успею её «раскусить», либо

¹³⁴ В «Тетрадь Смерти» (Death Note) достаточно было без ошибок записать имя жертвы, удерживая её образ в голове. И количество записей ограничивалось лишь объёмом тетради.

что вы – честны. А как полицейский я вынужден следовать презумпции невиновности. Итак, пока не доказано обратного – я вам верю. В чём заключается просьба?

– Ано...Дзюн-тян? – подаёт голос Ичимоку Рен. – Как-то это не обнадеживающе звучит... Ты всё ещё уверена?

– Хай! Асакура-сан не до конца доверяет нам, и это закономерно. Но он честно признаётся в этом и полностью излагает причины. Поэтому мы как раз можем ему доверять.

– Суммимасэн. Вам было бы проще говорить с Ичимоку-саном, как Вы понимаете – он менее искушён в игре словами и Вы бы договорились быстрее. Но это – моя инициатива, и в случае... если окажется, что мы превысили свои полномочия – нести ответственность должна я. Поэтому нашу просьбу (Вы правильно догадались) – излагать мне.

Асакура-сан улыбается:

– А вот теперь Вы меня убедили окончательно. Я слушаю вас... – тут он усмехается совсем уж ехидно и демонстрирует знания христианской культуры. – ... дважды мятежная демоница Нохацу.

– Собственно, просьба наша очень проста по сути. Некий человек, по имени Минорикава Кендзи, сотрудник фирмы «Канри Сольюшенз» и офицер контрразведки – муссирует слухи о нашей деятельности среди коллег по фирме. Что с нашей точки зрения не предосудительно, для Вас – уже не слишком хорошо. Главная же беда, что муссируя слухи он подталкивает людей обращаться к нам с заказами на... прямо скажем – не лучших представителей человеческого общества. Однако, для нас это неприятно, поскольку не соответствует принципам нашей деятельности. А для Вас, Асакура-сан (и для всех людей) – поскольку может квалифицироваться как...

– ... подстрекательство к убийству. – кивает Асакура-сан. Нет, он определённо очень образованный человек.:

– «политика подчас укладывает в постель очень необычных партнеров» – цитирует он Винстона Черчилля. – Пожалуй, я не откажусь помочь Вам в этом деле...

Тут он подмигивает:

– А мне это зачтётся?

Я пожимаю плечами:

– Вам – наверное да. Не знаю. Надеюсь, что я – права.

9Энма Ай

Эпизод 24. Final countdown

День сто шестой

– Привет, Дзюн-тян! Как день прошёл?

Мария стоит в дверях нашей квартиры и воюет со своими кроссовками: расшнуровывать их ей лень, а просто так скинуть не получается. А в гостях она у меня без особой причины. То есть причина, конечно, имеется. Но она чисто из области этикета и личных устремлений. Я пригласила её просто так, как подруга подругу. Посидеть, поболтать... в конце-концов я не так давно сама была у неё (на дне рождения) – теперь моя очередь приглашать. Вот и пригласила... Пирог с яблоками опять же испекла.

– Уф! – Мария, наконец, совладала со своей обувью и проходит в гостиную. – Сколько я у тебя ни бывала, всегда удивляюсь эклектичности вашей квартиры.

Насчёт эклектики – это она права. Кухня у нас нейтрально-современная. Гостиная (и спальня Хоне-Онны, но Мария там не бывала, потому не знает) – обустроена в полном соответствии с традициями и вообще как будто перенеслась в наше время из эпохи Эдо¹³⁵. А моя спальня – в полном соответствии с именем – больше похожа на рубку... Ну, скажем, Звёздного Разрушителя¹³⁶. Хотя нет, там дизайн был, по нынешним временам, уже консервативный. В общем – хром, чёрная кожа, стекло, и провода в количестве у меня в спальне. Футуризм сплошной.

Я приношу из кухни поднос с чаем и пирогом. Мария радостно цепляет кусочек и говорит:

– Ой, вкусно! Рецепт поделишься?.. Кстати, о рецептах...

Увы. Не судьба мне узнать, что там было «кстати». Фудзибаяси внезапно «накрывает». Как и давным-давно – аккуратно вынимаю из её руки кусок пирога и жду возвращения.

– Н-нохацу-сан...

Что?! Почему так формально? Великий Ад, чего же она увидела? Я натурально замираю с открытым ртом. К счастью, Мария немножко приходит в себя, и, видя моё замешательство, поясняет. Впрочем, она сама не до конца понимает увиденное и хочет меня расспросить. А увиденное...фатально.

– Я видела, как Энма Ай даёт куклу пожилому мужчине. Потом – вы с ним стоите на улице... Он вдруг выхватывает пистолет, но ты его выбиваешь. И снова – вы сидите в какой-то комнате. На тебе – странный мундир... Вы говорите о чём-то. А рядом с тобой – этот страшный парень. Дзюн, я боюсь! Почему он рядом с тобой?

С припльздом! По ходу – я «спалилась» окончательно. Нет у меня отмазок – с чего бы это я спокойно рядом с Ичимоку Реном сижу. Пришла пора открывать карты? Хотя... немножко повернуть всё равно можно.

– А что обсуждалось – ты видела?

– Да, ты... вы... рассказывали про какого-то мерзавца, который подбивает людей в «Канри Сольюшенз»... заходить на сайт «Адской почты» и...

Мария почти что в панике. Первая причина (это я «ловлю» совершенно чётко – и за то уважаю Фудзибаяси ещё больше) – она узнала о существовании Минорикавы. Который не просто хочет отправить кого-то в Ад. Который пытается сделать это чужими руками. Для неё он – не запутавшийся человек, как наши обычные клиенты. Пожалуй, как бы не пафосно это звучало, для неё он –

¹³⁵ Эпоха Эдо (она же эпоха Токугава) – с 1603 по 1868гг.

¹³⁶ И снова отсылка на Империю из «Звёздных Войн».

натуральное зло. Вторая половина – это собственно я сама. Наблюдаемая в странной компании... и говорящая странные вещи. Кстати, вот и, пардон, «третья половина». Даже если (точнее – «в особенности если») она видела только последний кусочек нашего разговора с Асакура-саном, то я для неё совершенно непонятна: с одной стороны я делаю то же, что и она старается – предотвращаю контракты с Маленькой Госпожой. Но мой компаньон.... и некоторые мои слова...

– Не самый симпатичный вариант? Погреть руки на чужом горе. Убить несколько недостижимых... индивидуумов – и спихнуть это на других...

– Да! – выдыхает Мария. – Это отвратительно. Но... вы... Вы сказали: «Что с нашей точки зрения не предосудительно»... Нашей? Что всё это значит?!

– Что же... final countdown?.. – грустно усмехаюсь я. – Похоже – пора. Мария... ты никогда не задумывалась, откуда я столько всего знаю и откровенно скучаю на лекциях?

– Эт-та... Задумывалась... Но...

– Понятно. Мало ли чего со мною было до приезда в Японию. И мало ли каким компьютерным и боевым премудростям – (это я намекаю ей на недавнюю «встречу» с гопотой) – я научилась в пустыне Руб Аль-Хаил. Тогда – другой вопрос. Тебе имя моей соседки ничего не говорит?

– Соне... Анна? – Мария в замешательстве. И тут до неё доходит. – Хоне-Онна?

Кажется, она готова расплакаться. Я пододвигаю ей пиалу с чаем. Простой жест, но удачный – она собирается.

– И вы... лгали мне всё это время?!

– Гомэ. Если я... или Хоне-Онна... или Ичимоку Рен хоть раз солгали тебе...

Фудзибаяси уходит в себя. В том-то и дело, что не лгали мы. Ни единого слова.

– Нет... Но если вы...

– Прости, Мария. Но ты забываешь то, что мы уже обсуждали не раз. И к моему сожалению – ты не видела другой части разговора с этим «пожилым мужчиной». Где было сказано: «Маленькая Госпожа – не... «Тетрадь Смерти». Она не предлагает контракт, если обращающийся к ней не готов на убийство. Она – предлагает честную сделку: либо человек отправляет в Ад своего обидчика, гарантированно не несёт наказания за это от властей земных, но гарантированно получает его от... «небесных». Либо человек делает то же самое – сам. И, возможно, получит наказание от тех и других... или какой-то одной. Или ни одной – если будет достаточно добр и праведен.»

– Мария... поверь, пожалуйста! Вспомни ещё раз, всё что ты видела. Всё, что мы пережили вместе. Энма Ай – не зло. Она – не делает ничего, чего человек не сделал бы сам. И гарантирует, что месть – та самая месть, которую вы, христиане, считаете страшным грехом – не останется безнаказанной.

– Да... наверное...

– И ты не видишь... Или не хочешь видеть... Ксо, да почему же *никто* не хочет видеть – что она тоже живая! Что у неё есть душа, что ей часто просто больно делать то, что она должна!

– Б-же мой! – Фудзибаяси потрясена. Что-то до неё дошло. Что?! – Ты её... любишь?..

Охо-хонюшки-хо-хо... Конечно да! Но как объяснить это Марии? Ведь любовь логикой не обосновывается. А вообще – надо ли объяснять?

– Да. Она моя Госпожа... – у меня внутри всё переворачивается, в горле – ком... я готова расплакаться... вот ведь глупость: это Фудзибаяси сейчас должна реветь, а не я. Но я и правда люблю Энму Ай. Не могу думать. Просто говорю всё, что чувствую. – и... я люблю её.

– Значит ты – действительно... – обречённо вздыхает Мария.

– Да. Я – не-мёртвая Нохацу Дзюн. Помощница Адской Девочки Энмы Ай. Неплохая ITшница и хреновая подруга.

– Нет, ты хорошая – Мария хватает меня за руку. – Мы и правда подружились! И мне всегда было хорошо с тобой... Но от этого – ещё больнее. Да, теперь я понимаю: ты действительно никогда не лгала мне... Быть может уклонялась иногда, но всё же была честна. Ты не раз спасала меня – и на семинарах, и... Вообще. На мой день рождения... быть может, ты сама и не рисковала...

– Ну, вообще-то боль я испытываю как и все люди. – уточняю я. – И ни нож, ни обрезок водопроводной трубы ни...

Это некрасиво, конечно. Но, наверное, мой текущий статус и для меня самой несколько странен до сих пор. Поэтому я не могу удержаться от того, чтобы нетактично напроситься на комплимент... по нетактичному же поведению:

– ... ни «ножки врозь» – мне радости не доставят. Последнее, конечно, если я сама не хочу...

– Тем более! Нохацу... сан. Почему?

Её вопрос не совсем внятен, я в какой-то мере «просчитывала» подобный разговор давно. Поэтому отвечаю:

– Я бы могла сказать, что как сотрудница Энмы Ай – присматривала за тобой как за человеком, имеющим с нею непонятную связь. И это тоже было бы правдой. Но... веришь или нет – ты тоже стала для меня дорогой и любимой подругой. И я просто не могла поступать иначе... даже понимая, что устраивая драку с этими козлами – почти однозначно выдам себя. И поэтому... можно я хотя бы последний раз попрошу... Я не знаю, что будет дальше. Но хотя бы пока мы сейчас говорим, пожалуйста, не зови меня «Нохацу-сан»... Да, мы, наверное уже не сможем как прежде. Но я и правда полюбила тебя – как человека, как личность. Не по работе, а от души. Можно... нам побыть подругами ещё хоть чуть-чуть?

Ну, вот оно и ага. Как говорится – «картина маслом и сыром по колбасе». Сидят это две девицы, режут в три ручья и пытаются друг-друга утешить. Гомэ, я ведь уже говорила: когда я стесняюсь – прячусь за самоиронией.

А Мария – монстр. Она снова опередила меня и стала хотя бы членораздельна, когда я сама ещё бестолково распяливаю рот и украшаю щёки чёрными дорожками туши.

– Дзюн.. -тян... тем более... тем более... как? Почему?

Говорить я не могу, а вот совершать какие-то осмысленные действия – уже. Потому – подтягиваю лаптоп, открываю веб-страницу.... У Марии квадратные глаза. Ох, дура я же дура! Хотя этот момент и меня «приводит в себя». Поворачиваю лаптоп к себе и начинаю переводить:

– «Поздний вечер. Сто двадцать километров в час по Dubai Bypass Road....»

...

– Ты и правда не боялась?

– Нет... Обидно – было. А страшно, жалко себя... разве что секунду... Знаешь, я тебе сейчас другой кусок переведу. Он очень личный... и вообще – разговор с Маленькой Госпожой. Но... лучше тебе знать. И, быть может – тогда ты меня поймёшь.

Открываю отредактированную версию того самого злосчастного stream.dat и читаю:

«– Ты не ценила жизнь?»

– Ценила. Но ведь ко мне пришёл не демон с рогами, и не старуха с косой. А ты. Глупо, да?...»

...

Мария прикладывает ладони к щекам.

– Да. Ты и правда любишь её. Дзюн-тян....

И без перехода:

– Я хочу встретиться с этим мужчиной!

Достаю коммуникатор и подталкиваю к ней.

– Асакура Юуки.

Не знаю, какими ассоциациями она переключилась с Маленькой Госпожи и меня на Асакура-сана. И что собирается ему говорить. И вообще – можно ли сводить их вместе. Но... какая разница? Маленькая Госпожа от этого не пострадает, если что – все шишки упадут на мою, а не её голову. И, как подруга Фудзибаяси я действительно не могу... да и не хочу... поступить иначе. «Делай что должно и будь что будет»? Наверное. Я на многое способна. Но не на предательство. Я останусь верна. Своей подруге. И своей Госп... сестрёнке!

Парадокс. Но после встречи с Асакура-саном Мария возвращается в нашу квартиру. Сейчас я чувствую её на порядок острее, чем когда-либо и знаю: по дороге обратно она позвонила домой и сказала, что несколько дней поживёт у подруги, поскольку у неё проблемы. Выглядит это как вполне законная отмазка, но что-то меня пугает. Мы обе сейчас – особенно сейчас! Чувствуем друг-друга... В общем, у обеих интуиция работает на девять тысяч оборотов. А значит... у меня проблемы? А пофиг. Ни её, ни Маленькой Госпожи они не коснутся, я ещё раз всё обдумала и уверена на «столицот процентов». Ну и ладно тогда. «Прими, линкор, мою любовь»?

Мы с Хоне-Онной сидим у неё в спальне – в каком-то тревожном ожидании. После того, как Фудзибаяси «вскрыла» нас – уже нет смысла перед нею притворяться. Но она-то – человек. И спать должна. Вот и уложили её в Хоне-Онниной спальне: самой-то Костяной Леди она на самом деле не нужна. А ещё она, похоже, обладает способностями булгаковской Маргариты «в режиме ведьмы»: буквально только положила руку на лоб Фудзибаяси – и та уже спит...

Но в полночь начинает метаться. Мы обе чувствуем... Хоне-Онна кивает мне: «Я позабочусь о ней. Иди, Дзюн-тян...»

Я переносюсь к нам домой. Маленькая Госпожа смотрит на меня... как всегда – вроде бы без эмоций, но на душе всё равно тепло.

– Нохацу Дзюн. – произносит она и мы оказываемся под огромным деревом. Закат обращает воды затона в кровь. Перед нами – Асакура-сан.

– Нохацу Дзюн. – снова произносит Маленькая Госпожа.

Я закидываю консольный кабель для роутеров (откуда он в моих руках?) вокруг шеи и обращаюсь в соломенную куклу. Падаю в ожидающую руку Энмы Ай.

– Возьми это. – произносит она, протягивая меня нашему клиенту. – Потянешь за красную нить – тем самым ты формально заключаешь контракт со мной. Душа твоего обидчика будет немедленно отправлена в Ад...

– Ты уже говорила... – отвечает Асакура-сан, принимая меня. – Но, полагаю – таков порядок. Как на суде свидетель каждый раз клянётся говорить правду...

– Однако, заключив контракт – ты должен заплатить...

Асакура-сан терпеливо слушает.

– ...Остальное – решать тебе.

Противу обыкновения – мы не переносимся в мир живых. Наоборот, Асакура-сан садится на колени перед Маленькой Госпожой.

– Я хотел бы поговорить с тобой. Хотя и знаю, что ты очень молчалива. Но может быть ты ответишь... Или твоя верная Нохацу-сан... А может быть мне и не нужно ответа...

У меня замирает сердце: и от его комплимента – он назвал меня верной перед лицом Маленькой Госпожи!... И от предчувствия. Да, что-то меняется.

– До сих пор не знаю... да и не узнаю никогда: что на самом деле вы чувствуете, выполняя свою работу. Вы ведь не расскажете...

Маленькая Госпожа неожиданно размыкает губы:

– Боль. И грусть.

– Мне... хотелось... Нет, не так. Я надеялся. И теперь я знаю – это действительно справедливо.

– Знаете, девушки – он обращается к нам обеим. – Этот Минорикава – оказался забавным типом. Он и правда верит, что подталкивая людей обращаться к вам – делает благое дело. И поэтому я не могу остановить его. Даже если под давлением полиции они закроют этот проект – он не остановится.

Энма Ай молчит. Мне, в общем-то тоже нечего сказать. Мы слушаем.

– Но здесь есть какая-то ошибка. Когда я поговорил с этой девушкой, Фудзибаяси, да? Я действительно подумал: нельзя и рыбку съесть... Простите, девушки, старого пошляка...

– Дело в том, что надо нести ответственность. Люди – везде, что люди, что гайдзины – говорят об этом. Взять тех, кто сражался в последнюю войну... «Пацан сказал – пацан сделал» – это наши соседи, русские. Победители. «Ein Mann – ein Wort» – это немцы, союзники. «Один человек – одно слово». У англичан и американцев тоже есть подобные высказывания... – Асакура-сан похоже сильно интересуется серединой XX века. – У нас же это почти абсолют... Вот, Нохацу-сан вообще под свою ответственность вышла на меня... да ещё с Фудзибаяси-сан познакомила. Как я теперь понимаю – действительно балансируя на грани дозволенного вам... Если не переступив её... из любви к тебе, Энма-сан....

Мне чудовищно стыдно. Да, он, конечно рассуждает сам по себе. Но... от обилия похвал в мой адрес – я страшно смущаюсь.

– Она – верная.

Вот честное слово: какое счастье, что я – не-мёртвая. Иначе – инфаркт гарантирован. Это уже не признание между нами двумя. Это декларация «стороннему» человеку. Душу продать? Ха-ха! Девять тысяч¹³⁷ душ – не хотите? Впрочем, я уже говорила: свою я уже отдала. А чужих у меня нет и не надо. Я просто опять в панике иронизирую.

– Наверное, он тоже что-то любит. Нашу страну, например. – продолжает Асакура-сан. – Но ради достижения цели – надо платить. Самостоятельно. Иначе.... как бы это правильнее сказать? Извращается сама цель. Достигнутый без труда, без усилий, без... расплаты результат – уже не тот результат, который нужен.

– Твоя Нохацу-сан – рисковала ради тебя. Ты сама – расплачиваешься болью... Всегда есть расплата. Нет. *Должна* быть расплата. Потому – вот расплата его. И моя.

Асакура-сан тянется пальцами и развязывает красную нить на шее меня-куклы.

– Хочется верить, что мы ещё сможем поговорить, Нохацу-сан и Энма-сан.

– Ваше отмщение будет исполнено.

¹³⁷ Девять тысяч в японском языке означает ещё и «сколь угодно/бесконечно много».

Эпизод 25. Любящая мать

День сто седьмой

– Охайо, Мария!

Моя подруга, несколько ошалевшая, появляется из спальни Хоне-Онны. Не удивительно: это не из серии «есть с чего ошалеть». Это наоборот: «есть ли хоть что-нибудь привычное?». Но меня она встречает немного вымученной – но всё же улыбкой. Я считаю – это очень хороший знак. И что она удержалась в собственном рассудке, не взирая на свалившиеся на неё «откровения». И что она по-прежнему.... Скажем так: не враждебна мне. Могла ведь, теперь-то она знает, что в некоторых вопросах мы чуть ли не «по разные стороны баррикад».

– Как ты? – спрашиваю. Не из вежливости, я действительно за неё беспокоюсь. – В колледж сегодня пойдём или хочешь отлежаться?

У Марии на лице – целая гамма эмоций. Но, продолжая эксплуатировать музыкальную терминологию – она проскакивает в таком аллегretto, что я не успеваю даже распознать: минор это или хоть чуточку мажор? К счастью (моему) – она садиться на пороге спальни и «вербализирует» их. Нет, это не для того, чтобы я чего-то там поняла. Просто ей надо выговориться. И самой осознать поток собственных мыслей.

– Дзюн-тян... – «Аригато!» – мысленно говорю я. Ещё один хороший знак. – Ты всё ещё здесь? Значит... не слишком «накосячила»?

Мария-Мария... Какая же ты классная! После всего – заботишься обо мне!

– Да... – немножко «играю дурочку»: разговор о ней, а не обо мне. – Тебе плохо? Может – воды принести?

– Не надо – улыбается она. – Я просто... после вчерашнего... боялась за тебя. Что ты призналась...

– Видимо, – это было правильно. Хотя на самом деле я призналась тебе потому, что не могла иначе. Я не просчитывала ситуацию. Просто – считала, что так должно. Ано... Мария... Всё же – ты сама как? – повторяю свой вопрос. – Вот, ты уже видишь, я эт-та...

Врать Марии я не хочу, да и не могу. Особенно после вчерашнего. Значит – обычную человеческую формулировку «жива и здорова» употребить не могу. Я не-мертва, а не жива. Соответственно – и здоровья у меня нету. Впрочем, Фудзибаяси умна. Похоже, она все эти вещи просчитала и сама. Она усмехается:

– Да. Вижу. Я боялась за тебя. А я... честно говоря – никак. Я ведь видела Асакура-сана... и вас с Энмой Ай. И что-то, наверное поняла. Вы сами – действительно *не* плохие. Но ваше существование – всё равно – зло. И Асакура-сан – тоже прав. Но... ошибается.

– Я не могу винить кого-то. Но здесь есть ошибка. Где-то в глубине. Моральная. И я пытаюсь.. Нет, я должна её найти.

Согласно киваю.

– Христианство – религия любви и прощения. А ты – настоящая христианка. Не по воспитанию – по убеждениям, по менталитету. В том, что мы делаем – нет прощения. Надежды. Но ты ведь не пастырь. Ты – рыцарь. Готовая взять на душу грех ради достижения цели...

Выставляю руку, как бы запечатывая ей уста: я знаю, что она сейчас захочет сказать.

– Есть разница между тобой и Минорикавой. Ключевая и радикальная: ты – *берёшь* грех на душу. Он – не считал сделанное грехом. И Асакура-сан – решил так же. Принял грех. А Маленькая Госпожа – и правда лишь орудие. К тому же – далеко не бездушное....

– Ох, прости. Опять я тебя грузю. Иди уже в душ, а я тебе каху изображу. И сырный сэндвич, хочешь?

Мария вяло кивает и уходит в ванную. Ей и правда нелегко сейчас (экие я банальности думаю), но и правда: надо начинать новый день. И точно так же правда – я ей помочь ничем не могу... кроме как заботой «по мелочам».

Вскоре она возвращается и, завернувшись в одно из Хоне-Онниных кимоно, которое я ей просунула в щёлочку двери в ванную, вяло грызёт сэндвич.

– Скажи, Дзюн-тян... Мы стали подругами. И ты мне помогала... поэтому. Но почему она тебя послала вообще?

– Умеешь ты вопросы задавать. По сути, «технически» – это было разовое задание, в процессе которого открылась твоя связь с Маленькой Госпожой. Но твой вопрос же не об этом. И откуда... или для чего ты с нею связана – я не знаю. И... как бы не любила я её – не уверена, знает ли это сама Энма Ай. Нет. Именно потому, что люблю её – не желаю знать.

Мария вздыхает. Я понимаю её: мой ответ лишь усложняет ситуацию. Хотя с другой стороны – даёт ей ещё одно подтверждение искренности чувства в отношении Сестрёнки (вот! Я, кажется нашла правильное слово для «внутренней адресации» к Энме Ай: «имото-сама»¹³⁸: «глубоко уважаемая младшая сестра»... Хотя всё равно, и Госпожа тоже)... Да, так вот – и Имото-сама я люблю, и Марию. Что... такая вот рекурсия – усложняет для неё ситуацию.

– Расскажи мне про вас. – просит она. – Своими словами. Я видела Энму Ай в сериалах и... не только. Но это взгляд извне. Расскажи мне «изнутри»?

– Хорошо. Я и правда хотела бы сделать это. И – могу. Могу рассказать – от себя. Как я видела всё сама. Конечно – я – не Маленькая Госпожа. И как видит Она – ответить не смогу. А Она...

Почему-то мне кажется, что Мария... быть может она не любит Имото-сама, но сочувствует ей не меньше моего. Так или иначе – она кивает и смотрит на меня. Ждёт.

– Но ведь и я – тоже «изнутри». А от лица Нохацу Дзюн... Слушай:

Я беру лаптоп и начинаю переводить:

«– Хоне-Онна-сан?

– Да, Дзюн-тян?

– Мне не хотелось бы оказаться навязчивой или обузой... Но у меня к Вам просьба... личного характера...»

Так проходит день. Я рассказываю. Мария то задумывается, то плачет, то хихикает. Время от времени в квартире появляется Хоне-Онна (работать в «Канри» нам уже не нужно: мой главный объект – Мария – и так рядом со мной; её основная тема – распространитель слухов – в Аду). Но мы – обе здесь. И Фудзибаяси, и я. Поэтому она молча приносит нам ещё чаю – и возвращается домой.

– Дзюн-тян, – уже под вечер спрашивает Фудзибаяси. – Но действительно: я не могу вас воспринимать как зло, вы все и правда по-разному хорошие...

Готова спорить: ещё она хочет сказать «и по-своему несчастные», но удерживает себя.

– Но зачем и откуда эта связь? Я думала – для предотвращения, но... похоже это не так...

– Ох, Мария... Насколько было бы проще, если бы я сама понимала.

¹³⁸Кандзи: 妹様

– Если бы мы понимали. – рядом со мной, оказывается, сидят все «взрослые» члены нашей команды. Когда появились, как долго слушают нас – понятия не имею. Может – и весь день. А конкретно эти слова произносит Ваньюдоу. От чего они звучат особенно веско: и по виду он старший из нас, и по сути... и не болтлив... почти как Имото-сама. А он – «забывает по шляпку»: – И понимает ли Маленькая Госпожа?

Я вздыхаю. Это правда. Мы – не знаем, что... и кто Мария. Максимум, что мы можем предположить – что она нужна Маленькой Госпоже. Да и то – потому, что её «возможности» больше похожи на Цугуми, а не Юзуки.

– Это так. – говорит Ичимоку Рен. – Никто так и не понял. Ни мудрый Ваньюдоу, ни Хоне-Онна с её чудовищной интуицией, ни наша логичная Дзюн-тян.... Ни я.

Если раскладывать нашу команду по на параметры, как это принято в настольных и компьютерных играх, то Рен – наша сила.... На стамину он не похож... Но шутки шутками. А мальчики правду говорят. Фудзибаяси для нас – загадка. Н-да, а интуиция у Хоне-Онны действительно чудовищная. Она протягивает к Марии руку со словами:

– Быть может, со стороны это окажется понятнее. Если посмотреть глазами души. Так что – спи, девочка....

Мария падает. Спит. Мальчики аккуратно переносят её обратно в спальню Хоне-Онны.

Ни на что, в общем-то не рассчитывая – задаю вопрос:

– Мы ожидаем контракт?

Рен за всех пожимает плечами.

День сто десятый

В общем, ситуация такая. По пунктам. Контракт мы действительно не ожидали, Рен формально был прав. Но он таки был предложен. Так что интуиция Хоне-Онны оказалась ещё мощнее, чем мы думали. Ну, и напоследок: я – снова кукла, а контракт... пожалуй, рекордной поганости. По крайней мере – из тех, где я принимала участие так или иначе.

Знаете, есть такая мерзостная штука, называется «Эдипов комплекс» – когда сын влюбляется в мать и ничего кроме неё не видит. Ну, и «оберегает» её соответственно. А тут – в точности наоборот. Гиперпротективная мамаша заказала (и, ксо, у нас ни одной причины отклонить заказ!) девушку её сына. И ведь реально – не от того, что девушка плоха чем-то. А от того, что сын «отдаляется».

И, до кучи – в нашей ситуации мерзости контракту добавляет моя подруга, спящая в соседней комнате. Ну, комнате, бывшей соседней, пока я в нашей квартире сидела. Гадость в том, что Фудзибаяси же почти гарантированно увидит этот контракт. А мальчик – учится на курс старше в нашем колледже. А девочка – вообще сидит за соседней партой... и неоднократно даже ела с нами ланч на большой перемене.

В общем, пользуясь русскими методами словообразования – такое ксо, что я и не знаю, куда уж ксее. Единственное (и крайне слабое) утешение – что исполни мы контракт – эта мамашка сама загремит в Ад рано или поздно. Где ей самое место. Но... это когда ещё?

И вот я лежу в её сумочке и регулярно выслушиваю её попытки манипулировать сыном. Феерическая мерзость. Особенно потому, что я понимаю: к нам она обратилась не зря. Психолог и манипулятор из неё такие... как из меня... повар в индийском ресторане. Абсолютно никакие.

И сделать ничего не могу. Со мною она не разговаривает. Положение моё достаточно бессильное. Да и вообще – это работа же. Как бы нам противно не было (а я уверена – Маленькая Госпожа не

испытывает по поводу этого контракта ни малейшего восторга, как и я) но причин отказывать у нас действительно нет. И ни Асакуру-сана, ни Фудзибаяси на неё «натравить» не можем. Не только по рабочим причинам. Но и по моему положению.

Мария, впрочем, и сама всё увидела. Однако толку с этого – ноль. На первый разговор её осмеяли и цинично «развернули» (не пудрите, мол, всякими городскими легендами мне мозг!), а все дальнейшие попытки – пресекались в корне холодным игнорированием.

Не знаю, пыталась ли она выйти на контакт с сыном и его девушкой.... но если и пыталась – то не с бОльшим успехом.

Короче, гадость и тупик. И вообще – мамаша пребывает «в изменённой реальности» и устраивает сыну сцены даже просто когда он опаздывает... по любым причинам. Парня, кстати, немного жаль, но соображать же надо! И быть мужчиной, а не маменькиным сынком... ведь его покорность и безволие только... подливают масла в огонь.

Вот и сейчас я имею до крайности сомнительное удовольствие выслушивать очередной параноидальный скандал. Конечно же, мальчик опоздал на пятнадцать минут потому что целовался с этой... когда его мама ждёт-не дожждётся. К слову сказать – парень вообще-то в автобусе в пробку попал. Но кто ж ему поверит?

Ксо.

Ох. Уже не «ксо». Теперь уже – «КСОООООО!» Мне развязали ниточку.

– Твоя месть – свершится. – сквозь зубы произношу я и перемещаюсь к несчастной девчонке.

Наши – уже в сборе и объясняют ей психологические проблемы материнства (Ваньюдоу) и основы конспирации (Ичимоку Рен, как ни странно). Вполне естественно – девушка своей вины не понимает... Да и какая там вина, ведь и правда – небольшое недомыслие, максимум, и кричит:

– Я-то за что?!

Напротив неё возникает Энма Ай, в фурикодэ, расшитом цветами. Цветы плавно перемещаются, поворачиваются, наползают один на другой...

– О, достойная жалости душа, смотрящая на всех свысока и причиняющая другим боль...

Мы буквально чувствуем, насколько Маленькая Госпожа неохотно произносит стандартную формулу. Но... я вот не знаю. Я – эгоистка, наверное. Если Имото-сама откажется выполнять этот контракт – я боюсь даже думать: что с ней станет. Насколько я понимаю – все «кредиты доверия» она уже израсходовала. Поэтому я – больше за исполнение контракта. Пусть одноклассница, которая ни в чём не виновата и, надеюсь, в Аду не будет сильно страдать... Чем Маленькая Госпожа.

– ... шар кармы, погрязший в грехе...

Ксо. Если бы я могла оказаться на месте Сестрёнки! Я не знаю, как бы поступила, наверное попыталась бы действительно нарушить этот контракт... Пусть бы мне потом «аукнулось». Но только не Ей. Увы – я не дзигоку сёдзэ, а всего лишь Нохацу Дзюн.

– 一遍死んで見る？

Эпизод 26. Три сестры

День сто десятый всё ещё продолжается

– ... Вот такой вот гадостью тоже приходится заниматься. Временами. Единственное, что меня хоть как-то примиряет – это именно гарантированное место назначения этой мамы... когда и её время придёт. Но ты, как христианка – и этим утешится не можешь, уж слишком... мстительная концепция.

Сидим в нашей квартире. Фудзибаяси какая-то совершенно... нет, не «опустошённая». Пустая. Я, впрочем, не многим лучше. Но у меня какие-то эмоции всё же различимы. Мне до крайности тоскливо. Вспышка злости, накрывшая меня когда развязывалась нить – отгорела. И сейчас у меня «похмелье»: такая вот бесконечная тоска и меланхолия.

Зачем я всё это Марии рассказываю – тоже не понимаю. Она уже достаточно неплохо знает меня, да и, подозреваю, в общем-то и характер Маленькой Госпожи примерно начинает себе представлять. А значит – и то, что я ей говорю – понимает и так. Видимо – это я от собственной меланхолии. Нарушить тоскливую тишину хотя бы звуками своего голоса.

А вообще «накрыло» меня основательно. Что я осознаю, обнаружив у себя в руках зажжённую сигарету. Конечно, беспокоиться о здоровье нам ни к чему, но Хоне-Онна не слишком любит табачный дым. Поэтому в квартире мы не курим. А тут я ещё и не помню – как доставала сигарету, как зажигала...

Хоне-Онна легка на помине. Некоторое время стоит в дверях, потом усаживается рядом и пододвигает мне блюдо. Она очень хорошая и всё понимает. Потому – на этот раз молчаливо разрешает мне курить. И ещё – своим жестом... и чувством благодарности за него – поворачивает мою мысль в немного другую сторону. Дело-то по всем статьям отвратительное было. И не одну меня так «плющит». Другим – тоже несладко.

– Знаешь, Мария... – говорю я. – Пойду я, пожалуй. Почему-то мне кажется – что сейчас ещё одному... человеку... очень плохо. А ты – посиди с Хоне-Онной. Или – если тебе видеть никого не хочется: моя комната в твоём распоряжении... минимум до утра. Даже если я раньше вернусь.

Фудзибаяси смотрит на меня. В её безразличных глазах на мгновение вспыхивает слабая искорка понимания. Она слабо кивает, и не спрашивает, а именно утверждает:

– Имото-сама.

Хоне-Онна моего признания, конечно, не слышала. Но это не бином Ньютона, сообразить о чём речь. Моя старшая подруга тоже кивает: «Иди, мол». Я переносусь домой.

Маленькая Госпожа – копия Фудзибаяси. Сидит над своими любимыми шариками такая же пустая. Присаживаюсь рядом. Но ей не говорю ничего. Энма Ай не любит слов. И, кажется, ей достаточно того, что я – рядом. Вот, сидим. Молчим. Наконец она задаёт вопрос:

– Это – тоже любовь?

– Да. Болезненная, эгоистичная, но – любовь.

– Зачем чувства?

– Чтобы быть людьми. Думать и чувствовать – быть человеком. Звери не думают. Б-ги – не чувствуют.

– А зачем быть людьми?

– Да. Люди ошибаются. Творят зло – и по расчёту, и под действием эмоций. Но ведь и творят гениальные и прекрасные вещи! Да, мы – очень хорошо видим, как далеко до окончания круговорота мести. Если он вообще когда-либо будет остановлен...

Я запинаюсь. В принципе – мне хочется сказать банальное: что именно в силу своей истории и рода деятельности мы видим достаточно однобоко. В основном – не лучшие стороны и не лучших представителей человечества. Но если я скажу это – получится, как будто я упрекаю Энму Ай. То ли в глупости, то ли натурально однобокости. Последнее, что я хочу сделать – это упрекать её.

Задумчиво касаюсь пальцем одного из её шариков. У моей бабушки тоже были такие. Красивые, стеклянные, с узором из разноцветных нитей внутри. Здесь, под лучами вечного заката, все нити кажутся красными. Но красиво всё равно.

– Красота может быть разной. Есть красота цветка. Не люди его создали, но именно люди её могут заметить. Увидеть – что цветок красив... а не просто яркий, полный нектара инструмент размножения. Есть красота стеклянного шарика. Её придумали и создали люди. Есть красота другого человека. Но и её видят именно люди. Наверное – способность видеть красоту – и есть смысл существования людей. Может и не смысл жизни любого и каждого человека... Но людей – всех... думаю – да. А ещё способность видеть красоту – это и есть способность любить.

– Что такое – красота?

– Это вопрос Б-га. Который растерял чувства. Или зверя – который не может анализировать, сравнивать их. А человек – ответит: красота – это то, что красиво. То, что вне тебя и одновременно в тебе. То, что заставляет грустить и радоваться. Что заставляет – самому сделать что-то красивое. Или хотя бы мечтать об этом. И каждый – скажет по-своему. Кто-то скажет: цветок. Кто-то – стеклянный шарик. Кто-то – маленькая девочка в цветастом фурикодэ.

Утешая Маленькую Госпожу – я прихожу в себя. Настолько – что даже делаю такой вот неуклюжий в общем-то комплимент. А вообще – вот оно и подтверждение. Я увидела красивую Энму Ай. И сама начала стараться сделать что-то хорошее для неё. Но этого я ей, конечно, не скажу. Это слишком откровенно. И к тому же – обяжет её по отношению ко мне. Не ради этого я старалась же!

Энма Ай катает тот же шарик, что и я минуту назад. Снова молчит, но я чувствую – это уже какое-то другое молчание. Ну, предположим, в начале оно было «подавленным», а сейчас стало «задумчивым».

Через некоторое время она снова спрашивает то, что мы уже обсуждали. Сейчас мне кажется – что века назад:

– Зачем мы?

– Я по-прежнему не знаю. Возможно – для того, чтобы люди оставались людьми. Совершая зло – они могут себя успокоить: «ещё есть время, успею загладить... да и вообще – есть ли он, Ад?» Мы – доказательство: есть. А вот времени – нет.

– А может быть... – я усмехаюсь странной мысли. – мы – для нас самих же. Что-то сделать друг для друга...

Мне опять вспомнилась недавняя аналогия с компьютерной игрой. Действительно ведь – очень у каждого из нас легко вычисляется доминирующая черта характера. Вот – даже подумала я эту мысль такими своеобразными словами... Дзюн-тян – юный интеллект команды, хи-хи. Совсем пришла в себя – уже хихикать могу. Кстати, Энма Ай, конечно, «параметром» не является. Она безусловно – наша душа.

Хотя ведь эти параметры описывают человека изначально? Сила – мускулатура. Мудрость – память. Интуиция и интеллект – правое и левое полушария. Ну а душа – это сердце. Маленькое, нежное, на самом деле – хрупкое... и усталое сердечко.

Ходики нам нужны. Сейчас бы вот сидели, а они мерно щёлкали бы. Но нету. И Энма Ай не одобрит. Я думаю, на самом деле – ей неприятны любые напоминания о течении времени. Потому что – за спиной полтысячелетия... и впереди – Вечность. Может быть и можно «свернуть с этой дороги» – но мы и правда не знаем как. Сейчас – не знаем.

День сто одиннадцатый. Он же – первый

А в людском мире наступает полночь. И на компьютере Маленькой Госпожи загорается эмблема «Адской Почты». Очередной заказ. Сколько их было? А сколько будет?..

Энма Ай встаёт и собирается перенестись к заказчику. Но не успевает. Такого не было, по-моему никогда, но заказчик не ждёт нас под деревом, а стоит у порога дома.

Фудзибаяси с кейтаем в руке. Мария? Христианка Мария, столько раз пытавшаяся остановить нас – или наших клиентов... Сама подала заявку? Да и вообще – на кого?! Кому и за что она хочет отомстить? Ничего не понимаю. Ни-че-го.

Энма Ай смотрит на неё.

– Вот мы и встретились. – говорит моя подруга. – лицом к лицу...

– Зачем?

– Мне тоже захотелось поговорить с тобой, Энма Ай.

– Зачем ты это сделала?

Вопрос Маленькой Госпожи, вроде бы уточняющий, но ситуации не проясняет. А Мария молчит.

– Нохацу Дзюн. Можешь посмотреть почту. – Маленькая Госпожа чувствует моё замешательство и разрешает... нет, приказывает ознакомиться со второй половиной контракта: объектом.

– Хай! – склоняю голову.

Открываю почтовый клиент. И вижу две строки:

«От: Фудзибаяси Мария.

Объект мести: Фудзибаяси Мария».

Смотрю на них в ужасе. Но один момент до меня всё-таки доходит. Захоти Мария совершить самоубийство – есть более простые способы. Да и не будет она этого делать – христианка же. Значит – она что-то задумала.

– Понимаешь... – наконец отвечает она. А у меня глаза... ну, если они были раньше расширены от ужаса, то теперь совсем округляются. Что бы Мария не задумала – её действия и правда разбудили какие-то силы: с потолочной балки немного сбоку от них обеих спускается крупный паук. Три точки у него на брюшке напоминают глаза... собственно, глаза это и есть: один поворачивается к Маленькой Госпоже, второй – на Марию... а третий – смотрит на меня. Хозяин Ада пожаловал.

– Понимаешь, – продолжает Фудзибаяси. – так получается, что все, кого я любила... и все – кого уважала – либо обречены Аду, либо уже в Аду. Либо.. – она снова запинается. – работают на него.

Последнее – это она обо мне? Зря, не стою я такого. Впрочем, похоже – нет. Или не только. Мария с явно читающимся сочувствием смотрит на Маленькую Госпожу. А та – задаёт следующий вопрос:

– Хочешь быть с ними?

– Да... – кивает Мария. Но что-то мне подсказывает – не так всё просто... какой-то момент она ещё не раскрыла.

– Ад – достаточно велик. – произносит Энма Ай. Не слишком понятно... но не для нас троих: отправляя себя в Ад – Мария обретает некий (весьма призрачный, однако, насколько я понимаю) шанс встретиться с Асакура-саном, Акиэ, Рин... Кешиширо впоследствии...

Несомненно, что-то у неё ещё есть. Она же пришла говорить с Маленькой Госпожой. И сочувственно смотрит именно на неё. А её, как раз, в Аду нет, и быть не дозволено. И мне жутко. Не только за Марию. Но и за Энму Ай. Она же отговаривает Фудзибаяси! На глазах Хозяина Ада! Эт-та... На глазах у всех: не знаю, в какой момент это произошло – но вся команда стоит у неё за спиной.

Ваньюдоу – слегка кривит губы в непроницаемой улыбке. Ичимоку Рен – в замешательстве грызёт ногти (вообще – совершенно не его жест). Хоне-Онна прижала руки к груди в каком-то отчаянном жесте... Впрочем, за них я не беспокоюсь – их преданность Маленькой Госпоже сомнения не вызывает. Но есть «тёмная лошадка» Ямаваро... который, похоже, просто не понимает – что здесь происходит и переводит взгляд с одного на другого. И Кикири. Которая, конечно, Маленькую Госпожу любит по своему... но всегда метила на её место. И долгое время была «аудитором» от как раз самого Хозяина Ада. Да и волю свою он тоже постоянно через Кикири диктует. А что самое противное – этика у неё совсем другая. Все мы что-то воспринимаем одинаково, что-то – по разному... Но только Кикири на моей памяти ни разу не выказывала неудовольствия контрактом. Наоборот – всякий раз веселится... и веселится жестоко. В общем – из всей команды она – в наименьшей степени человек.

Кстати и сейчас – Хозяин Ада обращается к Марии через неё:

– Ты не сможешь встретиться со всеми. Но я дам тебе выбор: ты можешь перейти границу – и увидеть тех, кто – там. И ты можешь остаться на границе.

Мария поворачивает голову и дерзко смотрит на... Да, она правильно смотрит: на паука, а не на Кикири.

– Если я останусь на границе... – ого! Она ещё спорит... или готовится ставить условия!? Во даёт! Настоящий боец. Тамплиер. – Не слишком ли много народу?

– Вы стали известны. Будет много работы. И мне нужна вторая.

На столе рядом с компьютером Энмы Ай начинает образовываться небольшой лёгкий «нетбук». У меня в коленях пустота, сердце падает куда-то вниз, а потом подскакивает обратно и бьётся как сумасшедшее. Мне чудовищно страшно то, что я должна сделать. Но я должна, должна. Я перестану себя уважать, предам всё, что любила – если не сделаю этого.

На подгибающихся ногах бреду к столу. Роняю на него свой лаптоп и тянусь к кнопке выключения компьютера Маленькой Госпожи.

– Нет. – слова даются мне с трудом. – Тебе нужны две – возьми меня. И отпусти Энму Ай. Или Марию Фудзибаяси.

Будь у меня две души – попыталась бы выкупить обеих. Но – я всего лишь человек. И кому-то из них я помочь не смогу. А ещё мне страшно, потому что я не могу выбрать – кого я хочу спасти. Выбор из двух зол... кошмарная штука. Ну почему у меня не две души? И страшнее всего, что я, кажется, готова пожертвовать подругой.

– Ты любишь честные сделки – говорит Мария. – Это – честная сделка. Энма Ай за свои деяния расплатилась сторицей. И ты это знаешь.

А Маленькая Госпожа тоже уже стоит около стола. Тепло и грустно смотрит на меня (кажется, я впервые вижу на её лице какие-то эмоции) и отводит мою руку от своей машины.

У нас за спиной хмыкает Ичимоку Рен.

– Можно бы и обеих. Хотя я и не девчонка.

На стол падает его мобильник. Да, Рен ведь катана. Благородное оружие. И после моего жеста первым сообразил: сейчас – можно хотя бы сделать попытку. Можно попробовать *защитить*. То, для чего он предназначен. И то – чего ему «при жизни» доводилось делать так редко... Если доводилось вообще.

– Ты настолько им предан?

– Фудзибаяси я практически не знаю. Но она – подруга Дзюн-тян. А Маленькой Госпоже я предан безраздельно.

Как хочешь – так и понимай. То ли это значит: «Я встану на место Энмы Ай, а Дзюн, если хочет – пускай спасает Марию», то ли «я поддерживаю просьбу Дзюн, поскольку она предана Энме Ай так же как и я».

В бой бросается Хоне-Онна.

– Мы все преданы Энме Ай. И все успели полюбить Дзюн-тян. Поэтому хватит. Тебе надо жертв – бери и меня. И хватит играть на наших чувствах. Мы тебе и так игрушек доставили...

– Ха-а-а. – низким голосом соглашается Ваньюдоу. Вообще-то по идее слово звучит как «Хай!», но то ли у него акцент, то ли это какая-то неизвестная мне языковая тонкость... Но я никогда не слышала, чтобы он произносил это иначе. А может быть просто – голос даёт оттяжку в хрип.

А Хозяин Ада начинает смеяться. Жуткое зрелище: маленькая девочка, смеющаяся гулким мужским басом.

– Чему-то вы научились. Стоите друг за друга. Впечатляет. Но по-вашему – не будет. Мне – не ставят условий. Я – услышал ваше желание. И распоряжаюсь с ним так: я даю силу Энмы Ай каждому из вас. А поскольку столько работников мне не нужно – уговорили. Разрешаю вам отказывать в контрактах. Иногда. По единодушному согласию – раз уж вы научились быть единой командой.

«Ах, какое коварство!» – мелькает у меня в голове. – «Ведь и Кикири! Уговоришь её отказать в контракте, как же!.. Но – хотя бы есть какая-то надежда».

– А напоследок, так и быть – сделаю вам подарок.

Паук лезет по своей паутинке и пропадает среди стропил. «Отпущенная» им Кикири хлопается на пол и сидит ошарашенная. А Энма Ай – берёт меня за левую руку, Марию – за правую... смотрит на неё, на меня... и ведёт из дому.

– Хорошие они девочки – тихонько произносит Хоне-Онна, глядя нам в след.

– Теперь уж не поспоришь. – отвечает ей Рен. – Теперь мы точно как семья.

– Ха-а-а.

Ваньюдоу разжигает трубку и наблюдает, как среди цветов, взявшись за руки, стоим мы. Вот какой подарок оставил Хозяин Ада!

Три сестры смотрят, как кроваво-красное солнце скрывается за горами и на небе зажигается первая звезда.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Эпизод 1. Пролог.....	2
День нулевой.....	2
Эпизод 2. 之法 殉.....	4
День восьмой.	4

Эпизод 3. Первым делом – пулемёты. Девушки – потом.....	8
День четырнадцатый.	8
День пятнадцатый.....	10
Эпизод 4. Серпентарий в газетной обёртке.....	13
День двадцатый	13
День двадцать второй	16
Эпизод 5. Университетский треугольник	18
День тридцатый.....	18
День тридцать первый.....	22
Эпизод 6. Выход на сцену.....	24
День тридцать девятый.	24
День сороковой.....	26
День сорок первый	29
Эпизод 7. Tribute to Black Lagoon	32
День сорок второй	32
Эпизод 8. Анимэшницы.	39
День сорок пятый.....	39
Эпизод 9. Рабочий квадрат.....	45
День сорок шестой.....	45
Эпизод 10. 遊女	52
День сорок восьмой.....	52
Эпизод 11. 125 кубометров тишины.....	58
День сорок девятый.....	58
Эпизод 12. Невинные детские забавы	65
День пятьдесят седьмой.....	65
Эпизод 13. Жизнь как Ад?	71
День шестьдесят второй.....	71
День... уже шестьдесят третий.....	72
День шестьдесят четвёртый. Астрономически.....	76
Эпизод 14. Какой же сотрудник не любит быстрой езды?.....	77
День семьдесят второй.....	78
День семьдесят третий	82
Эпизод 15. Слова сильнее дел	84

День семьдесят четвёртый	84
День семьдесят пятый	87
Эпизод 16. Фестиваль – это не только много знакомств... ..	90
День семьдесят седьмой	90
День семьдесят восьмой	95
Эпизод 17. О верности	96
День семьдесят восьмой продолжается.....	96
Эпизод 18. Многоугольник.....	102
День семьдесят девятый	102
День восьмидесятый. По часам	106
Эпизод 19. Углом меньше, двумя душами больше.....	108
День восьмидесятый. Всё ещё только по часам	108
Эпизод 20. Углом меньше и душой больше	115
День восемьдесят первый.....	115
Ночь перед днём восемьдесят вторым.....	119
Эпизод 21. Больше душ для Ада?	121
День восемьдесят седьмой.....	121
День девяностый, блин	124
День девяносто третий	125
Эпизод 22. День рождения Фудзибаяси	128
День девяносто пятый	128
Эпизод 23. Странный союз	133
День девяносто девятый	133
Эпизод 24. Final countdown	140
День сто шестой	140
Эпизод 25. Любящая мать	145
День сто седьмой	145
День сто десятый.....	147
Эпизод 26. Три сестры	149
День сто десятый всё ещё продолжается	149
День сто одиннадцатый. Он же – первый.....	151

